

Кунин, А

О РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХЪ МОНЕТАХЪ

ЯРОСЛАВА І ВЛАДИМИРОВИЧА,

СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ

СВ. ГЕОРГІЯ ПОБѢДОНОСЦА.

ИСТОРИКО-НУМИЗМАТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. Кунина,

Члена Императорской Академіи Наукъ, Хранителя русскихъ монетъ при Императорскомъ Эрмитажѣ
и Члена Археологической Комиссіи при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія.

(СЪ 4 ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1860.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
В. Глазунова. Фегеръ и Кош.

Цена 1 рубл. 75 коп. сер.

GRAD / ВУНН

СД

1289

Р9

К96

1860.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

СПб. 9 марта 1860 г.

К. Веселовскій.
Непрезыный Секретарь.

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

GL
607-4650
R.V.S.
522.25

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
Предувѣдомленіе	v—viii
I. Историческое Введеніе	1—23
II. Извѣстія о кладахъ съ Ярославлимъ серебромъ и обзоръ ученыхъ миѣній о немъ съ 1797 по 1859	24—56
III. Описаніе двухъ видовъ Ярослава серебра	57—93
IV. Почему должно приписать Ярославу серебро великому князю Яро- славу I Владиміровичу?	94—120
П р и л о ж е н і е I.	
О византійскихъ и древне-русскихъ изображеніяхъ св. Георгія побѣдоносца	121—136
П р и л о ж е н і е II.	
Ярославу серебро древнѣ ли Владимірова злата и серебра?	137—141
П р и л о ж е н і е III.	
О чешско-византійскихъ монетахъ и о варяжско-византійскихъ брактеа- тахъ и монетахъ	142—160
Родъ чешскихъ Премысловичей до конца XI вѣка	161
Послѣсловіе	162—166
Объясненіе Рисунковъ	(167—174)

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ.

Г. Кёне, бывший съ 1845 по 1850 годъ хранителемъ при милицъ-кабинетѣ I-го Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, осенью 1858 г. привезъ изъ Стокгольма рисунокъ монеты, найденной имъ въ тамошнемъ Королевскомъ милицъ-кабинетѣ, которую онъ, приписывая великому князю **Олегу** (879—882), объявилъ *древнѣйшимъ* памятникомъ изъ всѣхъ русскихъ древностей. Этотъ рисунокъ, сдѣланный имъ самимъ и выдаваемый имъ за вѣрный, онъ представилъ, съ предложениемъ по этому предмету, въ I-е Отдѣленіе Императорскаго Эрмитажа. Начальникъ этого Отдѣленія, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ф. А. Жиль поручилъ мнѣ составить о томъ донесеніе.

При разсмотрѣніи рисунка г-на Кёне (см. ниже фотографическій снимокъ на Табл. А) самымъ очевиднымъ образомъ оказалось:

- 1) что на лицевой сторонѣ этой монеты изображенъ не языческой князь **Олегъ**, а св. великомученикъ **Георгій** по византійскому типу;
- 2) что на лицевой сторонѣ монеты стоитъ не латинская круговая надпись: **Oleg rex** (= князь Олегъ), а отвѣсная греческая: 'Ο (ἄγιος) ΓΕΩΡΓΙΟ (= святой Георгій), — надпись, часто встрѣчающаяся на византійскихъ и русскихъ иконахъ, крестахъ, печатяхъ, монетахъ и пр.;
- 3) Что круговая надпись на оборотной сторонѣ вовсе не латинская, а церковно-славянская, а потому въ ней читается не: **Regwigw o Nrogad** (по мнѣнію г. Кёне: норманскій монетчикъ Регвигвъ въ Новгородѣ), а очень ясно: † **ирослав † ле ерѣбро**, (Ярославле сребро, т. е. серебряникъ Ярослава-Георгія, † 1054).
- 4) Что эта монета (см. рисунокъ съ гальванопластической копіи, ниже на Табл. В, 1) представляетъ не англо-

саксонскій чеканъ, а новый и важный въ своемъ родѣ типъ для лучшей классификаціи и оцѣнки всѣхъ **руско-византійскихъ** монетъ.

На это донесеніе, вовсе чуждое полемики, г. Кёне въ іюнѣ 1859 года подалъ новую записку, въ которой онъ выразилъ свое удивленіе тому, какъ можно такую ясную латинскую надпись приписывать великому князю Ярославу, и при этомъ позволилъ себѣ слѣдующій отзывъ:

«Я уже писалъ для напечатанія въ Запискахъ Одесскаго «Общества Древностей Россійскихъ и въ Германскомъ Журналѣ для Нумизматики статью о монетѣ Олега; эта статья «будетъ поднесена на судъ всѣхъ знатоковъ, между которыми, къ несчастію, не могу помѣстить гг. Чиновниковъ I Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, такъ какъ никто изъ нихъ до сихъ поръ не издалъ въ свѣтъ никакого сочиненія по Нумизматикѣ».

Въ слѣдствіе такого и подобныхъ отзывовъ г. начальникъ I Отдѣленія Эрмитажа вынужденнымъ нашелся вызвать сочинителя предлагаемаго разсужденія на защиту своего мнѣнія въ

печати. Между тѣмъ г. Кёне издалъ статью объ этомъ предметѣ въ ноябрѣ 1859 г. (см. русскій перев. ея ниже на стр. 52—56). Нынѣшнему хранителю русскаго минцъ-кабинета при Императорскомъ Эрмитажѣ должностныя занятія дозволили заняться изданіемъ своего труда лишь съ начала нынѣшняго года.

Быль ли въ правѣ г. Кёне такъ рѣшительно отозваться о лицахъ, завѣдывающихъ минцъ-кабинетомъ Императорскаго Эрмитажа, пусть судятъ читатели по предлагаемому разсужденію и по другимъ сочиненіямъ, указаннымъ ниже (стр. 164).

Къ счастью, не только въ С. Петербургѣ, но и въ другихъ городахъ Имперіи, есть довольно знатоковъ древностей, которые вполне способны быть строгими и вмѣстѣ справедливыми судьями въ этомъ дѣлѣ между г. Кёне и авторомъ, который и вызываетъ на то читателей (на 56 и 166 страницахъ предлагающаго разсужденія). Этимъ-то судьямъ, а не г. Кёне, и не автору, принадлежитъ право рѣшить, кто во всемъ этомъ дѣлѣ правъ и кто виноватъ.

I. Историческое Введение.

Больше полу столѣтія продолжается споръ о томъ, были ли въ Россіи до нашествія Татаръ металлическія деньги и въ-частности была ли чеканена монета, или до этого дошли только въ XIV вѣкѣ, когда владычество Татаръ стояло уже на высшей своей степени? Дѣйствительно, историкамъ и нумизматамъ прежняго времени вопросъ этотъ нелегко было рѣшить, когда древности разсматривались порознь и составляли только предметъ ученаго любопытства. Успѣхи науки и у насъ, какъ въ другихъ странахъ Европы, измѣнили это положеніе: теперь древности признаются и служатъ источниками не только для исторіи международныхъ сношеній, но, еще ближе, разсматриваются въ связи съ исторіей всей образованности народовъ. Благодаря этому расширенію взгляда, и столько-же счастливому случаю — именно находкѣ нѣжинскаго клада въ 1852 году —, специалисты стали тверже въ своемъ убѣжденіи, что монета въ Россіи чеканилась еще до Татаръ. Между тѣми изъ нихъ, которые строже вдумывались въ этотъ вопросъ, донинѣ

господствуетъ еще разногласіе о томъ, *какими изъ соименныхъ князей, по какимъ образцамъ и часто ли и для какой цѣли чеканилась монета?* Весьма естественно требовать чтобы наука прекратила и это недоумѣніе, тѣмъ болѣе что простымъ любителямъ отечественныхъ древностей трудно не растеряться среди множества разнорѣчивыхъ взглядовъ, не говоря уже о томъ, что появленіе поддѣльныхъ монетъ вводитъ ихъ въ сомнѣнія на счетъ древности и подлинныхъ экземпляровъ. Настоящее разсужденіе, по своей цѣли, не можетъ имѣть своей задачей — убѣдить склонныхъ къ скептицизму или не близко знакомыхъ съ современнымъ состояніемъ историческаго изслѣдованія, что признавать существованіе металлическихъ денегъ и именно монеты русскаго чекана очень естественно и безъ всякаго противорѣчія согласно съ дошедшими до насъ памятниками русской старины. Здѣсь лишь совершенно кратко могутъ быть указаны немногія данныя, служащія опорой для этого взгляда.

Извѣстно, что большая часть европейскихъ народовъ, равно и нѣкоторые азіатскіе, лишь тогда достаточно были подготовлены къ мысли обзавестись монетой собственнаго чекана, когда христіанская, либо магометанская религія не только возведена была въ государственную религію, но потомъ мало по малу утвердилась въ народѣ. Положеніе древней

Руси было въ этомъ отношеніи гораздо благопріятнѣе чѣмъ многихъ другихъ народовъ. Къ этому способствовали три современныхъ обстоятельства.

1) *Основаніе Россійскаго государства около 860 года*, отъ чего въ странахъ отъ балтійскаго моря до устья Днѣпра въ короткое время возникло живое торговое сообщеніе, распространявшееся на югъ, востокъ и сѣверо-западъ и въ слѣдствіе чего здѣсь болѣе и болѣе получала извѣстность византійская вѣсовая и монетная система еще до Владиміра Великаго.

2) *Возведеніе христіанства въ государственную религію въ Болгаріи въ 861 году* и въ связи съ тѣмъ изобрѣтеніе славянскаго письма въ 862 г. или около того для болгарскихъ Славянъ, въ слѣдствіе чего они стали способны быть посредниками между Византіей и своими восточными единоплеменниками, когда у нихъ — по меньшей мѣрѣ уже съ начала X вѣка — становилась все ощутительнѣе необходимость письма для мірскихъ цѣлей и потомъ для духовныхъ.

3) *Первое введеніе христіанства въ Кіевъ въ 865 году*, чѣмъ насажены были первыя сѣмена высшаго образованія, облегчены сношенія съ Византіей и заимствованіе техническихъ познаній, за долго прежде до возведенія христіанства въ государственную религію.

Покуда страны между финскимъ заливомъ и нижнимъ Днѣпромъ не были соединены государственнымъ единствомъ, до тѣхъ поръ и внутреннія сношенія не могли быть очень живы. Слѣдствіемъ призванія Норманновъ было то, что разрозненность славянскихъ общинныхъ союзовъ и съ нею вражда между отдѣльными племенами прекратилась. Хотя нѣкоторыя упорныя племена принуждены были присоединиться къ юному государству силою оружія, однако на Руси никогда не доходило до такой общественной розни между Норманнами и Славянами, какая на примѣръ долго была на западѣ между завоевателями Франками и покоренными Галло-Романами. Уже само призваніе, основанное на взаимномъ согласіи, нисколько не располагало къ тому, а потомъ брачныя союзы съ Славянками пріѣзжавшихъ неженатыхъ Норманновъ, общіе походы по рѣкамъ и по морямъ и окончательно сила христіанства предъ и за 988 годомъ ускоряли сліяніе обоихъ племенъ и укрѣпляли юное государство. вмѣстѣ съ тѣмъ могли сильно развиваться и внѣшнія сношенія и притомъ въ формѣ дѣятельной, предприимчивой торговли. Проложить къ тому путь, какъ нельзя лучше способны были именно Норманны, какъ моряки по преимуществу. для нихъ недостатокъ проѣзжихъ дорогъ по первобытнымъ лѣсамъ и болотамъ не составлялъ препятствія. Дорогами имъ служили рѣки и «волоки», по которымъ они перетаскивали свои

ладьи съ одной рѣки на другую, чтобы достигнуть балтійскаго, чернаго или каспійскаго моря. Освобожденіе Кіева отъ власти хазаро-тюркскихъ хагановъ около 862 году Аскольдомъ и перенесеніе великокняжеской столицы Олега въ Кіевъ могло только усилить уже существовавшія тогда сношенія Кіева съ Византіей. Даже всѣ морскіе походы Русскихъ на Константинополь: 865, 907 и 941 года, какъ они ни были мало удачны, имѣли слѣдствіемъ то, что облегчали для будущаго связи посредствомъ договоровъ. Уже въ первой половинѣ X вѣка русскіе морскіе экипажи являются на службѣ у византійскихъ императоровъ, которые принимали въ свою лейбгвардію и русскія крещенныя дружины: такъ было по крайней мѣрѣ уже при Игорѣ. Многіе изъ среды этихъ дружинъ возвращались домой съ богатымъ денежнымъ вознагражденіемъ и безъ сомнѣнія съ привычками цивилизованной жизни. Мы знаемъ далѣе, что въ половинѣ X вѣка изъ Кіева *каждую* весну отправлялся внизъ по Днѣпру большой торговый караванъ, преимущественно въ Константинополь, а отчасти и въ херсонскій (нынѣ севастопольскій) заливъ. Вывозъ изъ Россіи составляли разныя произведенія, въ особенности же дорогіе мѣха. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе торговцы часто встрѣчаются въ тѣ времена на Волгѣ, въ странѣ тюркскихъ Болгаръ, служившей сборнымъ мѣстомъ для азіатской торговли, и въ хазарской столицѣ при

устѣ Волги. Такъ какъ общенародныхъ потребностей въ самой Россіи было мало, то между ввозомъ и вывозомъ не могло быть оцутительной несоразмѣрности. Напротивъ, эта обширная торговля накопляла богатства въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, особенно у жителей столицы Кіева, какъ открывается между прочимъ изъ свидѣтельства иностранныхъ очевидцевъ XI вѣка: ихъ особенно поражала масса золота, серебра и драгоценныхъ тканей, которыми владѣлъ великій князь Ярославъ Владиміровичъ и потомъ его сыновья.

Такую дѣятельную торговлю съ югомъ, востокомъ и сѣверомъ Европы и съ разными азіатскими народами невозможно было вести посредствомъ одного обмѣна. Правда, долго вертѣлись на мысли, что звѣриныя шкуры и нарѣзанныя части ихъ, какъ-то куньи, бѣличьи и т. д., а также и кожаныя деньги служили въ древней Руси знаками цѣнности и замѣняли металлическія деньги. Но кожаныя деньги по высшей мѣрѣ годились только для мелочныхъ покупокъ, а звѣриныя шкуры или ихъ части никакъ не могли служить достаточнымъ средствомъ для оптовой торговли даже такой; какая была раньше XI столѣтія. Въ подтвержденіе этихъ соображеній многія мѣста въ лѣтописяхъ и грамотахъ рѣшительно доказываютъ, что старинныя названія: *скоть*, *кунь*, (а не куна и куница = *gupa*), давно получили значеніе *денегъ* вообще, такъ что выраженія: *куно-*

любие употреблялось въ значеніи сребролюбія, *скотница* — казнохранилище, какъ у Римлянъ и другихъ народовъ названіе денегъ произошло отъ имени скота. Правда, въ Россіи съ IX до XII вѣка было еще иное, металлическое средство для обмѣна и притомъ въ огромномъ количествѣ, именно: иностранныя деньги, особенно мугаммеданскія, меньше — византійскаго, англосаксонскаго и нѣмецкаго чекана. Извѣстно, что клады такого рода отъ времени до времени находятся постоянно, и притомъ въ большомъ количествѣ, по берегамъ балтійскаго моря, а внутри Россіи особенно близъ рѣкъ, и мугаммеданскія монеты оказываются битыми по большей части раньше начала XI вѣка. Но монеты столь разной величины, разныхъ пробъ, разнаго происхожденія, съ непонятными надписями, могли только изрѣдка и то по одиначкѣ служить мѣриломъ цѣнности, а въ большихъ массахъ могли быть средствомъ для расчета только *на вѣсъ*. А взвѣшиваніе денежныхъ массъ требуетъ хотя не прямо очень развитой, все-же однако достаточно опредѣленной системы вѣса. Что такая система очень рано была извѣстна и употреблялась на Руси, въ томъ не можетъ уже быть сомнѣнія. Скажемъ кратко: въ Кіевѣ скоро принята была византійская система, и именно счетъ византійскими фунтами или литрами (*λίτρα* — греческая форма латинскаго *libra* = *la livre*): это выраженіе встрѣчается уже въ договорѣ

Однако съ византийскими Императорами въ 907 году, и послѣ. А византийская литра, донинѣ удержавшаяся въ Венеціи въ качествѣ торговаго вѣса подѣ именемъ *libbra sottile* (легкій или малый фунтъ, въ противоположность большому фунту = *libbra grossa*), содержала въ себѣ только 72 золотника, стало быть, около $\frac{3}{4}$ нашего нынѣшняго фунта, и въ Византіи изъ нея чеканилось именно 72 золотыя монеты, изъ которыхъ каждая вѣсила такимъ образомъ 1 золотникъ, иногда безъ нѣсколькихъ долей. Эти византийскія золотыя монеты въ средніе вѣка были очень распространены въ Европѣ подѣ именемъ «*solidus aureus* (*bezants d'or*)» какъ позднѣе голландскіе червонцы. Въ договорѣ Игоря, 945 г., они называются уже; съ греческаго χρυσῶνος, церковно-славянскимъ *златникъ* и русскимъ *золотникъ*, изъ котораго произошло названіе золотника въ значеніи частицы вѣса.

Хотя византийское названіе фунта — литра — долго держалось въ письменномъ русскомъ языкѣ, при всемъ томъ было употребительнѣе народное выраженіе — *гривна*. Это слово, представляющее старинную форму прилагательнаго, одинаково принадлежитъ разнымъ славянскимъ племенамъ и состоитъ въ связи съ подобными словами въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ. По законамъ славянскаго словообразованія *гривна* производится (подобно слову *украина* отъ край) отъ слова *грива*,

котораго первобытное значеніе однако не сохранилось въ славянскихъ языкахъ; но оно встрѣчается въ санскритскомъ — въ значеніи *затылка* и *шеи*. Въ славянскихъ языкахъ *гривна* (= что на шеѣ) въ теченіе времени получила очень различныя значенія, русская же *гривна* совершенно естественно приводится къ тремъ главнымъ значеніямъ, которыя ясно опредѣляются ея названіями: *шейною*, *въсовою* и *денежной*.

1) *Гривна шейная*. Золотыя и серебряныя шейныя кольца были въ употребленіи у разныхъ народовъ древности и среднихъ временъ. Въ до-татарскій періодъ русской исторіи былъ обычай у князей, княгинь и княженъ носить на шеѣ золотыя кольца. Кромѣ того такія кольца дарились русскими князьями ихъ воинамъ, какъ украшеніе и, въ видѣ денежной награды. Извѣстно, что въ народныхъ сказкахъ долго сохранялось преданіе объ Александрѣ Поповичѣ «съ золотою гривною». Въ Скандинавіи, гдѣ такія украшения находятъ въ землѣ чаще, были гривны съ руническими надписями, портретами и другими изображеніями. Такія-же кольца, болѣе или менѣе красивой работы, иногда съ вытисненными на нихъ значками, дѣлались изъ золота и серебра также для рукъ: такіе «обручи» упоминаются и въ договорѣ Игоря и его дружинниковъ 945 года: надъ ними они произносили, по языческому обычаю, свою клятву. Находимыя въ разныхъ странахъ шейныя и ручныя

кольца все болѣе и болѣе удостовѣряютъ, что многія изъ нихъ имѣли *опредѣленный вѣсъ* и какъ знаки цѣнности замѣняли деньги: такъ именно было на скандинавскомъ сѣверѣ, гдѣ при раздачѣ наградъ кольца были также разрубаемы, почему князья въ стихотвореніяхъ Скальдовъ называются раздробителями (*baugbroti*) и дѣлителями (*hringtaelir*) гривень. Въ Императорскій Эрмитажъ перешли въ 1859 г. изъ Академіи Наукъ найденныя въ Россіи золотыя и серебряныя гривны разной величины и разной выдѣлки. Такъ какъ до насъ не дошло подробныхъ свѣдѣній о мѣстахъ и обстоятельствахъ ихъ находки, то ихъ нельзя всѣ считать древне-русскими; но между ними встрѣчается и нѣсколько разрубленныхъ серебряныхъ гривень.

2) *Гривна вѣсовая* произошла отъ оцѣнки шейной гривны на вѣсъ. Изъ сравнительной исторіи Славянъ можно заключать, что Норманны нашли въ Россіи гривну уже въ значеніи единицы вѣса; но потомъ, въ-слѣдствіе частыхъ сношеній съ Византіей, подъ именемъ гривны господствовалъ, какъ навѣрное можно сказать о Кіевѣ, легкій византійскій фунтъ въ 72 золотника. Въ другихъ краяхъ Россіи и большой фунтъ или гривна въ 96 золотниковъ явился также рано, по всей вѣроятности не со времени только связей Новгорода съ Ганзой.

3) Происшедшая изъ вѣсовой гривны *гривна денежная* въ смыслѣ монетной единицы испытала въ теченіе вѣковъ, какъ

и другія древне-европейскія названія монетной единицы, на пр. *libra*, *liga*, *lire*, *livre* (*à coin*), разныя перемѣны, и навѣрное уже до Татаръ. Здѣсь довольно указать лишь на то, что денежная гривна серебра, какъ счетная *монетная единица*, въ отношеніи къ выдѣлкѣ металла раздѣляется

на а) *гривну литого серебра*

и б) *гривну чеканного серебра*.

Въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ и грамотахъ встрѣчается довольно много мѣстъ, которыя показываютъ, что подъ именемъ «*гривны*», «*гривны серебра*», также «*гривны кунъ*» должно весьма часто разумѣть *гривны литого серебра*, настоящія *ходячія* металлическія деньги, т. е. продолговатые или шестиугольные серебряные слитки, которые, бывъ находимы по временамъ, по большой части поступали въ плавильные горшки, потому что простые люди не понимаютъ ихъ особенной цѣны, такъ что даже минцъ-кабинетъ Императорскаго Эрмитажа имѣетъ далеко не всѣ виды ихъ, съ ихъ особенными знаками и буквами, по различію временъ и княженій. Гривны золотыя доннынѣ у насъ еще не открыты, тогда какъ объ ихъ существованіи; хотя въ меньшемъ количествѣ, говорятъ многія мѣста въ древнихъ литературныхъ памятникахъ¹⁾. Большая

1) Большой волынской князь Владиміръ Васильковичъ († 1288) «розда «убогимъ имѣніе свое все: золото и серебро, и каменіе дорогое, и поясы золотыи

часть серебряныхъ слитковъ имѣетъ видъ палочки, безъ всякаго вырѣзаннаго знака, такъ какъ цѣнность ихъ, равно и бѣльшей части иностранныхъ монетъ, привезенныхъ въ до-татарскую Русь, составлялъ ихъ *вѣсъ*. Одинъ разрядъ ихъ, такъ называемые кievскіе шестиугольные слитки имѣютъ вѣсу отъ 36 до 38 золотниковъ и стало-быть составляютъ *половину* легкаго или *византійскаго фунта* (*libbra sottile*). Другой разрядъ, гораздо многочисленнѣе, условно называемый новгородскимъ, состоитъ изъ слитковъ въ 43—49 золотниковъ, стало-быть въ *полфунта* большаго вѣса (*libbra grossa*), и изъ отрубковъ въ 22—24 золотника, т. е. въ четверть фунта того же вѣса. Къ послѣднимъ особенно идетъ названіе *рубля* въ первоначальномъ нумизматическомъ значеніи этого слова. Слитки въ $\frac{1}{2}$ большаго или малаго фунта обыкновенно называются условнымъ выраженіемъ: «*ривенка*», хотя въ нѣкоторыя времена и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они могли ходить и подъ назва-

«отца своего и серебряные, и своѣ, иже баше по отци своемъ стяжалъ, все розда; «и блюда великаа серебрянаа, и кубьки золотые и серебряные, *самъ передъ своими очима поби и поля (перелигъ) въ гривны, и мониста великая золотая бабы своей и матери своей все поля, и розсла милостыню по всей земли*». Эти мониста (= *monile*) вѣроятно составляли особый родъ шейныхъ колець или гривенъ. Въ концѣ каждой строфы пѣсни, сложенной, около 1040 г., норвежскимъ витяземъ Гаральдомъ для того, чтобы тронуть сердце любимой имъ Елисаветы, красивой дочери Ярослава Владиміровича и Ингегерды, повторяется фраза о русской княжнѣ, украшенной золотой гривной (*gollhring*).

нѣмъ *гривны, гривны серебра и гривны кунъ* (= серебра, или вѣрнѣ денегъ, пѣнязей). Есть даже причины полагать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выливалось по 4 гривны или слитка изъ гривны или фунта серебра.

Эти-то безъ сомнѣнія, «гривенки» и «рубли», которые отливались, по приказанію князей, изъ болѣе или менѣе чистаго серебра, были въ Россіи въ теченіе вѣковъ съ древнѣйшихъ временъ и, въ высшей степени вѣроятно, съ самаго основанія государства или вскорѣ послѣ того, настоящею *ходячею* монетой, которою производились всѣ сколько-нибудь значительныя уплаты въ торговлѣ или въ житейскомъ быту, взносы въ казну и т. д. Между тѣмъ недостатокъ мелкой металлической монеты съ опредѣленнымъ знакомъ цѣнности, безъ сомнѣнія, долженъ былъ становиться все чувствительнѣе по мѣрѣ того, какъ умножалось народоселеніе и внутреннія сношенія усиливались, хотя сначала, конечно, лишь въ нѣкоторыхъ областяхъ. А какъ скоро уже были металлическія куны или деньги опредѣленнаго вѣса и цѣнности, то перейти къ чеканной монетѣ было уже не очень трудно. Желаніе должно было возникнуть, когда въ ходу было столько иностранной чеканной монеты. Нужны были, конечно, знаніе и навыкъ въ извѣстныхъ техническихъ приѣмахъ; но ковачи золота и желѣза, хотя бы и не великіе мастера, были и во времена до Владиміра великаго:

они воздвигали статуи боговъ съ серебряными головами и золотыми усами, ковали короткіе мечи съ нарѣзными украшеніями. На деревѣ уже во времена Игоря, при сожженіи труповъ вырѣзывали, по норманскому обычаю, имена покойниковъ и князя, вѣроятно, руническими знаками, и кромѣ того о вырѣзываніи буквъ на деревѣ при Игорѣ или Святославѣ есть положительныя свидѣтельства, именно современнаго арабскаго писателя, получившаго свое извѣстіе отъ достовѣрнаго очевидца. Буквы и значки, вырѣзываемыя на деревѣ, могли быть вырѣзываемы и на свинцѣ или другомъ металлѣ. По Игоревому договору съ Греками, 945 г., мы знаемъ, что дипломатическіе агенты Игоря имѣли печати: послы — золотыя, а гости — серебряныя, и что они, отправляясь въ Византію, должны были даже запасаться чѣмъ-то въ родѣ пропускной грамоты. Къ мирному договору языческаго князя Святослава Игоревича съ византійскимъ Императоромъ, 971 года, приложены были, для скрѣпы, и печати его уполномоченныхъ²⁾.

2) Въ Игоревомъ договорѣ Византійцы пишутъ: «А великій князь Рускій и боляре его да посылають въ Греки къ великимъ царемъ Гречьскимъ корабли, елико хотять, со сля и съ гостыи, якоже имъ уставлено есть. *Ношаху сля печати азлати, а гостые сребрени*; нынѣ же увѣдѣлъ есть князь вашъ послати грамоту ко царству нашему: иже посылаеми бывають отъ нихъ сля и гостые, да приносять *грамоту* ко царству нашему: иже посылаеми бывають отъ нихъ сля и гостые, да приносять *грамоту*, пишюче сиче: *яко послахъ корабль селько* (столько). И отъ

А при Владимірѣ Святославичѣ возможность битья монеты, какъ увидимъ ниже, была достаточно подготовлена еще вліяніемъ христіанства, начиная съ 865 г.

Первый, хотя неудачный морской походъ изъ Кіева въ 865 году имѣлъ прямымъ слѣдствіемъ крещеніе части его сподвижниковъ и, по всей вѣроятности, самого ихъ начальника (ἀρχων) Аскольда, на могилѣ котораго въ послѣдствіи воздвигнута была церковь во имя святаго Николая. Утвержденіе христіанства въ Кіевѣ присланнымъ сюда, не позже 866 года, отъ патриарха Фотія епископомъ существенно было облегчено тѣмъ, что тогда переведено уже было Евангеліе съ другими церковными книгами на болгарскій языкъ, понятный и Славяно-Руссамъ, и началось между Славянами иконописаніе. Какъ св. Кирилл и Меѳодія болгарскіе миссіонеры сопровождали съ юга въ нынѣшнюю Венгрію и Моравію, такъ конечно и въ Россіи уже съ 866 года грамотные болгарскіе священники служили орудіемъ къ христіанскому просвѣщенію, какъ это видимъ позднѣе. А съ введеніемъ церковно-славянской пись-

«тѣхъ да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходять. Аще ли безъ грамоты придуть и «преданы будутъ намъ, да держимъ и хранимъ, дондеже възвѣстимъ князю вашему...».

Въ концѣ Святославова договора, заключеннаго уполномоченными отъ имени великаго князя близъ Силистріи, мы читаемъ:

«Се же ииѣйте во истину, якоже створихомъ нынѣ къ вамъ, написахомъ на «харатьи сей и своими печатъми запечатахомъ».

менности, иконописанія и всего того, что нужно для сооружения и украшения храмовъ, неминуюемо должны были проникнуть въ Россію и начала византійскихъ художествъ, которыя прокладывали путь для дальнѣйшей образованности. Хотя юный кievскій разсадникъ христіанства или, говоря тогдашнимъ официальнымъ византійскимъ языкомъ, «русская епископія» должна была испытать чувствительный ударъ, когда язычникъ Олегъ въ 882 г. перенесъ свою столицу изъ Новгорода въ Кіевъ, но это было, судя по всѣмъ дошедшимъ до насъ извѣстіямъ о духѣ ново-пріѣзжихъ Норманновъ и вообще Славяно-Руссовъ, безъ сомнѣнія, лишь на короткое время. Достоверно извѣстно, что съ X вѣка связь Руси съ Византіей стала еще тѣснѣе: чаще являлись русскіе моряки съ своими судами на службѣ у византійскихъ Императоровъ, а русскіе купцы проживали въ Константинополѣ довольно долго и по обычаю среднихъ вѣковъ были употребляемы въ качествѣ дипломатическихъ агентовъ. Какъ христіанство въ тишинѣ укоренялось такимъ образомъ все болѣе и болѣе и какъ вмѣстѣ съ нимъ водворялись смягченныя нравы и потребности цивилизованной жизни, вдругъ узнаёмъ мы изъ мирнаго и торговаго договора Игоря съ Греками 945 года, который служитъ вмѣстѣ поразительнымъ доказательствомъ религіозной терпимости рюрикова сына: онъ съ своею языческою дружиной въ Кіевѣ утвердилъ договоръ клятвой по языческому

обычаю, а крещенные изъ его сподвижниковъ пошли въ *соборную* церковь святаго Иліи, и такихъ крещенныхъ, по прямому выраженію лѣтописца³⁾, было «*много*». Въ подтвержденіе того другое извѣстіе говоритъ, что въ слѣдующемъ (946) году, при торжественномъ приѣмѣ арабскихъ пословъ византійскимъ дворомъ въ Константинополь, въ числѣ царскихъ морскихъ дружинъ, особенно во дворцѣ выступили и крещенные Руссы съ своими знаменами (οἱ βαπτισμένοι Ῥῶς μετὰ φλαμισύλων....). Значеніе соборной церкви въ Кіевѣ ясно само по себѣ, и нельзя даже сомнѣваться, что число исповѣдниковъ христіанской вѣры въ Кіевѣ, равно какъ и между русскими торговыми и военными людьми въ Константинополь, съ года на годъ умножалось. Такое заключеніе мы можемъ выводить еще изъ другихъ обстоятельствъ. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что *древнѣйшую* основу т. н. несторовой лѣтописи составляетъ строго-хронологическій перечень походовъ кіевскихъ великихъ князей, начиная съ переселенія Олега въ Кіевъ въ 6390 году по византійскому лѣтосчисленію отъ сотворенія міра. Если въ столицѣ первыхъ *языческихъ* великихъ князей могло возникнуть уже лѣтописаніе, — а нужныя для этого Пасхалии су-

3) «Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви и предлежащемъ честнымъ крестомъ . . . мнози бо бѣша Варязи «хрестявни».

ществовали въ переводѣ уже со временъ славянскихъ апостоловъ —, то естественно полагать, что въ эту эпоху первобытное варварство болѣе и болѣе уступало успѣхамъ цивилизации, принесенномъ съ христіанствомъ.

Сила язычества рѣшительно была подорвана, когда вдова Игоря Ольга отправилась въ 957 году, съ священникомъ Григоріемъ и многочисленной свитой изъ своихъ родственниковъ и родственницъ и вельможъ, въ Константинополь, чтобы принять тамъ крещеніе. Много лѣтъ спустя послѣ того въ Константинополь, въ церкви св. Софіи еще показывали «блюдо великое золотое служебное», привезенное великою княгиною Ольгой для поднесенія патриарху. «Въ блюдо же Ольгинъ камень драгій; на томъ же камнѣ *написанъ* Христось».

По возвращеніи въ Кіевъ великой княгини Ольги, сколько она ни старалась склонить своего сына къ христіанству, Святославъ оставался языческимъ вольнодумцемъ, который, по духу своихъ предковъ, полагался больше на свою силу и на острие своего меча, нежели на помощь боговъ; но онъ позволялъ мужамъ своей дружины свободно принимать христіанскую вѣру. И дѣйствительно, въ числѣ бояръ, заключившихъ, въ 971 г., отъ имени Святослава договоръ съ византійскимъ царемъ и приложившихъ свои печати къ договорной грамотѣ, являются также такіе, которые «вѣровали» не въ «Перуна и Волоса», а

«въ Бога». Такъ возрастало сѣмя, въ первый разъ брошенное въ 865 году, и для великаго князя Владиміра, когда онъ, вспоминая о своей бабкѣ Ольгѣ, устоялъ противъ соблазновъ магометанства, не было уже слишкомъ смѣлымъ шагомъ — *возвести на Руси христіанство въ государственную религію*. Въ слѣдъ за тѣмъ прибылъ греческій митрополитъ, чтобы основать свой престолъ въ Кіевѣ; за нимъ слѣдовали другіе греческіе и болгарскіе духовные и мастера. Брачный союзъ Владиміра съ болгарско-византійскою княжной Анной, его знакомство съ роскошью цвѣтущаго Херсона и другіе подобные факты были многознаменательны. Теперь пошли въ ходъ всякаго рода художества, чего требовало уже одно построение великолѣпной десятинной церкви въ Кіевѣ. Какъ легко теперь было Владиміру попасть на мысль чеканить монету, подобно византійскимъ императорамъ, которыхъ золотыя и серебряныя монеты давно ходили въ Россіи съ опредѣленною цѣнностію! Въ металлѣ не было недостатка. Держаться ли строго византійскаго вѣса, система котораго была извѣстна Русскимъ, объ этомъ въ Кіевѣ, какъ и въ другихъ новообращенныхъ странахъ, не было нужды думать, точно также какъ и заботиться объ изящной выдѣлкѣ чекана. Могло быть, что сами Византійцы, или поселившіеся въ Кіевѣ іерархи подали Владиміру мысль чеканить свою монету, и одинъ родъ медалей —

именно особый видъ изъ такъ называемыхъ черниговскихъ медалей съ греческою и церковно-славянскою надписью — , по видимому дѣйствительно указываетъ своимъ содержаніемъ и символами на истребленіе язычества «рабомъ» Божиимъ «Василіемъ»-Владиміромъ.

И почему Россія, послѣ того какъ въ ней постепенно пробуждено и воспитано было расположеніе къ высшему образованію, почему она одна оставалась бы неспособною завести послѣ 988 года свой монетной чеканъ? Если взвѣсимъ всѣ вышеизложенныя обстоятельства, меньше ли она была къ тому подготовлена, чѣмъ Польша, Швеція и даже волжская Болгарія въ X столѣтіи? Ужъ никакъ не меньше, скажетъ всякій знакомый съ исторіей образованія тѣхъ странъ. Второму христіанскому королю въ Польшѣ, Болеславу храброму († 1025), завоевателю Кіева, не очень затрудняются приписывать нѣсколько монетъ грубой работы, и даже одну монету съ церковно-славянскою надписью на обоихъ сторонахъ. Шведскія монеты начинаются съ Олафа Скэтконунга (980—1018), тестя Ярослава Владимировича. И почему христіанская Русь, при своей тѣсной связи съ Константинополемъ, послѣ 988 года не могла бы сдѣлать того, что дѣлали въ X вѣкѣ волжскіе Болгары? Этотъ, отчасти еще кочевой тюркскій народъ во времена Игоря былъ обращенъ въ магометанство, и

хотя ханы его жили далеко отъ образованныхъ магометанскихъ странъ, однако они уже въ X вѣкѣ били монету съ *арабской* надписью, хотя она несравненно меньше понятна была ихъ разноязычнымъ подданнымъ, чѣмъ церковно-славянскія надписи Русскимъ. Правда, въ древней Россіи меньше была чувствительна нужда въ чеканной монетѣ, чѣмъ въ другихъ странахъ но все-же серебряныхъ слитковъ въ 48, 36 и 24 золотника достаточно было только для уплатъ покрупнѣе: слитки въ 12 золотниковъ, хранящіеся въ минцъ-кабинетахъ, можетъ быть, никогда не существовали, а подѣланы въ новѣйшее время. Ужели же въ Россіи до XIV вѣка не было мелкой монеты изъ какого-нибудь металла? Отрицательно отвѣчать на этотъ вопросъ, кромѣ разныхъ названій монетъ, очевидно, низкой цѣнности, не позволяютъ полновѣсныя свидѣтельства разныхъ историческихъ источниковъ; а между тѣмъ почему-же до сихъ поръ ничего подобнаго не найдено въ старинныхъ кладахъ? Ссылались въ этомъ отношеніи на Владиміровы и Ярославовы монеты, на сребренники въ нѣжинскомъ кладѣ 1852 года; но ни тѣ ни другіе, ни кожаные деньги, безспорно, ходившія тамъ или индѣ въ продолженіе столѣтій, не рѣшаютъ достаточно этого капитальнаго вопроса въ исторіи русскаго монетнаго дѣла. Брактеаты болѣе или менѣе низшаго сорта, какіе ходили въ Польшѣ, Скандинавіи

и др. краяхъ, можно предполагать и въ древнѣйшей Руси; но въ пользу этого предположенія не говорятъ ни найденные клады, ни историческія свидѣтельства.

Конечно, въ XI вѣкѣ были страны, гдѣ обходились безъ домашней монеты, какъ напр. дунайскіе Болгары и Сербы, у которыхъ долго ходили византійскія и латинскія монеты, прежде нежели начали чеканить болгарскую и сербскую. Но положеніе и потребности южныхъ Славянъ въ многихъ отношеніяхъ были неодинаковы съ потребностями и состояніемъ древней Руси. Во всякомъ случаѣ ошибаются, когда думаютъ, что болгарскіе и сербскіе князья X и XI столѣтій имѣли больше поводовъ чеканить монету, чѣмъ Владиміръ, Ярославъ и ближайшіе ихъ преемники. Вовсе лишено историческаго основанія лѣтъ 20 назадъ пущенное въ ходъ мнѣніе, будто монеты съ именемъ Владиміра и Ярослава принадлежатъ Сербіи и Болгаріи. Рядъ князей въ этихъ странахъ теперь довольно извѣстенъ, и между ними рѣшительно нѣтъ ни одного Ярослава. Въ Болгаріи хотя съ IX вѣка процвѣтала богатая письменность, которая вошла въ Россію подъ именемъ церковно-славянской и много содѣйствовала къ утвержденію христіанскаго духа и образованію вообще; но внутреннее состояніе перваго болгарскаго царства было таково, что вовсе неудивительно, если въ немъ не было въ то время своей собственной монеты. Отъ

1018 до 1186 Болгарія была даже только провинціей византійской имперіи. Со вторымъ болгарскимъ царствомъ съ 1186 года начинается небольшой рядъ монетъ князей Іоанна Страшиміра, Святослава и т. д.; но эти болгарско-византійскія монеты столь-же неосновательно относить къ Россіи, какъ и на оборотъ, золотыя (см. ниже табл. С, № 7) и серебряныя (табл. С, № 6) монеты Владиміра и Ярослава (табл. В, № 1 и 2) приурочивать къ Болгаріи. Сербія лишь много спустя послѣ Владиміра и Ярослава сдѣлалась сильнымъ государствомъ и потому всѣ извѣстныя сербскія монеты съ латинскими и славянскими надписями — а ихъ немало — происходятъ лишь изъ первой половины XIII и изъ слѣдующихъ столѣтій. Между извѣстными донынѣ болгарскими и сербскими монетами съ славянскою надписью нѣтъ ни одной, которая обнаруживала бы ближайшее сходство типа съ русско-византійскими монетами.

II. Извѣстія о кладахъ съ Ярославимъ серебромъ и обзоръ ученыхъ мнѣній о немъ съ 1797 по 1859.

Число донинѣ найденныхъ монетъ Ярослава-Георгія Владиміровича не велико: оно ограничивается тремя серебряными монетами (или медалями?), которыя сдѣлались извѣстны въ теченіе послѣднихъ 60 лѣтъ (именно отъ 1797—1859). Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы ихъ въ самомъ началѣ выбито было лишь нѣсколько экземпляровъ. Нѣкоторые края русской земли довольно богаты восточными и европейскими монетами, которыя зарыты были въ землю до 13-го столѣтія. Есть основательныя причины думать, что изъ множества кладовъ, найденныхъ внутри Россіи, обнародовано лишь небольшое число ихъ, и то лишь въ послѣднія десятилѣтія: наибольшая часть монетъ переходила въ плавильные горшки Евреевъ, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и т. д. Потому очень вѣроятно, что въ числѣ найденныхъ восточныхъ и англо-саксонскихъ монетъ, въ теченіе нашего столѣтія, встрѣчались и экземпляры

Ярославовыхъ монетъ. Можетъ быть, будущность доставить намъ новые ихъ экземпляры, особенно если во внутреннихъ губерніяхъ живѣе будетъ чувство уваженія къ древностямъ и охота къ ихъ сохраненію. Чувство это и теперь кое-гдѣ пробуждено; но обнаруженіямъ его на дѣлѣ мѣшаютъ разныя обстоятельства. Укажемъ здѣсь на одно изъ такихъ обстоятельствъ. Всѣ безпристрастно изучающіе причины неправильнаго развитія государственной и народной жизни въ древней Россіи живо убѣждены въ томъ, что Петръ Великій въ своихъ заботахъ о централизаціи зашелъ слишкомъ далеко. Что касается въ особенности народнаго просвѣщенія, то одинъ Петербургъ съ своими центральными учрежденіями, конечно, уже въ 18 вѣкѣ, далеко не могъ удовлетворять настоятельнымъ всенароднымъ потребностямъ и особенно пробудить жителей внутреннихъ губерній отъ дремоты и равнодушія къ дѣлу науки. Какъ вредно дѣйствовало и еще продолжаетъ дѣйствовать это равнодушіе, о томъ къ сожалѣнію довольно краснорѣчиво говоритъ между прочимъ опустѣніе цѣлыхъ собраній рукописей и архивовъ, которые до новѣйшихъ временъ отправлялись на бумажныя мельницы или расточались инымъ образомъ. Пусть многіе продолжаютъ считать древности и монеты старымъ хламомъ: народы западной Европы давно видятъ въ провинціальныя музеяхъ дѣйствительное средство оживлять общественный духъ,

пробуждать и поддерживать эстетическое чувство. Что выигрываетъ отъ того наука, ясно для всякаго образованнаго; а сколько она потеряла у насъ отъ равнодушія и отъ неудачныхъ мѣръ со времени Петра Великаго, тяжело и подумать.

И настоящій обзоръ монетъ Ярослава приходится начать потеряннымъ экземпляромъ.

1. Экземпляръ Графа Алексѣя Ивановича Мушина - Пушкина.

Онъ найденъ былъ въ 1792 году, или около этого времени, въ Кіевѣ, по словамъ самого графа, «при копаніи рва»⁴⁾. Первое извѣстіе объ немъ сообщено печатно въ 1797 году конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ Фёлькнеромъ. Онъ самъ видѣлъ монету; увѣрялъ, что она «съ незапамятныхъ временъ висѣла на иконѣ», приписывалъ ее уже Ярославу Владиміровичу, хотя безъ дальнѣйшихъ доказательствъ; опре-

4) «Вскорѣ потомъ получилъ онъ изъ Кіева древній доселѣ неизвѣстный монеты *Ярославе сребро*») и полтину, съ словами: Княз. Волод., найденныя тамъ «при копаніи рва».

*) «Монета сія срисована вѣрно для сравненія находящихся на оной буквъ съ буквами надписи Тмутараканскаго камня, и напечатана . . . въ письмѣ Оленина . . . о Тмутар. камнѣ».

См. «Записки для біографіи Е. С. Графа Алексѣя Ивановича Мушина-Пушкина», помещенныя въ Вѣстникѣ Европы, Ч. LXXII. М. 1813, стр. 80.

дѣлилъ ея вѣсъ въ 53 аптекарскихъ грана, но присовокупилъ къ тому ошибочныя соображенія⁵⁾).

Около того-же времени — именно въ 1792 году — найденъ находящійся нынѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ тмутороканскій камень съ надписью 1068 года, которая гласитъ; что князь Глѣбъ мѣрилъ по льду разстояніе отъ Тмуторокани до Керчи. Къ спасенію его содѣйствовалъ также графъ Мусивъ-Пушкинъ; онъ-же въ 1795 году открылъ въ одномъ сборникѣ Слово о плѣку Игоря. Всѣ эти находки,

5) Auszug aus des Russisch-Kaiserlichen Collegienraths Chsti. Friedr. Völkner's in St. Petersburg ... Einleitung zu der Skizze der ersten und zweiten Epoche einer Geschichte der Russen въ Журналъ: Allgemeiner Litterarischer Anzeiger. Leipzig 1797 in-fol., стр: 764.

«Unter andere solche Denkmähler rechne ich: ... II. Eine antike silberne Münze, welche, ausser andern Gegenständen, unwidersprechlich auch bildende Künste vor dem Tatarjoche in Russland beweist. Ich habe sie selbst in Händen gehabt, gewogen und 53 Gran Medicinal-Gewicht schwer gefunden. Ihr augenscheinlicher langer Umlauf und ihr oben eingeschlagenes Loch (sie hat in Kiew an einem Heiligen-Bilde undenkliche Zeit gehangen), lassen muthmassen, dass sie neu ein volles Drachma gewogen hat. Der Präsident der kaiserlichen Akademie der freien Künste, Alexei Iwanowitsch Mussin-Puschkin ist Eigenthümer dieser Münze, von welcher ich eine genaue Abzeichnung habe. Auf der rechten Seite steht das Brustbild in einem Kniestück Sancti Georgii, mit seines Namens *Slowäno-Russischer* Aufschrift Георгіи; an der rechten Seite die Lanze aufrecht stehend, und in der linken Hand einen runden Schild haltend. Auf dem Reverse steht um das Wappen die Umschrift: Ярославле серебромъ *Jarosslawisches Silber*, und in der äussersten Exergue die drei Buchstaben М. А. Н. bedeuten монѣта одной цоратоі *Münze Einer Nocate*. Der Grossfürst Jaroslaw Wladimirowitsch hat nämlich von 1016 — 1054 regiert».

сдѣланныя вдругъ въ одно время, возбудили сомнѣніе насчетъ ихъ подлинности, или по крайней мѣрѣ на счетъ древности. Оно было поднято первымъ критическимъ толкователемъ несторовой лѣтописи, Августомъ Шлецеромъ, который отъ природы былъ не легковѣренъ и кромѣ того настроенъ былъ къ недовѣрчивости долговременнымъ ученымъ опытомъ. Касательно монеты Ярослава онъ ограничился лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ⁶⁾. «..Отъ недавняго времени насъ увѣдомляютъ изъ «Россія еще обо одномъ открытіи. Найдена—дескать серебряная монета, вѣсомъ около квента, съ надписью: Ярославле «сребро, — будто—бы Ярослава I († 1054)». Отъ сомнѣнія на счетъ подлинности таманской надписи Шлецеръ вскорѣ отказался: его соблазнилъ, безъ сомнѣнія, снимокъ Оленина, хотя онъ не представляетъ рѣшительнаго доказательства подлинности. Сомнѣніе Шлецерова въ древности пѣсни объ Игорѣ скоро также ослабло, и новое описаніе монеты Ярослава вызвало его на подробнѣйшее объясненіе.

Прежде нежели изданъ былъ рисунокъ монеты, объ ней отозвался, тогда уже опытный нумизматъ, Академикъ Кругъ, въ своемъ первомъ сочиненіи, и притомъ отчасти съ цѣлью приостановить сомнѣніе спептического Шлецера: «Монета»

6) Несторъ. Russische Annalen. 2. Theil. Göttingen 1802, стр. 278; Т. I, русскаго перевода, стр. *род* и 384.

— писалъ онъ въ 1805 году⁷⁾ — «совершенно хорошо сохранилась и не потерпѣла, можетъ быть, никакой, или развѣ «ужь весьма малую утрату. Какого она Ярославъ, я не знаю. «Возбуждено было сомнѣніе на счетъ ея существованія; но я «могу увѣрить, что я видѣлъ ее у графа въ Москвѣ. Суще- «ствование ея для меня доказано, и я не могу сомнѣваться и «въ ея подлинности. Что касается послѣдней, то я въ теченіе «нѣсколькихъ лѣтъ имѣлъ случай видѣть во многихъ собра- «ніяхъ на разныхъ мѣстахъ Россіи большое количество ста- «рыхъ и новыхъ монетъ; да и мое собственное собраніе, въ- «слѣдствіе покупокъ, обмѣна и подарковъ, стало очень зна- «чительно, такъ что мнѣ въ этомъ случаѣ, я думаю, очень «можно повѣрить». Въ заключеніи своего сочиненія Кругъ проситъ объяснить ему, дѣйствительно ли русскую монету начали чеканить только въ періодъ татарскаго владычества, какъ полагали тогда, или уже раньше, такъ какъ послѣднее мнѣніе «все-же основывается на существованіи пробнаго вѣса и одной серебряной монеты».

Вслѣдъ за сочиненіемъ Круга явилось и подробное разсужденіе Оленина о тмутороканскомъ камнѣ. Къ нему при-

7) Zur Münzkunde Russlands. St. Pet. 1805, стр. 149 — 153. На русскомъ подъ заглавіемъ: Критическія разысканія о древнихъ русскихъ монетахъ. Въ СПб. 1807 года, стр. 201—206.

ложенъ снимокъ монеты, рисованный и гравированный А. Ермалаевымъ⁸⁾, который самимъ графомъ Мусиномъ-Пушкинымъ въ 1812 году признанъ былъ «вѣрнымъ». Изъ этого рисунка видно, 1) что монета не вполнѣ сохранилась и кое-гдѣ поистерлась, и что 2) на верхнемъ ея краѣ, вѣроятно, при отнятіи ушка, выломленъ кусочекъ, который впрочемъ едвали составитъ 3 или 4 грана. Объясненіе надписи, сдѣланное Оленинымъ, довольно точно; но онъ пропустилъ вопросъ о князѣ, котораго она называетъ, озаботившись только сравненіемъ начертаній съ буквами на тмутороканскомъ камнѣ. Результатъ этого сравненія Оленина не обнаруженъ; да и достигнуть какого-нибудь результата подобное сравненіе можетъ только при помощи другихъ палеографическихъ памятниковъ.

Объясненія Круга и Оленина побудили Шлецера опредѣленнѣе изложить значеніе своего сомнѣнія, отъ чего впрочемъ самое дѣло не подвинулось впередъ. Въ рецензіи на Кругово сочиненіе онъ, между прочимъ, сказалъ⁹⁾: «И монета

8) Письмо къ Графу Ал. Ив. Мусину-Пушкину о камнѣ Тмутороканскомъ, найденномъ на островѣ Таманѣ въ 1792 году. Во градѣ С. Петра, 1806, стр. 32 (Рисунокъ монеты находится на стр. 28). Рецензія Шлецера на Письмо помѣщена въ (Göttinger) Gelehrte Anzeigen 1807, № 27.

9) (Göttinger) Gelehrte Anzeigen, 1806 11. Oct. № 163. Ср. Журн. М. Нар. Просв. Ч. LXIV, Отд. VI, стр. 34.

«Ярослава также *подлинна*? Конечно, она не поддѣлана «какимъ-нибудь новѣйшимъ обманщикомъ; Шлецеръ этого «никогда и не думалъ: но подлинно ли она монета великаго «князя Ярослава I, когда на Руси едвали была и мысль-бить «монету? Это, конечно, задача критики, а не упражненій и «опытности въ нумизматикѣ». Судя по другому мѣсту въ рецензій на нумизматическое сочиненіе Круга, Шлецеръ не расположенъ былъ считать серебро Ярославле выбитымъ до Татаръ.

Въ 1812 году пожаръ Москвы истребилъ дорогое собраніе рукописей графа Мусина-Пушкина и съ нимъ, вѣроятно, и монету Ярослава¹⁰⁾; по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ нигдѣ не упоминается о ея существованіи. Позднѣе явился-было еще экземпляръ серебра Ярославля, перешедшій въ Императорскій Эрмитажъ изъ Погодинскаго собранія и о которомъ г. Погодинъ¹¹⁾ сообщилъ слѣдующее «... Извѣстно, «что Ярославовой монеты долго извѣстенъ былъ одинъ только «экземпляръ... Второй экземпляръ оказался у А. А. Медын-цева, и при осмотрѣ былъ переломленъ А. Н. Оленинымъ. «Этотъ экземпляръ достался моему собранію, — и показался

10) «Dans le cabinet du comte Moussin-Pouchkin à Moscou, on conservait, avant l'incendie de 1812, une médaille d'argent d'un Jaroslaff». Chaudoir.

11) Москвитянинъ 1852. Авг. Кн. 2. Отд. VII, стр. 154

«мнѣ, къ прискорбію, поддѣльнымъ, послѣ того, какъ про-
«стылъ первый пылъ радости. Послѣ его приобрѣтенія, я за-
«биралъ о немъ справки, кои, однако же, обращались въ его
«пользу». Между тѣмъ подлинность этого экземпляра болѣе
чѣмъ сомнительна: очевидно, онъ выбитъ по рисунку Ермо-
лаева, хотя на оборотной сторонѣ уже читается полное слово
*Амин..*¹²⁾).

Сомнѣнія о томъ, дѣйствительно ли Ярославле серебро при-
надлежитъ Ярославу Владиміровичу, на нѣкоторое время
затихли, когда нашлось нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ
монетъ съ надписью: *Владиміръ, а се его злато, .. а се его*

12) Онъ хранится въ нумизматическомъ собраніи Имп. Эрмитажа. Подобное
собраніе, существующее не на показъ только, но и для ученыхъ цѣлей, не можетъ
обойтись безъ подложныхъ экземпляровъ, тѣмъ болѣе, что у насъ далеко еще не
разобраны вопросы о неподлинности монетъ, поддѣланныхъ прямо для продажи за
подлинные, о монетахъ, выбитыхъ подлиннымъ штемпелемъ или возобновленнымъ въ
позднѣйшее время, о монетахъ и медаляхъ, которыя чеканились, особенно со времени
Императрицы Екатерины II, для страстныхъ любителей, ради куріозности. О по-
мянутой монетѣ въ Имп. Эрмитажѣ есть записка Оленина, которая для прекращенія
толковъ сообщается здѣсь вполнѣ:

«4 Января 1839.

«Возвращаю Александру Алексѣевичу серебрянную древнѣйшую монету,
«извѣстную подъ именемъ: *Ярославле серебро*. Я укладывая ее въ коробочку,
«нечаянно надломилъ ее и раздѣлилъ, но безъ порчи для штемпелей. — Такимъ
«образомъ, что монета сія осталась въ томъ самомъ видѣ въ какомъ она была,
«въ томъ я могу увѣрить Александра Алексѣевича Медынцова. Алексѣй
«Оленинъ. Д. Т. С.».

сребро и проч.¹³⁾). На основаніи этихъ надписей, безъ дальнѣйшаго разбора монетъ, ихъ вообще, какъ скоро онѣ считались подлинными, приписывали Владиміру Святому. Только Карамзинъ¹⁴⁾, хотя онъ и не былъ нумизматомъ по профессіи,

13) Первое извѣстіе объ этомъ Владиміровомъ золотѣ и сребрѣ, кажется, сообщено изъ Кіева Алкндр. Воейковымъ. См. статью: «О найденныхъ древнихъ Рускихъ монетахъ» въ Вѣстникѣ Европы, М. 1816. Ч. LXXXVII, стр. 316

«Почтенный Матвѣй Васильевичъ Могилянскій, просвѣщенный любитель и знатокъ отечественныхъ древностей, доставилъ мнѣ счастье видѣть и снять рисунокъ съ двухъ монетъ, изъ которыхъ на золотой, принадлежащей Коллежскому Ассессору Бунге, видѣнъ на одной сторонѣ образъ Спасителя съ довольно ясными вокругъ словами: *Иисусъ Христосъ*; на другой сторонѣ видѣнъ сидящій Владиміръ и имѣющій въ правой рукѣ жезлъ или посохъ въ видѣ креста, а въ лѣвой свѣтильникъ, и слова не совсѣмъ ясныя: *Владиміръ, а се его злато*».

«На одной сторонѣ серебряной, принадлежащей здѣшнему купцу Пирожкову монеты, видѣнъ также сидящій Князь Владиміръ съ такимъ же посохомъ и съ ясными вокругъ словами: *Владиміръ на столѣ*. На другой ея сторонѣ то же подобіе свѣтильника, но въ большемъ видѣ, съ ясными вокругъ словами: *а се его сребро*». Рисунки, хотя не очень удачныя съ этихъ монетъ приложены къ Ч. LXXXVIII Вѣстника. Ср. еще Списокъ Русскимъ памятникамъ . . . собраннымъ Петромъ Кеппеномъ. Москва 1822, стр. 1, 2; П. Свиньина въ Отеч. Запискахъ, Ч. XXVII. СПб. 1826, стр. 244—245; Труды и Лѣтописи Общества Истории и Россійск. Древностей, Ч. III, кн. 2, (1827), стр. 163 и тамъ же Ч. VIII, (1837) стр. 330. По словамъ П. И. Кеппена (см. его Списокъ, стр. 2) кіевская «золотая монета куплена въ Кіевѣ у одного изъ бывшихъ пѣшихъ Стрѣлковъ, распущенныхъ въ концѣ 1796 года, а ему досталась отъ матери, при разлукѣ съ нею». Тамъ-же говорится, «что золотая (монета) нынѣ случайно затеряна въ Кіевскомъ Государевомъ саду». См. снимокъ ея ниже на Табл. С, № 7.

14) История Россійскаго Государства. II^е изд. СПб. 1818. II, прим. 56. «... Можетъ быть, Ярославъ первый хотѣлъ имѣть собственныя серебряныя деньги

съ свойственнымъ ему тактомъ отозвался, что онъ не знаетъ, кому онъ принадлежатъ, Владиміру ли Святому, или Владиміру Мономаху; но на это замѣчаніе не было обращено особеннаго вниманія. Сребро Ярославле, кромѣ Шторха¹⁵⁾ и Карамзина, приписывалъ Ярославу Владиміровичу и Калайдовичъ¹⁶⁾. Бекетовъ¹⁷⁾ былъ того-же мнѣнія, но уже выразилъ недоумѣніе, было ли это сребро ходячей монетой. Успененій¹⁸⁾ держался мнѣнія Круга. Рисунокъ Ермолаева повторили Калайдовичъ¹⁹⁾, Шодуаръ²⁰⁾ и Сахаровъ²¹⁾.

«въ Россіи, и велѣлъ художнику Византійскому сдѣлать въ Кіевѣ нѣсколько монеть «для опыта... Я видѣлъ еще двѣ, безъ всякаго сомнѣнія древнія монеты или медали, «золотую и серебряную, съ изображеніемъ К. Владиміра и съ подписью: «К. Владиміръ на столѣ (престолѣ) своемъ»; но не знаемъ, которой, Святой, Мономахъ «или Владимірко Галицкій. Сія монеты принадлежатъ одному Малороссійскому «Дворянину.

15) Cours d'économie politique. Par Henri Storch. Tome sixième. St.-Pét. 1815, pag. 47.

16) Біографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи Россійскихъ Древностей, Графа А. И. Мусина-Пушкина, стр. 7—11. (См. Записки и Труды Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Часть II. Москва 1824).

17) О сребрѣ Ярославлѣ. См. Зап. и Труды Общ. Ист. и Др. М. 1824, Ч. II, стр. 124—134.

18) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ Гавріила Успенскаго. Изданіе второе. Въ Харьковѣ. 1818. II, стр. 664.

19) Труды и лѣтописи Общ. Истор. и Др. Р. Часть III. Книга II. Москва 1827, стр. 163 (№ 3).

20) См. его Recueil de Planches или Собраніе изображеній. II, 1. № 3.

21) Лѣтопись Русской Нумизматики. Отдѣленіе первое. Изданіе второе. СПб.

Съ барона Шодуара²²⁾ опять начинается нерѣшительность, какому Ярославу приписать монету съ этимъ именемъ? Шодуаръ былъ почти готовъ принять ее за подражаніе (мнимой) монетѣ византійскаго императора Алексія Комнина (1081—1118). Вовсе несостоятельное мнѣніе высказалъ И. Фундуклей въ 1847 году²³⁾. Другіе²⁴⁾ также произвольно предполагали, будто такія монеты «высымались въ подарокъ» кіевскимъ великимъ князьямъ изъ Константинополя. М. Погодинъ также долго не осмѣливался приписывать злата и серебра Владиміровыя и Ярославле прямо великимъ князьямъ кіев-

1851 in-4°. Т. 1, № 4 — Его-же Записки о Русскихъ гербахъ. I. Московскій Гербъ. СПб. 1856, Т. 1, № 6.

22) Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères qui ont eu cours en Russie. Première Partie. St.-Pét. 1836, p. 104 — Seconde Partie. St.-Pét. 1837, p. 2—3. Русскій переводъ вышелъ подъ заглавіемъ: Обзоръ Русскихъ и иностранныхъ денегъ. СПб. 1837—1841. (См. I, стр. 113; II, стр. 2—3). Статья, напечатанная подъ заглавіемъ: Die russische Münzkunde des Mittelalters въ Blätter für Münzkunde, herausgegeben von Grote. Hannover 1844, IV. p. 111—116 есть только извлеченіе изъ сочиненія Шодуара.

23) Обзоръ Кіева въ отношеніи къ древностямъ, изданное Иваномъ Фундуклеемъ. Кіевъ 1847 in-4°, стр. 91. «Въ Кіевѣ найденъ былъ и медальонъ, извѣстный подъ именемъ *серебра ярославля*, который, также какъ и *владимірово золото* и его же *серебро*, можно считать чеканенными въ Греціи, въ честь нашихъ великихъ князей».

24) См. Тавричeskія Губернскія Вѣдомости за 1849 г. № 52. — Извлеченіе изъ этой статіи помѣщено было въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1853 г. Часть LXXX, Отд. VI, стр. 157.

скимъ²⁵). Лелевель прежде²⁶) допускалъ, а потомъ отвергалъ существованіе русской чеканной монеты въ XI столѣтіи, прибавляя, что въ Кіевѣ и византійскія и мугаммеданскія монеты переплавлялись въ слитки²⁷). Впрочемъ еще до 1853 г. онъ выразился осторожнѣе²⁸).

Между тѣмъ, лѣтъ двадцать тому, явилось новое мнѣніе, по которому монеты Ярослава и Владиміра будто-бы выбиты не русскими князьями, а южно-славянскими. Къ этому мнѣнію пристали и покойные нумизматы Кругъ († 1844) и Рейхель († 1856). Кругъ, по вызову академика Френа, въ 1831 году, снова возвратился къ вопросу: чеканили ль монету въ Россіи до татарскаго владычества, или нѣтъ? и онъ отозвался неопредѣленно въ пользу перваго мнѣнія. «Ибо еслибы и» — писалъ онъ въ примѣчаніи къ Френову разсужденію о моне-

25) Изслѣдованія. Томъ III. М. 1846, стр. 287; Томъ VII, 1856, стр. 360 и 361 и наконецъ: Норманскій Періодъ. Москва 1859, стр. 180.

26) Въ Сборникѣ вышедшемъ подъ заглавіемъ: *La Pologne historique, littéraire, monumentale et illustrée*. Paris. 1839—41, pag. 458: «Boleslav fit avec son sabre une trace durable sur la porte dorée de Kіiov, capitale des Russiens, où Iaroslav le Grand forgeait sa monnaie à l'empreinte byzantine, et il fit savoir aux empereurs grecs la nouvelle de ses conquêtes sans se soucier du coin de leurs espèces».

27) *Polska wieków średnich czyli Joachima Lelewela w dziejach narodowych polskich postrzeżenia*. Tom II. Poznań 1847, стр. 434: «... Ruś zawsze bogata, bo ma włamów futer i grzywien złota huk. Niemiała pieniędzy, byzanckie i mahometanśkie przetapiała w sztaby, z razu złota, potem srebra».

28) См. ниже прим. на стр. 47.

тахъ волжскихъ Болгаръ²⁹⁾ — «одинокія золотыя и серебряныя монеты, приписываемыя Владиміру I и Ярославу I, дѣйствительно были выбиты этими русскими великими князьями, все-же ихъ скорѣе можно считать монетами выбитыми на случай, по поводу какого-нибудь торжества и назначенными кому-либо въ подарокъ, нежели за настоящую ходячую монету». Въ этомъ замѣчаніи едвали есть какой нибудь намекъ на южно-славянское происхожденіе монетъ в. к. Ярослава и Владиміра: Кругъ только колебался, первымъ, или позднѣйшимъ князьямъ этого имени, приписать ихъ. Но достоверно извѣстно, что въ послѣдніе годы своей жизни Кругъ расположенъ былъ признать ихъ южно-славянскими. Кажется, что на эту мысль онъ попалъ не самъ собою, а наведенъ былъ кѣмъ-либо, — можетъ быть, Рейхелемъ или открытіемъ болгарскаго патріота Априлова. Послѣдній въ 1841 году³⁰⁾ успѣлъ доказать, что монету Святослава съ церковно-славянскою надписью, изданную въ рисунокъ съ дурнаго экземпляра Шодуаромъ и приписанную имъ кіевскому великому князю Святославу Ярославичу (1073—1078), должно

29) Mémoires de l'Académie I. des sciences de St.-Pét. Sc. politiques, hist., philologie. 1832, Tome I, pag. 199.

30) Деница ново-болгарскаго образованія. Сочиненіе Василя Априлова. Часть первая. Одесса 1841, стр. 85—86 и Табл. I.

✳ II. Извѣстія о кладѣхъ съ Ярославимъ сребромъ и

отнести не къ этому князю, а къ болгарскому царю Свято-славу († 1323). Толкованіе надписи, на хорошо сохранившемся экземпляръ у Априлова³¹⁾, было такъ просто, такъ достовѣрно, что Кругъ, на вопросъ объ этомъ, отдалъ ему полную справедливость. Непонятно однако, какъ онъ могъ допустить возможность южно-славянскаго происхожденія въ монетахъ Ярослава и Владиміра; потому что типъ изданныхъ Априловымъ болгарскихъ серебряниковъ замѣтно отличается отъ русскаго, хотя оба имѣютъ одинъ общій — славянско-византійскій характеръ. Между тѣмъ мнѣніе о южно-славянскомъ происхожденіи монетъ Ярослава и Владиміра вошло въ литературу. Въ 1840 году, въ предисловіи къ собранію русскихъ медалей, изданныхъ Археографическою Коммиссіею, извѣстный знатокъ русскихъ и европейскихъ монетъ, Яковъ Рейхель уже отнесъ монеты Ярослава и Владиміра къ южно-славянскимъ народамъ³²⁾. Этотъ взглядъ онъ-же по-

31) Въ подлинности этого экземпляра нельзя сомнѣваться. У Сахарова (Лѣтопись русской Нумизм. Изд. II°, Табл. I, № 6) изображена таже монета, но выбитая по другому штемпелю. Вѣрно ли она срисована? Такъ какъ собраніе южно-славянскихъ монетъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, къ сожалѣнію, еще не отличается полнотою извѣстныхъ экземпляровъ, то не смѣю утвердительно отвѣчать на этотъ вопросъ.

32) Собраніе Русскихъ Медалей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіею. СПб. въ листъ, стр. I: «..Основываясь на строгой «Нумизматической критикѣ, можно съ достовѣрностію отнести начало нашихъ монетъ

вторилъ въ 1842³³⁾ г., и потомъ въ 1848 въ своей статьѣ о древне-сербскихъ монетахъ онъ уже съ полнымъ убѣжденіемъ приписывалъ Владимірово злато сербскому правителю Владиміру, умерщвленному въ 1016 году³⁴⁾. Того-же мнѣнія рѣ-

«только къ концу XIV столѣтія. Нѣтъ никакихъ *положительныхъ* доказательствъ, «чтобы монеты, извѣстныя у насъ подъ названіями: Владиміровой, Ярославовой и «Святославовой, были дѣйствительно Русскія... По всѣмъ историческимъ соображеніямъ, гораздо съ большею вѣроятностію должно отнести упомянутыя выше монеты «къ тѣмъ южнымъ Славянскимъ народамъ, которые находились въ ближайшемъ со-«прикосновеніи съ Византійскою Имперією. Онѣ весьма сходны съ монетами сихъ «последнихъ народовъ, имѣющими также Славянскія надписи. Не смотря на то, что «исторія южныхъ Славянъ доселѣ еще мало обработана, можно указать на Свято-«славовъ и Владиміровъ между владѣтельными Князьями сихъ народовъ, такъ «наприм., въ Булгаріи находимъ Святослава, умершаго въ 1322 году..., а въ «Сербіи Правителя Владиміра въ началѣ XI вѣка...».

33) Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg. 1. Theil. 1842 (—1847) pag. I. «Früher als unter der Regierung des Grossfürsten Dmitri Joannowitsch Donskoi, welcher von 1363 bis 1389 regierte, sind wahrscheinlich in *Russland* keine Münzen geschlagen, wenigstens wäre es nicht mit Bestimmtheit nachzuweisen. Die angeblich vor der Mongolischen Invasion geschlagenen Münzen bei Chaudoir, Taf. I—1, № 6 und 7, Taf. II, № 1, 2, 3 und 4 aufgeführten Stücke, halte ich nicht für Russische Münzen, sondern für solche, die von mittäglichen Slawischen Völkern ausgingen».

«Der Austausch wurde in Waaren, Pelzwerk oder in edlem Metall, nach dem «Gewicht gemacht, ein Gebrauch der sich lange erhielt».

34) По нѣмецки въ Mémoires de la société d'archéologie et de numismatique de St.-Pétersb. Vol. II. 1848, p. 243; по русски въ Запискахъ Санктпетербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Общества. Томъ I. 1849, стр. 344.

«За нимъ (Чеславомъ) слѣдуетъ малоизвѣстный промежутокъ времени по «1015 годъ, до Владиміра, умерщвленнаго въ 1016 году. Онъ былъ, по видимому,

шительно держался другой опытный нумизматъ генераль О. О. Шубертъ, какъ видно изъ каталоговъ его богатаго собранія русскихъ монетъ и медалей, изданныхъ въ свѣтъ въ 1845³⁵⁾ и 1857 г.³⁶⁾.

«потомокъ Чеслава, и считается миролюбивымъ и правосуднымъ. Этому государю «приписываю я монету ... которую долгое время принимали за русскую». Замѣчательно впрочемъ отзывъ Рейхеля объ изображеніи лика Спасителя на оборотной сторонѣ такъ называемой сербской монетъ: «Грубое подражаніе *современнымъ* византійскимъ золотымъ монетамъ». О Ярославемъ сребръ ни слова.

35) Описание Русскихъ Монетъ и Медалей собранія Генераль-Лейтенанта О. О. Шуберта Часть I. СПб. 1843, стр 54 и 55.

«Сумнѣнія нѣтъ, что эта монета» (монета Святослава, присланная Априловымъ для разсмотрѣнія въ Академіи Наукъ и до него приписываемая русскому в. кн.) «не Русская, а Болгарская. . . Академикъ Ф. И. Кругъ подозреваетъ, что и «монеты Владимира и Ярослава, не Русскія, а Славянскія Болгарскія; не входя въ «разборъ сего вопроса, слѣдуетъ однакожъ замѣтить, что монеты подобной величины «и отдѣлки имѣются только съ именами сихъ двухъ Великихъ Князей . . .; что послѣ «того вовсе неизвѣстно, что бы были чеканены монеты въ Россіи, до 14-го вѣка: и «монеты Русскихъ Великихъ Князей отличаются совершенно отъ № 197—199» (т. е. золотыхъ и серебряныхъ монетъ Владимира, серебряныхъ монетъ Ярослава и Святослава) «какъ величиною такъ и характеромъ; золотыхъ же вовсе не имѣется. «Вообще монеты Болгарскія еще не были описаны и приведены въ извѣстность».

36) Catalogue du cabinet des monnaies et médailles russes, appartenant au général . . . T. F. de Schubert. Première Partie. Monnaies. Carlsruhe 1857, p. 32—33.

Здѣсь въ Отдѣлѣ: «Великое княжество кievское» сообщается описаніе золотыхъ и серебряныхъ монетъ Владимира I (980—1015), и гальванопластической копіи съ монетъ в. кн. Ярослава I и Святослава Ярославича (1073—1078) и, кромѣ того, приводится «Collection galvanoplastique des monnaies, soi-disant de St. Wladimir, Jaroslaw, Wladimir Monomach, Swiatopolk et Georgii, trouvées au mois de mai 1852 . . . et décrites par M. Woloszinski». Въ Примѣчаніи же сказано:

Не смотря на рѣшительный тонъ, съ которымъ Рейхель отозвался о древне-русскихъ монетахъ, послѣдняя его статья (о сербскихъ монетахъ) уже вызвала нѣкоторое, хотя малозначительное противорѣчіе со стороны Павла Степановича Савельева (+ 1859), который самъ³⁷⁾, «не видя еще свѣтлаго исхода «запнмающему насъ вопросу», находилъ «лишь одинъ палеографическій доводъ въ пользу приписанія этихъ монетъ (кромѣ «Святославовой) нашимъ князямъ: это—форма буквъ на золотыхъ Владиміра, значительно удаляющаяся отъ письма сербскаго и болгарскаго, и приближающаяся, особенно въ словѣ «Владиміръ, къ русскому полууставу...» Мнѣніе Шодуара, Рейхеля и Савельева дѣйствовало, между прочимъ, и на А. Б. Лакіера³⁸⁾, П. С. Казанскаго и М. П. Заблоцкаго³⁹⁾.

«On avait toujours soupçonné que toutes ces monnaies précédentes, soi-disant de «Kieff, appartenait aux Czars de Bulgarie, et n'étaient pas du tout des monnaies «russes; cette dernière (монета Святослава) le prouve clairement, car le prince y «est même nommé Czor de Bulgarie».

37) См. его «Примѣчаніе о славянскихъ монетахъ съ именами Владиміра, Святослава и Ярослава» въ Запискахъ Спб. Археологическо-Нумизматическаго Общества. Томъ I, (1849) стр. 386—398.

38) См. его статью: О знакахъ отличія за службу въ Россіи, до времени Петра Великаго (въ Запискахъ Спб. Археологическо-Нумизматическаго Общества. Томъ II. Спб. 1850), стр. 106—107 и ср. его же Русскую Геральдику, (перепечатанную изъ Записокъ Арх. Общ. Т. VII) Книга I. Спб. 1855, стр. 94—95.

39) См. статью Казанскаго: Изслѣдованія о древней русской монетной системѣ въ XI, XII и XIII вѣкѣ (въ Запискахъ Имп. Археологическаго Общества.

какъ что они считали вопросъ о монетахъ Ярослава и Владимира вовсе не рѣшеннымъ. Не много спустя И. Д. Бѣляевъ, не предпринимая нумизматическаго описанія древне-русскихъ монетъ, старался путемъ историческихъ соображеній показать возможность того, что монета чеканилась въ Россіи до татарскаго владычества⁴⁰). Рейхель самъ не сдѣлалъ дальнѣй-

Томъ III, 1851), стр. 91. «..Если бы и удалось доказать, что нѣкоторыя изъ этихъ монетъ принадлежать русскимъ князьямъ, раждается новое сомнѣніе: были ли это монеты? Не были ли это только знаки отличія за службу, или медали, выбитыя по какому-либо случаю? — И такъ изслѣдователь древней русской монеты ни сколько не можетъ основывать своихъ выводовъ на рассмотрѣніи дошедшихъ до насъ монетъ съ именами первыхъ князей русскихъ. Необходимо остается довольствоваться только свидѣтельствами литературныхъ памятниковъ, и на основаніи ихъ дѣлать свои выводы».

У Заблоцкаго (О цѣнностяхъ въ древней Руси. Историческое изслѣдованіе СПб. 1854) мы читаемъ на стр. 14: «... Доказать мнѣніе противоположное, т. е. существованіе у насъ, въ періодъ до нашествія татаръ, металлическихъ монетныхъ знаковъ нашего производства было бы возможно только при неомнѣнной наличности этихъ знаковъ. Но все, на чемъ подобное мнѣніе могло бы опереться, это восемь металлическихъ монетъ, или правильнѣе медалей, которыя, однакоже . . . не могутъ считаться ходячими монетами того времени, и даже — не туземнаго происхожденія. (Правда, въ 1853 г. Кіевская Комиссія . . . публиковала еще 31 № нумизмъ, изъ числа найденныхъ въ 1852 г. близъ Нѣжина; но какъ значеніе ихъ такъ и мѣсто выдѣлки остаются въ сферѣ догадокъ и предположеній). За тѣмъ, наши нумизматическія коллекціи . . . не заключаютъ въ себѣ ни одной, собственно намъ принадлежащей монеты до-татарскаго періода...».

40) См. его статью: Били ли на Руси монету до XIV столѣтія? (въ Зап. Импер. Археологическаго Общества. Томъ V. 1853, стр. 298—332). Ср. статью того-же автора: Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси въ Читеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва 1846, № 3, стр. 8.

шей попытки подтвердить свою гипотезу положительнымъ изслѣдованіемъ. Онъ остался при своемъ мнѣніи до самой смерти; между тѣмъ двѣ находки: дерптская въ 1834 г. и нѣжинская въ 1852, доставили новые факты для опроверженія его мнѣнія.

2. Дерптскій экземпляръ серебра Ярославля у графа С. Г. Строганова.

Верстахъ въ 4-хъ отъ Дерпта у деревни Ратсгофъ найдено въ могилѣ — по словамъ проф. Крузе уже въ 1834 году — «нѣсколько монетъ», о древности которыхъ, кажется, въ литературѣ нумизматическихъ кладовъ ничего не было сказано, если не принять ихъ за тѣ самыя куфическія монеты (895, 909, 915, 945 и 952 гг.), о которыхъ упоминаетъ Ганзенъ⁴¹⁾. Въ числѣ этихъ монетъ, найденныхъ въ могилѣ,

41) *Recensio XLIII numerum arabicorum, quorum maior pars in agro Dorpatensi reperta est. Auctore Augusto H. Hansen. Als Einladung zur öffentlichen Prüfung, im Gouvernements-Gymnasium zu Dorpat. Dorpati Livonorum. 1838, p. 12 (7), 14 (12) и ср. Necrolivonica von Kruse, Beilage D, p. 9.* Всѣ выше упомянутыя 5 куфическихъ монетъ найдены у Ратсгофа (in agro Rathshofiano), но, кажется, принадлежали къ разнымъкладамъ. Многія другія монеты тамъ-же найденныя были приобрѣтены золотыхъ дѣлъ мастеромъ. Къ стати приводимъ мнѣніе генерала И. А. Бартоломея о кладахъ мугаммеданскихъ монетъ:

«Ayant déjà eu plusieurs fois l'occasion d'examiner des dépôts de monnaies mahométanes, qui sont presque toujours avec dates, je crois pouvoir poser en principe: «1) que les limites chronologiques, pour des monnaies provenant d'un même dépôt, ne s'étendent ordinairement pas au delà de soixante ans — c'est la longévité de la mon-

оказался хорошо сохранившійся экземпляръ того-же самаго Ярославля серебра, какое было у графа Мусина-Пушкина⁴²). Черезъ посредство профессора Горлова эта монета поступила въ кабинетъ графа С. Г. Строганова, который потомъ самъ описалъ ее. По изданному имъ рисунку она изображена здѣсь ниже на табл. В, № 2⁴³).

Утверждали, что этотъ экземпляръ Ярославовой монеты «совершенно схожъ, даже въ мельчайшихъ подробностяхъ», съ монетой графа Мусина-Пушкина. Но рисунки ихъ сходны не до мельчайшихъ подробностей, что впрочемъ объяснится, можетъ быть, само-собою. По крайней мѣрѣ нѣтъ никакой основательной причины подвергать сомнѣнію подлинность

«naie de tous les pays et de tous les siècles. 2) que les quantités relatives augmentent, «plus le terme se rapproche de l'époque où les monnaies ont été enfouies: ainsi pour «les derniers dix ans, il y a ordinairement plus d'un tiers, et quelques fois même plus «de la moitié de la totalité du nombre des pièces. Lorsque le dépôt est considérable, «on a plus de chances de le trouver dans toutes les conditions signalées, mais le même «principe s'applique aussi aux petites quantités de monnaies déterrées».

42) Necrolivonica oder Alterthümer Liv-, Esth- und Kurlands... von Friedr. Kruse. Dorp. 1842. Beilage D, p. 19; Beil. E, p. 17, 18. Первое извѣстіе объ этой монетѣ на русскомъ языкѣ въ Журналѣ Мин. Народн. Просвѣщенія. Часть XVIII. 1838, стр. 654 По Сахарову (Лѣтопись р нум., стр. 30) эта монета «вытѣнена «была г. Горловымъ въ придачу къ другимъ монетамъ».

43) Рисунокъ у г. Кёне (Taf. VI, A, № 2 въ Zeitschrift für Münz-Kunde. I. Bd. 2. Heft. Berlin 1859) неудаченъ: изображенію лица Святаго придано слишкомъ мрачное выраженіе; характеръ буквъ какъ на лицевой, такъ и на оборотной сторонѣ искаженъ, не говоря уже объ отдѣльныхъ ошибкахъ.

дерптскаго экземпляра: ясный оттискъ лика Святаго, который на экземплярѣ графа Мусина-Пушкина былъ стертъ, вполне соответствуетъ византійско-славянскому типу св. Георгія и — не говоря о другихъ трудностяхъ — навѣрное ввелъ бы въ ошибки новѣйшаго фабрикатора. Есть и другія ручательства за подлинность монеты⁴⁴⁾. Наконецъ мы имѣемъ полное свидѣтельство самого владѣтеля, какъ извѣстно, давно изошрившаго свой взглядъ на подлинныя и подложныя древности. Графъ Строгановъ прямо объявилъ, что его экземпляръ «не подлежитъ никакому сомнѣнію».

Касательно историческаго значенія Ярославля серебра для нумизматики какъ науки, графъ Строгановъ высказалъ взглядъ, обязывающій cadaго, кто беретъ судить о монетахъ Ярослава и Владиміра, вести всѣ объясненія и историческую оцѣнку ихъ со всевозможною тщательностію. Передаемъ внизу вполне описаніе «серебра Ярославля», такъ какъ ниже мы не разъ будемъ обращаться къ нему; а великолѣпное изданіе «Древностей» доступно немногимъ⁴⁵⁾.

44) М. П. Погодинъ, говоря о неполности бывшаго въ его собраніи экземпляра (см. Москвитянинъ за 1852 г. № 16, Отд. VII, стр. 154), такъ отзывается о найденномъ въ 1834 году: «Отличною сохранностію и свѣжестью чекана, онъ возбуждаетъ также подозрѣнія, но по исторіи своего нахождения, дознанной мною нѣтъ сомнѣній — этотъ экземпляръ достоверенъ вполне».

45) Древности Россійскаго Государства, изданныя по Высочайшему пове-

Изъ уваженія къ авторитету, какимъ графъ Строгановъ пользуется у насъ, какъ знатокъ русскихъ и византійскихъ мо-

лѣвію. Отдѣленіе V. Москва 1853, стр. 89—90. Рисунокъ «серебра» въ Отдѣл. V, № 59.

«На рисунокъ № 59 — говоритъ И. М. Снегиревъ — изображена и монета В. К. Ярослава, хранящаяся въ собраніи древностей и монетъ, Графа Сергія Григорьевича Строганова. На этомъ экземплярѣ, предполагаемой монеты Ярослава I, вполнѣ сохранился оттискъ; на немъ съ одной стороны изображеніе Св. Георгія (тезоименитаго Ярославу) съ подписью по сторонамъ . . . о Георгію; на другой сторонѣ изображеніе въ родѣ трезубца и надъ нимъ кружокъ съ крестомъ; «вокругъ надпись: «серебро Ярославе». Съ четырехъ сторонъ по оконечности «расположены ясно буквы: Аминь».

«Достовернѣйшее объясненіе этого памятника, по сіе время заключается въ «мнѣніи самого владѣтеля лучшаго экземпляра монеты»:

«Монета съ надписью «*Ярославе серебро*» была въ первый разъ подробно описана, 1824 года, Калайдовичемъ (Зап. Общ. Исторіи, Ч. 2, стр. 8) съ экземпляра Графа Пушкина, найденнаго до 1812 года въ Кіевѣ «между привѣсками одной иконы. Этотъ экземпляръ, дурно сохранившійся, «служилъ Исторіографу Карамзину къ произвольному объясненію трехъ «буквъ, уцѣлѣвшихъ на реверсѣ (Рос. Ист. Т. 2; прим. 56)».

«Карамзинъ, какъ и другіе современные писатели, приписывая это «серебро Великому Князю Ярославу I, не усумнились заключить, что въ XI «вѣкѣ древняя Россія пользовалась не только чужестранными драгоценными «монетами, но имѣла и собственныя».

«Въ продолженіи 25 лѣтъ послѣ открытія этого памятника появились «еще три экземпляра Ярославлева серебра; одинъ, хранящійся въ собраніи «Графа С. Г. Строганова, не подлежитъ никакому сомнѣнію; въ немъ вѣсу «60⁵/₇ гранъ, величина 7; другіе два экземпляра въ частныхъ собраніяхъ «явно поддѣльны».

«При всемъ успѣхѣ Русской Нумизматики, въ послѣднюю четверть вѣка, «этотъ любопытный памятникъ остался необъясненнымъ, тогда какъ монеты

негѣ, слѣдовало бы въ настоящемъ случаѣ прямо объясниться, можемъ ли мы вполнѣ согласиться съ его взглядами. Между тѣмъ въ случаѣ того или другаго разногласія, не должно выпускать изъ виду, что вопросъ о Ярославѣ сребрѣ графъ С. Г. не считалъ еще оконченнымъ и съ предусмотрительностью опытнаго нумизмата признавалъ возможность видоизмѣненія своихъ догадокъ, въ случаѣ новыхъ находокъ и судьба еще даровала намъ подобныя находки.

3. Нѣжинскій кладъ.

Не много спустя послѣ того, какъ графъ Строгановъ письменно изложилъ свой взглядъ, «въ половинѣ мая 1852 г.,

«Святослава (серебряныя) и Владимира (золотыя и серебряныя), также «при появленіи ихъ, приписываемыя Русскимъ Великимъ Князьямъ, ученою «критикою давно уже отнесены къ ряду, принадлежащему Царямъ Болгар- «скимъ. Незвѣстно, долго ли сохранить Ярославъ свое право гражданства «въ Русской Нумизматикѣ, но можно уже теперь утвердительно сказать, что «монета эта, чеканенная по образцу Византійскому, современному Іоанну II «(1118—1143), или Мануилу Комнену (1143—1180), слѣдовательно, «болѣе ста лѣтъ послѣ Ярослава Кіевскаго, не можетъ относиться къ нему».

«Не зная ни Болгарскаго, ни Сербскаго Царя Ярослава, невольно оста- «навливаемся на Ярославъ Владимировичъ Галицкомъ Осмомыслѣ, «1153—1183. Какъ союзникъ Мануила, сестра котораго вышла за Импе- «ратора Греческаго Алексѣя, онъ имѣлъ близкое сношеніе съ Византією, «и чеканка Греческихъ монетъ того времени могла служить образцомъ для «Галицкихъ. Однако же, согласно съ мнѣніемъ Лелевеля, вопросъ можетъ «рѣшиться окончательно только послѣ открытія другаго подобнаго памятника, «появляющаго сѣребро Ярославле».

«при вспашкѣ поля близъ Нѣжина... вырыто въ глиняномъ «горшкѣ около 200 серебряныхъ монетъ», которыя имѣютъ внутреннюю связь съ извѣстными прежде монетами Ярослава и Владиміра. Извѣстія объ этомъ кладѣ довольно обстоятельны и такъ достовѣрны⁴⁶⁾, что не возможно и подумать о новѣйшей поддѣлкѣ, сколько бы ни представлялъ онъ страннаго и загадочнаго глазамъ изслѣдователя. Къ сожалѣнію наибольшая часть экземпляровъ тотчасъ разошлась по разнымъ рукамъ, такъ что вѣрная оцѣнка ихъ въ совокупности, при плохомъ состояніи достигшихъ извѣстности экземпляровъ, почти невозможна. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ изъ этого клада есть лишь нѣсколько очень худо сохранившихся экземпляровъ; кіевскому Университету удалось вовремя спасти для своего кабинета до 70 штукъ, которыя и изданы въ рисункахъ и описаны Я. Волошинскимъ, сколько это было возможно при первомъ, впрочемъ достойномъ уваженія опытѣ⁴⁷⁾).

46) См. Сѣверн. Пчелу за 1852 г. № 194. Почти то же самое сообщено въ Москвит. за 1852 г. № XVII, Отд. VII; стр. 19. У Бѣлаева (Зап. II. Археолог. Общ. Т. V, стр. 331) сказано: «По письмамъ изъ Кіева, въ этомъ кладѣ около 40 фунтовъ штемпелеванныхъ Русскихъ и Польскихъ монетъ X и XI столѣтій». Куда дѣвались эти польскія монеты (X вѣка?) и дѣйствительно ли онѣ относятся къ этому времени? Вопросъ этотъ имѣлъ бы нѣкоторую важность для опредѣленія времени, въ которое выбиты были нѣжинскія русскія монеты.

47) Описаніе древнихъ русскихъ монетъ, принадлежавшихъ Минцъ-Кабинету Импер. Университета Св. Владиміра, изъ числа найденныхъ близъ Нѣжина, въ маѣ

По мнѣнію г. Волошинскаго, «содержашіяся въ надписяхъ имена» составляютъ «пять отдѣльныхъ классовъ и относятся къ пяти Великимъ Князьямъ нашимъ: Владиміру Св., Ярославу Владиміровичу, Святополку Изяславичу, Владиміру Мономаху и Георгію . . или . . къ промежутку времени отъ 988 по 1157 годъ». Къ этому г. Волошинскій прибавляетъ, что монеты «принимаемыя доселѣ за монеты Владиміра Св., скорѣе должно относить къ Владиміру Мономаху...; «и напротивъ того, неизвѣстныя доселѣ монеты, . . . должно «приписать Владиміру Св.». III-й классъ, содержащій № 11 — 20, онъ выдаетъ за монеты Ярослава I (Владиміровича), въ чемъ однако должно сомнѣваться, даже допустивъ правильность чтенія имени Ярослава. вмѣстѣ съ тѣмъ г. Волошинскій (стр. VI) сообщаетъ, что баронъ Шодуаръ (около 1850 г.) приобрѣлъ одинъ экземпляръ Ярославовой монеты, похожій на нѣжинскіе экземпляры. Жаль, что нѣтъ снимка. — Въ 1847 году А. Ѳ. Бычковъ приобрѣлъ «сребро» съ надписью «Владиміра», которая походитъ на нѣжинскія: по обязательности владѣльца, она снята ниже (на табл. С, № 6).

мѣсяцѣ 1852 г. Статья, составленная Хранителемъ Минцъ-Кабинета Яковомъ Волошинскимъ. (См. Труды Комисіи Высочайше учрежденной, при Импер. Университетѣ Св. Владиміра, для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа. Смѣсь. Кіевъ 1853) XIII и 14 стр. in-4°.

Огромное разстояніе между монетами, приписанными г. Волошинскимъ в. кн. Ярославу Владиміровичу, и между Ярославимъ сребромъ графовъ Мусина-Пушкина и Строганова, точно также бросается въ глаза и при сравненіи третьяго, донынѣ извѣстнаго экземпляра Ярослава сребра.

4. Стокгольмскій экземпляръ Ярослава сребра.

На вопросъ г. начальника 1-го Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа объ этомъ экземплярѣ, директоръ королевскаго минцъ-кабинета въ Стокгольмѣ (Riksantikvari, Garde des Médailles), г. Гильдебрандъ, отозвался, что онъ не можетъ показать ни года, ни мѣста, ни совокупности съ другими монетами, въ какой найденъ этотъ экземпляръ, но что онъ вполне однако увѣренъ, что эта монета найдена между кувическими, либо между англо-саксонскими и древне-нѣмецкими монетами⁴⁸).

48) На всякій случай сообщаю собственныя слова г. Гильдебранда, которыми онъ почтилъ меня, лѣтомъ 1859 г. въ отвѣтъ на мою просьбу о подробнѣйшемъ извѣстіи касательно мѣста, времени и обстоятельствъ открытія монеты.

«Jag kan icke med visshet uppgifva i hvad sällskap det s. k Olegs mynt anträffats, icke heller tiden när det blifvit funnet. Jag är mellertid fullt viss att det legat bland Kufiska eller Anglosachsiska och Tyska mynt, således bland mynt från 10de—11te århundradet. Då jag träffade detta mynt uttaget ur sitt fynd, trodde jag att det kunde möjligtvis hänföras till någon Norsk konung och hade dertfore tills vidare lagt det bland Norska mynten, der Hr. Koehne fick se det. Det är möjligt att det kan hänföras till Oleg, dock synes mig arbetet tillhöra en något senare tid (omkr. 10° seklet)».

Считаю нужнымъ замѣтить что первый отвѣтъ на письмо г. начальника I Отдѣл.

Будучи близко знакомъ съ англо-саксонскими и скандинавскими монетами, г. Гильдебрандъ прибавилъ, что по работѣ эта неизвѣстная монета принадлежитъ не къ Олегову вѣку (879—882), а вѣроятно къ позднѣйшему времени (около X вѣка).

При особенностяхъ буквъ и другихъ признаковъ монеты нельзя было ожидать, чтобы стокгольмскіе нумизматы вѣрно опредѣлили ее. Лѣтомъ 1858 года нашелъ ее въ стокгольмскомъ милиціи-кабинетѣ г. Кёне и, основываясь на фигурѣ, изображенной на оборотной сторонѣ монеты, указалъ ей мѣсто въ числѣ древнѣйшихъ русскихъ: это — его заслуга. Давъ ей это объясненіе при первомъ взглядѣ и приписавъ ее языческому князю Олегу, онъ и до сихъ поръ не отказался отъ своего мнѣнія⁴⁹⁾, но развилъ его въ особомъ разсужденіи, напечатанномъ осенью 1859 года въ Берлинѣ. Чтобы не ввести читателя въ недоразумѣніе, замѣтимъ, что рисунокъ, приложенный г. Кёне къ его «Наставленію» (см. ниже Табл. А. и Послѣсловіе) не точенъ, что рисунокъ, сдѣланный въ Берлинѣ, нѣсколько точнѣе передаетъ буквы порознь, но въ цѣломъ неудовлетворителенъ и не сохраняетъ характера начертаній ни греческихъ ни славянскихъ буквъ.

Импер. Эрмитажа былъ менѣе опредѣлителенъ. По этому въ текстѣ я держался болѣе втораго письма г. Гильдебранда объ этомъ предметѣ.

49) См. ниже Послѣсловіе.

Чтобы читатель могъ самостоятельно судить о взглядахъ г. Кёне, передаемъ⁵⁰⁾ буквально все его описаніе № 1, исключая

50) См. Zeitschrift für Münz-, Siegel- und Wappen-Kunde. Neue Folge. Erster Band. Zweites Heft. (Berlin 1859 in-4°), стр. 72—76. Особые оттиски этой статьи были раздаваемы самимъ авторомъ въ С. Петербургѣ въ началѣ Ноября 1859 г.

« № 1 ».

«Самый древній и интересный русскій памятникъ, безъ сомнѣнія, есть серебряная монета Олега, находящаяся въ стокгольмскомъ королевскомъ милицъ-кабинетѣ. «На лицевой сторонѣ этой монеты видно изображеніе Олега, облеченнаго въ діадему «изъ бусъ и имѣющаго вокругъ головы, по византійскому обычаю, сіяніе, состоящее «также изъ бусъ. Платье его, похожее на плащъ, на правомъ плечѣ связано коль- «цомъ. Въ правой рукѣ великій князь держитъ копьё; съ лѣвой же стороны его «видна верхняя часть щита. По бокамъ находятся, хотя не регулярно разставлен- «ныя, но ясно (начертанныя) буквы:

OLEG REX

«На оборотной сторонѣ:

REGWIG O + IROGADU

«= *Regwig o Nrogadu* *); грубая фигура птицы съ раскрытыми крыльями, по «бокамъ хвоста коей два небольшихъ косвенныхъ креста. — Вѣсъ 1,583 граммъ».

«Эта монета выбита, очевидно, какимъ-нибудь норманскимъ монетчикомъ, «пріѣхавшимъ съ Олегомъ съ скандинавскаго сѣвера. И какъ Олегъ могъ бы найти «монетчиковъ въ Россіи, гдѣ монеты въ то время еще не существовало? Норманъ, «такъ недавно пріѣхавшій съ своимъ княземъ, не могъ еще знать употребленія рус- «скихъ письменъ, а потому и сдѣлалъ надпись латинскими буквами и языкомъ, кото- «рые въ то время единственно встрѣчались на сѣверныхъ монетахъ. Но онъ выгра- «вировалъ имя князя по славянскому произношенію **): OLEG, а не Helge, какъ «пишется оно въ сѣверныхъ лѣтописяхъ. Въ употребленіи титула: Rex, вмѣсто:

*) Въ подлинникѣ читается: *Regwign* и безъ *o*; но это опечатка, какъ видно изъ «Опечатокъ», отмѣченныхъ г. Кёне. Вообще ср. ниже Табл. А.

**) См. ниже имя: Олегъ, въ Указателѣ.

лишь двухъ мѣстъ чисто историческаго содержанія и указанія на сочиненія о англо-саксонскихъ монетахъ. Статья имѣетъ

«*Великій Князь*, нѣтъ ничего страннаго, особенно если мы обратимъ вниманіе на то, «что въ сѣверныхъ лѣтописяхъ и сагахъ русскіе великіе князья всегда называются «конунгами» и что (слѣдовательно) слово Rex не что иное, какъ переводъ слова «konung»... (Слѣдуетъ нѣсколько строкъ о титулѣ норманнскихъ и русскихъ князей).

(Стр. 73). «Оборотъ нашей монеты представляетъ копию англо-саксонскихъ монетъ: здѣсь во 1-хъ круговая надпись съ названіемъ монетчика и монетнаго города. «Имена монетчиковъ встрѣчаются уже на монетахъ англо-саксонскихъ королей съ 794 года..., стало-быть уже сто лѣтъ до Олега. Монетные города вмѣстѣ съ именами монетчиковъ встрѣчаются на англо-саксонскихъ монетахъ (съ начала 9-го вѣка)... стало-быть задолго до пришествія Олега (въ Россію); стало быть, его норманскій монетчикъ въ точности подражалъ надписямъ, какія были въ обычаѣ на англо-саксонскихъ монетахъ, ходившихъ тогда всюду и у всѣхъ на сѣверѣ».

«Намъ не извѣстно другаго примѣра имени: Regwigw. А монетный городъ «IROCAD, есть, безъ сомнѣнія, Nrogad, Nowograd, Новгородъ; итакъ Регвигъ былъ монетчикомъ въ Новгородѣ, первой русской столицѣ. Знакъ въ концѣ имени города составляетъ, какъ кажется, только украшеніе».

«Птица нашей монеты также встрѣчается на англо-саксонскихъ монетахъ, на пр. на одномъ динарѣ нортумберландскаго короля Анлафа (914—945), гдѣ она изображаетъ, вѣроятно, древній гербъ датскій, ворона. (См. табл. VI, А, № 5). «Этого ворона имѣли Датчане на своемъ главномъ знамени, такъ называемомъ «ворновомъ прапорѣ (Rafnar); оно попало при Губбѣ, въ 878 году, въ руки Англо-саксонцевъ сражавшихся за Эльфреда. Такую-же птицу представляетъ на оборотной сторонѣ одна, весьма рѣдкая монета Этельреда II, а на лицевой сторонѣ «— Agnus Dei; это совмѣщеніе ясно показываетъ, что птица на этой монетѣ есть «Духъ святой въ видѣ голубя. Правда, помянутая англо-саксонская монета выбита лѣтъ черезъ сто послѣ Олега, но, вѣроятно, по какому-нибудь древнему византийскому первообразу, изъ которыхъ многимъ очень вѣрно подражали древнѣйшія произведенія англо-саксонскаго художества. Отсутствіе Агнца Божія на нашей монетѣ, кажется, говорить, что на ней грубое изображеніе птицы должно быть

заглавіе: *Древнѣйшія монеты Россіи*. № 2, 3 и 4 содержатъ въ себѣ самое краткое описаніе дерптскаго экземпляра

«подражаніемъ ворону, каковой на помянутыхъ динаряхъ Анлафа нортумберландскаго»). «Къ тому-же, Олегъ былъ язычникъ, стало-быть, сознательно не допустилъ бы «на своей монетѣ христіанскую эмблему. Два крестика возлѣ хвоста птицы» (на Олеговой монетѣ) «должно считать за остатки ногъ, а крестъ въ круговой надписи лишь «за значокъ служащій раздѣленіемъ словъ (Theilungszeichen).

«Когда же чеканенъ этотъ замѣчательный динарь? Время опредѣлять не трудно».

(На стр. 74). «Рурикъ, основатель монархіи, умеръ въ 879 г., поручивъ «великое княжество своему родственнику... Олегу... На третій годъ по кончинѣ «Рурика, т. е. въ 882 году, Олегъ оставилъ Новгородъ и переселился съ Игоремъ «въ Кіевъ... Въ Новгородъ же онъ болѣе не возвращался:, итакъ монета (его) «должна быть чеканена между 879 и 882 годами».

«Хотя динарь этотъ, вырытый въ шведской землѣ вмѣстѣ съ разными арабскими «монетами, весьма грубой работы, но онъ сообщаетъ ясный образъ героя, который «утвердилъ свой шитъ на галацкихъ вратахъ (Царьграда); онъ представленъ безъ «бороды, въ широкой эпанчѣ и съ червленными, вверху округленнымъ, а внизу «остроконечнымъ варяжскимъ щитомъ».

«Совершенно такой-же типъ находится на слѣдующихъ русскихъ монетахъ:

«№ 2».

а) «Ярослава I-го, сына Владиміра равноапостольнаго (1012—1054).

«Лицевая сторона: бюстъ точно такой-же, какъ на монетѣ Олега, но по «бокамъ... т. е. $\sigma \alpha \nu \tau \omega \varsigma$ Гѣѡργіосъ; въ-слѣдствіе сего грудное изображеніе «здѣсь принято за св. Георгія.

«Обор. стор.: † ЯРОСЛАВІЕ СЪРѢБРО, Ярославле сребро. Птица,

*) Die Abwesenheit des Gotteslammes auf unserer — судя по способу выраженія г-на Кёне здѣсь говорится объ Олеговой монетѣ — Münze scheint aber dafür zu sprechen, dass auf ihr der roh abgebildete Vogel eine Nachahmung des Raben wie auf den oben erwähnten Pfennigen Anlaf's von Northumberland sein muss.

Ярославля серебра, Владимірова злата и одного нѣжинскаго экземпляра Владимірова серебра.

«но головою внизъ. На краю: АМИН. Хорошій экземпляръ этой монеты находится въ богатомъ собраніи Графа С. Строганова.

«...Эта монета чеканена Ярославомъ, кажется, между 1012 и 1016 годами, во время пребыванія его въ Новгородѣ, но вѣроятно только въ 1015 г., по кончинѣ Владиміра. Онъ сдѣлалъ подражаніе монетамъ Олега, еще существовавшимъ въ Новгородѣ; но времена измѣнились..., такъ что мы видимъ лицевую сторону нашей монеты занятую покровителемъ великаго князя, святымъ Георгіемъ, изображеніе котораго рѣшительно напоминаетъ ѳессалоникскія монеты*). На оборотѣ находится птица, но головою внизъ (aber gestürzt), вѣроятно въ значеніи св. Духа; но исполненіе такъ грубо, что едва узнаешь ее...

«№ 3».

(Стр. 75) б) «Та-же фигура находится и на лицевой сторонѣ золотыхъ монетъ, приписываемыхъ нумизматами то святому Владиміру, то сербскому Владиміру, царствовавшему съ 1015 по 1016 годъ. Здѣсь (VI, А, 3) гравированный экземпляръ представляетъ бюстъ великаго князя... Подражаніе птицѣ, еще болѣе грубое на этихъ золотыхъ монетахъ, ясно доказываетъ, что онѣ не могли быть чеканены прежде монеты Ярослава Владиміровича, но позже, и что онѣ принадлежатъ не Владиміру Святославичу (972—1015), а Владиміру Всеволодовичу Мономаху (род. 1052), великому князю кievскому съ 1113—1125».

«№ 4».

в) «Тому-же великому князю принадлежатъ, безъ сомнѣнія, монеты съ именемъ: Владиміръ, найденныя въ 1852 году близъ города Нѣжина. Но на подобныхъ же монетахъ этаго клада .. ни на одной не находится ясной надписи и онѣ безъ сомнѣнія суть грубое подражаніе монетамъ Владиміра Всеволодовича...»

*) Dessen Vorstellung ganz an die der Münze von Thessalonich erinnert — Къ этой догадкѣ г-на Кёне мы прибавляемъ, что покровителемъ города ѳессалоники былъ св. Дмитрій солунскій (см. ниже Прилож. I) и солунская имперія существовала лишь съ 1220 (1223) по 1234 годъ.

Вся статья г. Кёне заключается на стр. 76 слѣдующими словами:

«Между сѣверо-восточными монетами монета Олега есть «самая древняя, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

«Oleg, Grossfürst von Russland, 879—912.

«Olaf, Skötkonung, König von Schweden, 980—1018.

«Swend Tveskjaeg, König von Dänemark, 985—1014.

«Hakon Jarl, von Norwegen, 989—995.

B. v. Köhne».

Такимъ образомъ каждому просвѣщенному любителю русскихъ древностей дана возможность войти въ многолѣтній и запутанный вопросъ о Ярославѣ сребрѣ и въ особенности вѣрво оцѣнить ученое достоинство послѣдняго ея объясненія. Какъ г. Кёне могъ отважиться на такое странное толкованіе предмета, въ сущности самаго простаго, и какъ могъ такъ долго упорствовать въ своемъ мнѣніи, — инымъ покажется вовсе непонятнымъ, *другихъ-же*, ближе знакомыхъ съ нумизматическими и геральдическими трудами г. Кёне, *нисколько не изумляетъ*. Нумизматика и геральдика, какъ всѣ историко-филологическія науки, требуютъ, кромѣ *добросовѣстнаго* изученія предмета, умѣнья примѣнять къ нему *историко-критическую методу*. Достаточно ли показалъ въ себѣ г. Кёне эти два необходимыхъ качества вообще и особенно въ своемъ разсужденіи о русско-византійскихъ монетахъ, — судить объ этомъ *вызываетъ самихъ читателей*: ихъ-же безпристрастному суду мы подвергаемъ и нашъ опытъ довести, по мѣрѣ нашихъ силъ, спорный вопросъ о Ярославѣ сребрѣ до всесторонняго объясненія.

III. Описаніе двухъ видовъ Ярославля сребра.

Прежде нежели приступимъ къ описанію и историческому опредѣленію трехъ экземпляровъ Ярославля сребра, необходимо принять въ соображеніе *мѣстонахожденіе* ихъ, равно и родственныхъ имъ, золотыхъ и серебряныхъ монетъ Владиміра. *Ни одна* изъ нихъ не открыта въ южно-славянскихъ странахъ и ничего имъ подобнаго не встрѣчается въ доселѣ извѣстныхъ описаніяхъ болгарскихъ и сербскихъ монетъ, а всѣ онѣ, за исключеніемъ только стокгольмскаго экземпляра, найдены *въ предѣлахъ древней Руси*. О большей части изъ нихъ даже извѣстно, что онѣ отысканы въ мѣстахъ, бывшихъ поприщемъ дѣятельности тѣхъ самыхъ князей, имена коихъ, по всей вѣроятности, означены въ ихъ надписяхъ.

Нельзя допустить, чтобы стокгольмскій экземпляръ былъ перенесенъ съ юга Европы на сѣверъ состоявшими въ византійской службѣ Варягами⁵¹⁾. За то перенесеніе древне-русскихъ

51) Довольно ни въ Швеціи, ни въ Даніи, ни въ Норвегій, гдѣ впрочемъ довольно открыто византійскихъ монетъ, не найдено, сколько извѣстно, южно-славянскихъ

монетъ въ Скандинавію можно объяснить весьма естественно. Между Швеціей и Россіей въ X и XI вѣкахъ были очень живыя сношенія: русскіе князья искали себѣ въ Швеціи невѣсты или убѣжища, а подѣ часъ призывали оттуда рать для походовъ своихъ на туземныхъ и иностранныхъ враговъ; Шведы, Норвежцы и Датчане сами часто приходили въ Русь для вступленія въ службу Владиміра и сына его Ярослава, коего супруга была шведская принцесса, а дочь вышла за мужъ за короля норвежскаго. Изъ множества сохранившихся въ Скандинавіи, руническихъ надписей намъ извѣстно, что тѣ, въ честь коихъ онѣ были вырѣзаны послѣ ихъ кончины, нѣкогда ратовали на Руси или въ Греціи. Сверхъ того между Россіей и Швеціей въ то время происходили живыя торговыя сношенія, какъ это явствуетъ, между прочимъ, уже изъ множества найденныхъ въ Швеціи арабскихъ монетъ изъ странъ, лежащихъ на востокъ отъ Россіи. Итакъ стокгольм-

монетъ, и вѣдомо, что Варяги мало входили въ соприкосновеніе съ Сербами и Болгарами и уже переставали ходить въ Царьградъ, въ то время, когда южно-славянскіе народы начали чеканить (см. выше стр. 22) у себя монеты. Да и въ самой Россіи болгарскія и сербскія монеты, кажется, вовсе не обращались посредствомъ торговли, хотя и могло статься, что отдѣльныя экземпляры были заносимы русскими богомольцами или не рѣдко переселявшимися въ Русь болгарскими и сербскими иноками. Какимъ путемъ попали въ Россію, лѣтъ двадцать тому назадъ или прежде, 2 или 3 экземпляра монеты болгарскаго царя Святослава († 1323), не извѣстно; но мы знаемъ, что Априловъ получилъ свои экземпляры изъ Болгаріи и Валахіи.

скій экземпляръ, по самому его мѣстонахожденію, мы можемъ считать вывезеннымъ прямо изъ Россіи. Мѣстонахожденіе Ярославля серебра, нынѣ принадлежащаго графу С. Строганову, уже само собою указываетъ на великаго князя Ярослава-Георгія, какъ на построителя твердыни Юрьева-Георгіева (Дорпата). Пропавшій въ 1812 году экземпляръ графа Мусина-Пушкина, по собственному его показанію, найденъ былъ въ Кіевѣ «при копаніи рва». Могло быть, что эта монета прежде дѣйствительно висѣла на святой иконѣ⁵²). Но какъ бы то ни было, мѣстонахожденіе этого экземпляра указываетъ на «мать градовъ русскихъ» или «соревнователя» Царьграда, какъ называетъ Кіевъ Адамъ бременскій, современникъ Ярослава Владиміровича⁵³). Въ его-же столицѣ явился, около 1816 года, и первый златникъ Владиміра. О двухъ серебряныхъ монетахъ съ именемъ Владиміра достоверно извѣстно, что онѣ найдены, около 1810 г., въ Бори-

52) Это предположеніе (см. выше прим. 5) вѣроятно произошло отъ того, что на верхнемъ его краѣ въ срединѣ былъ выломленъ кусокъ. Если въ самомъ дѣлѣ въ этомъ мѣстѣ края, какъ и вѣроятно, было устроено ушко, то медаль могла по древнему обычаю служить или украшеніемъ на шеѣ какого-либо воина, или составлять звено цѣлой цѣпочки монетъ, какія нерѣдко находятъ въ старинныхъ могилахъ и какъ ихъ понынѣ еще носятъ женщины у нѣкоторыхъ племенъ внутри Россіи.

53) *Cuius (Ruzziae) metropolis civitas est Chive, aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae*, т. е. Столица Руси есть городъ Кіевъ, соревнователь константинопольскаго царства, прославленное украшеніе византійскаго міра.

*

сполѣ. Одинъ экземпляръ сребра Владиміра происходитъ изъ ростовскаго уѣзда. Находка, подобная нѣжинской, къ которой слѣдуетъ также причислить экземпляръ какой-то Ярославовой монеты, найденный въ Кіевѣ «въ валахъ крѣпости», служитъ только подтвержденіемъ мнѣнія, что монеты съ именами Ярослава и Владиміра преимущественно обращались въ странѣ, составлявшей самое ядро древней «Руси». Въ червонной Руси или нынѣшней Галиціи, гдѣ давно знаютъ цѣну древностямъ и собираютъ ихъ, до сихъ поръ не открыто ни одного экземпляра русско-византійскихъ монетъ. Если съ 1790 по 1850 годъ открыто и приведено въ извѣстность около 10 монетъ съ именами князей Ярослава и Владиміра, то можно принять почти за вѣрное, что ихъ по крайней мѣрѣ еще 5 было найдено и переплавлено. А сколько, вѣроятно, было найдено ихъ до 1790 года, когда еще менѣе помышляли о сохраненіи монетъ и древностей! Но что бы ни готовила намъ еще будущность, уже по вышесказанному можно догадываться, что новыя находки такого рода будутъ принадлежать по преимуществу предѣламъ бывшаго великаго княжества кіевскаго. Желательно только, чтобы обстоятельства такихъ находокъ впредь были изслѣдуемы и описываемы лучше. Извѣстно, что къ кладамъ, найденнымъ въ Польшѣ, съ намѣреніемъ иногда подкладывали монеты новѣйшаго издѣлія.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію общаго характера монетъ Ярослава, замѣтимъ, что всѣ три извѣстные экземпляра въ сущности — одинаковаго типа. Но за всѣмъ тѣмъ оказывается и нѣкоторая разность между стокгольмскимъ экземпляромъ и экземплярами графа Мусина-Пушкина и графа Строганова. Это различіе основывается на разности штемпеля, какъ это будетъ объяснено ниже. Но оба вида Ярославля серебра наитѣснѣйшимъ образомъ связаны съ разными видами золотыхъ и серебряныхъ монетъ, имѣющихъ въ надписи имя Владиміра, равно и съ прочими монетами нѣжинскаго клада.

Всѣ приведенные здѣсь древне-русскія монеты изъ до-татарскаго періода, не смотря на свои различіе, вмѣстѣ образуютъ одно только видоизмѣненіе византійскихъ монетъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ. Изображеніе Князя, Спасителя, Святаго, форма и расположеніе надписей ясно изобличаютъ византійскій стиль, чему доказательства можно найти не только на византійскихъ монетахъ, но и на памятникахъ византійскаго церковнаго искусства. Со временемъ, можетъ быть, удастся доказать что нѣкоторыя изъ этихъ монетъ и своимъ вѣсомъ служатъ къ подтвержденію вывода, сдѣланнаго изъ другихъ соображеній, что византійская система вѣса вошла въ употребленіе въ Кіевѣ еще до временъ Владиміра Великаго. Но какъ сверхъ того иныя надписи двуязычны и церковно-сла-

вянскія буквы того времени еще явственно носятъ печать византійскаго своего происхожденія, то эти древне-русскія монеты въ общей нумизматикѣ среднихъ вѣковъ должно отнести къ разряду *славянско-византійскихъ*, а еще ближе *русско-византійскихъ*. Этимъ хотя и обозначается ихъ связь съ южно-славянскими, а именно болгарско- и сербско-византійскими монетами, но между монетами южныхъ славянъ и нашими, не смотря на ихъ общій византійскій типъ, остается и явное различіе. Молдаво-валашскія монеты съ церковно-славянскими надписями принадлежатъ еще позднѣйшему времени, чѣмъ южно-славянскія; а относительно церковно-славянской монеты приписываемой польскому королю Болеславу I Храброму (992—1025), временно занявшему въ 1018 году Кіевъ, нельзя сказать ничего вѣрнаго, доколѣ подлинность ея не будетъ доказана лучше. Впрочемъ мы возвратимся еще къ этому и другому сомнительному вопросу въ Приложеніи III.

Не смотря на то, что два разряда Ярославовыхъ монетъ явно носятъ печать византійскаго типа, въ византійской нумизматикѣ едвали (см. Гл. IV) найдется *первообразъ*, который собственно служилъ денежнику Ярослава образцемъ при созданіи идеи обѣихъ медалей и выполненіи ея на металлѣ. За всѣмъ тѣмъ однако рождается вопросъ: одного ли времени оба разряда Ярославовыхъ медалей, или одинъ изъ нихъ чеканенъ

прежде другаго? Кажется, надобно предполагать, что одинъ изъ штемпелей дѣйствительно вырѣзанъ раньше другаго и что первенство, а слѣдственно и бѣльшая близость къ византійскимъ первообразамъ на сторонѣ стокгольмскаго экземпляра. Если эта догадка пріобрѣтетъ нѣкоторую степень вѣроятія, то стокгольмскій экземпляръ будетъ весьма важенъ для насъ, хотя онъ по достоинству металла и отдѣлкѣ уступаетъ, по видимому, кіевскому и дерптскому экземплярамъ.

Величина подлежащаго гальванопластическаго снимка (по французскому миллиметру) 21 и слѣдовательно онъ занимаетъ средину между 15-ти и 20 копѣечникомъ. Относительно вѣса показанія различны. По словамъ г. Гильдебранда подлинникъ вѣситъ 1,376 французскихъ граммъ, а по увѣренію г. Кёне 1,383 граммъ; а 1,376 граммъ составляетъ 35,468 или короче почти 35½ доли. Итакъ надобно предполагать, что монета очень тонка или серебро низкаго достоинства. Еслибы у насъ было нѣсколько хорошо сохраненныхъ экземпляровъ, чеканенныхъ этимъ штемпелемъ, то любопытно было бы вычислить, сколько такихъ круглыхъ серебряниковъ приходилось на одинъ византійско-русскій фунтъ (гривна = *λίτρα*), или сколько ихъ чеканилось изъ одного византійскаго фунта серебра.

Что касается до названій: «лицевая и оборотная сторона», то прежніе толкователи Ярославовыхъ монетъ въ этомъ не

согласны между собою⁵⁴). Изъ сравнительнаго разбора всѣхъ византійско-русскихъ монетъ въ самомъ дѣлѣ оказывается, что или граверъ, или самъ Ярославъ по какой-либо определенной причинѣ почитали главною стороною монеты именно ту, которая, сама по себѣ взятая, по правиламъ нумизматики должна быть оборотною. Однимъ словомъ, мы считаемъ лицевою стороною ту, на которой видно грудное изображеніе.

Съ перваго взгляда на лицевой сторонѣ нельзя не узнать воина, по поясъ лицомъ къ зрителю (*en face*), держащаго въ правой рукѣ копье обращенное къ верху, а въ лѣвой (закрытой) круглый щитъ, котораго однако нижняя половина, по недостатку мѣста, не могла помѣститься на монетѣ⁵⁵). На подлежащей намъ гальванопластической копіи одежда не до-

54) Одни называютъ лицевою или главною стороною «сребра» (*avers*) то, что у другихъ слыветъ оборотною (*revers*). Если разсматривать Ярославовы монеты сами по себѣ, то Шодуаръ, Савельевъ и Шубертъ правы, принимая ту сторону, на которой находится грудное изображеніе, за оборотную; они были бы совершенно правы, еслибы было вѣрно, что Ярославле сребро есть древнѣйшая, и вѣстѣ впервые чеканенная русская монета. Но какъ это еще не рѣшено, потому что Ярославле сребро состоитъ въ тѣснѣйшей связи съ разными монетами, снабженными надписью и изображеніемъ какого-то князя Владиміра, котораго мы съ намѣреніемъ не обозначаемъ здѣсь ближе, — то очень возможно, что здѣсь главная или лицевая сторона совѣтъ другая.

55) Г. Кёне (см. выше стр. 54) знаетъ, что это щитъ норманскій; однако подобнаго рода щиты, какъ на стокгольмскомъ экземплярѣ, попадаются между прочимъ и на монетахъ первыхъ византійскихъ императоровъ.

вольно явственна; можетъ быть на подлинникѣ съ помощью увеличительнаго стекла удастся разпознать слѣды греческо-римскаго плаща, именуемаго хламидою (*χλαμύς*), или тогу (*toga*) или хитонъ (*χιτών*). Пряжка (*fibula*), которою прикрѣплялась хламида, явственно замѣтна.

Далѣе съ перваго же взгляда на главной сторонѣ монеты бросаются въ глаза два креста, которые одни уже дѣлають связь монеты съ *языческимъ* княземъ довольно сомнительною. Одинъ изъ этихъ крестовъ, поверхъ копья, г. Кёне безъ всякаго затрудненія принимаетъ за латинское *x* (*Rex*), а о второмъ онъ умалчиваетъ вовсе, равно и о помѣщенныхъ на одной сторонѣ головы шарикахъ⁵⁶). Эти 4 шарика не что иное какъ оконечности или контуры креста: въ подобномъ видѣ, въ замѣнъ крестовъ, они попадаются на византійскихъ и славянско-византійскихъ монетахъ⁵⁷). Итакъ главная сторона Ярославля

56) Судя по «Наставленію», написанному г. Кёне для хранителей милицейскаго кабинета Императорскаго Эрмитажа (см. ниже Послѣсловіе), онъ при этихъ крестахъ на мнимой монетѣ Олега, между прочимъ, думалъ о такъ называемомъ «*sgoix ansée*», который встрѣчается на многихъ памятникахъ древняго языческаго міра.

Надобно замѣтить, что разстояніе крестовъ на гравированномъ въ Берлинѣ рисункѣ не вѣрно, и что этотъ рисунокъ содержитъ 5 шариковъ вмѣсто 4; но лишній шарикъ конечно произошелъ отъ небрежности берлинскаго гравера. На фотографическомъ снимкѣ (см. ниже № А) ихъ имѣется только 4; разстояніе ихъ одного отъ другаго немного разнится отъ гальванопластической копій монеты. (См. ниже Табл. В, № 1).

57) Извѣстно, что византійскіе императоры, изображаемые на монетахъ, часто

серебра явно представляетъ намъ три христіанскихъ креста. Отъ чего же не больше или не меньше? Очевидно, граверъ хотѣлъ на обѣихъ сторонахъ монеты помѣстить по 4 креста, какъ дѣйствительно и находимъ ихъ 4 на оборотѣ монеты⁵⁸). Вѣрность этого взгляда подтверждается экземплярами втораго вида монетъ Ярослава, какъ будетъ объяснено ниже. На византійскихъ монетахъ число крестовъ очень различно; но нѣкоторыя изъ нихъ, разныхъ временъ, украшены 3-мя и 4-мя крестами. Въ этомъ отношеніи размѣщеніе много зависѣло отъ рисовальщика или гравера.

На счетъ головного убора, судя по гальванопластической копіи, нельзя сказать ничего вѣрнаго. Волосы однакожъ обо-

держатъ въ рукѣ глобусъ съ крестомъ (le globe crucigère, см. ниже Прил. II). Въмѣсто креста иногда являются шарики, какъ видно и на экземплярахъ Владимірова злата и серебра, изображенныхъ ниже на Табл. С, № 7 и 6. Изъ формы иныхъ древнѣйшихъ византійскихъ монетныхъ крестовъ не трудно усмотрѣть, какъ изъ нихъ могъ образоваться этотъ родъ креста въ видѣ 4 шариковъ. Да и въ нашей монетѣ форма иныхъ крестовъ на оборотной сторонѣ служитъ нѣкоторымъ образомъ тому объясненіемъ: кресты на ней изображены въ видѣ 4-хъ, не связанныхъ между собою середнею черточкою треугольниковъ.

58) По тѣснотѣ мѣста монетчику трудно было установить на лицевой сторонѣ 4 креста: грудное изображеніе, копье и надпись тому препятствовали. Одинъ изъ крестовъ, меньшій, онъ помѣстилъ поверхъ головы Святаго, два другихъ намѣренъ былъ поставить одинъ противъ другаго въ серединѣ на краю по обѣимъ сторонамъ изображенія; но это было не удобоисполнимо отчасти по причинѣ копья; 4-ый же крестъ у нижняго средняго края вовсе негдѣ было поставить.

значены шариками, какъ и на Владиміровомъ златѣ (см. ниже Табл. С, № 7). Не хотѣлъ ли этимъ монетчикъ дать знать, что у лица, имъ изображаемаго, были *кудрявые* (см. ниже Прилож. I) волосы? Вѣнчикъ (*στέφανος*) изъ бусъ вокругъ головы — замѣчательная принадлежность: она невольно напоминаетъ собою типъ византійскаго иконописанія и еще рѣшительнѣе говоритъ въ пользу христіанскаго характера изображенія. Дѣйствительно, этотъ вѣнчикъ истинно византійскій и нерѣдко является на средне-византійскихъ монетахъ, начиная съ *десятаго* вѣка, сперва на ликахъ Христа и Пресвятой Дѣвы, а потомъ съ *двѣнадцатаго* и на ликахъ Святыхъ, помѣщаемыхъ особо на оборотной или на главной сторонѣ монетъ, по лѣвую сторону императоровъ; но сами императоры, вообще не имѣли еще (Ср. ниже Прилож. II) такого вѣнца⁵⁹).

59) Г. Кёне, хотя и упоминаетъ (см. выше на стр. 52 и 53) объ окружающей голову «діадемѣ», но съ большой натяжкой объясняетъ, какъ такая большая «діадема» могла попасть на монету языческаго государя *девятаго* вѣка. Конечно такіе вѣнцы, вѣнцеобразныя и лучеобразныя изображенія встрѣчаются на многихъ художественныхъ памятникахъ языческой древности (см. составленную академикомъ Стефани на основаніи классическихъ памятниковъ и монетъ, обширную монографію подъ заглавіемъ: *Nimbus und Strahlenkranz in den Werken der alten Kunst. Aus den Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences. St.-Pét. 1859.*), однако слѣдовало бы привести осязательную причину, почему языческой князь Олегъ снабженъ такою принадлежностью на монетѣ, которая по мнѣнію г. Кёне свидѣтельствуетъ о византійско-англосаксонскомъ вліяніи, между тѣмъ какъ на монетахъ самихъ византійскихъ императоровъ въ 9 и 10-мъ вѣкѣ такого вѣнца не встрѣчается.

Упрочивъ такимъ образомъ византійскій типъ монеты, перейдемъ къ ближайшему разсмотрѣнію самого Святаго. Уже изъ приданнаго ему вооруженія: копья и щита нельзя не заключить, что здѣсь изображенъ Святой православной церкви, знаменитый воинскими доблестями и призываемый на помощь въ бою какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми воинствами. Такихъ святыхъ, изображаемыхъ въ воинскомъ вооруженіи ратоборцевъ, было нѣсколько, какъ-то: св. Георгій, Дмитрій солунскій, Феодоръ стратилатъ, Евгений трапезунтскій и проч. Котораго изъ нихъ именно должно разумѣть на стокгольмскомъ экземплярѣ Ярославля сребра, — этого, при очевидно грубой отдѣлкѣ портрета, нельзя рѣшить по одной только физиономіи. Копье, по толкованію нѣкоторыхъ⁶⁰⁾, придавалось многимъ Святымъ, по той причинѣ, что они были имъ пронзены, и о св. Георгіи въ греческихъ мивеяхъ именно говорится, что тѣло его было пронзено копьемъ⁶¹⁾. Но въ особенности замѣчательно то, что Святой на монетѣ явно изображенъ *безъ бороды*; а изъ руководствъ по византійской церковной живописи извѣстно, къ какимъ это можетъ отно-

60) Christliche Symbolik von Wolfgang Menzel. 2. Theil. Regensburg 1854, стр. 10 подъ словомъ: Lanze.

61) Menologium Graecorum iussu Basilii imperatoris graece olim editum. Pars tertia. Urbini 1727, стр. 68: ... Διὰ τοῦτο μετὰ τοῦ κονταρίου τὴν γαστέρα διατέμνεται...

ситься Святымъ. Старинное руководство къ живописи, находящееся въ рукописи въ одномъ монастырѣ на аѳонской горѣ (Ἐρημεία τῆς ζωγραφικῆς), кажется, не даромъ начинаетъ Главу о святыхъ мученикахъ и ихъ признакахъ (οἱ ἅγιοι μάρτυρες καὶ τὰ σὺντάματα αὐτῶν) исчисленіемъ *святыхъ воиновъ*:

«Святой Георгій, *молодъ, безъ бороды*;

«Дмитрій, у него усы⁶²»).

Хотя грудное изображеніе на стокгольмскомъ экземплярѣ Ярославля сребра не обнаруживаетъ прямо юноши, однако это слѣдуетъ приписать не столько невѣдѣнію, сколько неловкости гравера, потому что типъ св. Георгія былъ довольно установленъ и общеизвѣстенъ въ Византіи, Россіи и славянскихъ земляхъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ ниже указанныя нами изображенія, заимствованныя съ монетъ, иконъ, крестовъ, коронъ, шлемовъ, рѣзныхъ камней и проч. Было ли между «крещеною Русью», съ 865 года до возведенія христіанства въ государственную религію въ 988 году, распространено поклоненіе святому Георгію, объ этомъ мы не

62) Manuel d'Iconographie Chrétienne grecque et latine avec une introduction et des notes ... traduit du manuscrit Byzantin par M. Didron. Paris 1845, стр. 321. — Das Handbuch der Malerei vom Berge Athos aus dem handschriftlichen neugriechischen Urtext übersetzt .. von Godeh. Schäfer. Trier 1855, стр. 313. О славянскомъ «Подлинникѣ» см. ниже Прилож. I.

знаемъ; но вѣрно то, что его имя уже съ 988 года на долго водворилось въ великокняжеской фамилии.

Помѣщенная же по обѣимъ сторонамъ Святаго надпись вполне убѣждаетъ насъ въ томъ, что здѣсь на монетѣ представленъ намъ ликъ св. Георгія. Надпись эта — греческая; ея буквы слѣдуютъ одна за другой параллельными линиями въ перпендикулярномъ направленіи⁶³). Какъ вообще перпендикулярныя надписи, такъ и здѣсь обѣ половины слѣдуетъ читать сверху внизъ. По палеографической терминологіи надпись состоитъ болѣе изъ такъ называемыхъ уставныхъ или, по нынѣшнему выраженію, прописныхъ буквъ, чѣмъ изъ полууставныхъ. Иныя буквы по недостатку мѣста вышли помельче; другія изобличаютъ мало опытную руку, отъ чего и сомнительно, былъ ли граверъ вообще Грекъ, или скорѣе Болгаринъ, — (о Русскомъ мы не думаемъ по особенной причинѣ), — именно такой Болгаринъ, который, какъ и понынѣ многіе

63) Г. Кёне выдаетъ надпись за латинскую, тогда какъ она явно греческая. Далѣе онъ ошибся въ направленіи надписи: она не круговая, а перпендикулярная. Последнюю ошибку еще можно извинить нѣкоторымъ образомъ, потому что граверъ по тѣснотѣ мѣста не могъ строго соблюсти перпендикулярное направленіе. Но пусть читатели сами объяснятъ себѣ, какъ г. Кёне могъ попасть на мысль совершенно произвольно объяснять посредствомъ латыни нѣкоторые письменные знаки, (которые въ изображенномъ на его рисункахъ видѣ не встрѣчаются ни въ греческихъ, ни въ латинскихъ письменахъ среднихъ вѣковъ), и съ такою странною самоувѣренностью упорствовать въ своемъ объясненіи!

Болгары, разумѣль и по славянски и по гречески. При такомъ положеніи дѣла трудно опредѣлить столѣтіе, къ которому эти греческія буквы принадлежатъ судя по ихъ виду. Вырѣзанныя по правую сторону Святаго три буквы удались всего лучше.

Объяснимъ теперь отдѣльныя буквы. Знакъ *o* есть сокращеніе, произшедшее изъ монограммы и стоитъ здѣсь вмѣсто опредѣленнаго члена *o* и прилагательнаго: *αγιος* = *свѣтой*. Въ примѣрахъ такого употребленія, какъ этой монограммы, такъ и болѣе сокращенной ея формы *o*, на византійскихъ рукописяхъ и монетахъ нѣтъ недостатка⁶⁴). Двѣ первыя буквы имени Святаго очевидно ГЕ. Третья вверху съ лѣвой стороны Святаго правда имѣетъ видъ прямаго Е, въ слѣдствіе чего г. Кёне и принялъ ее за *e* въ словѣ *Hex*; но это навѣрное недостаточно округленная неловкимъ граверомъ греческая *ω* (*o* мега), средняя черта которой часто удлиняется на монетахъ и рукописяхъ⁶⁵). — Оригиналенъ видъ греческаго Р, которое граверъ, желая помѣстить крестъ въ видѣ 4 шариковъ, по недостатку мѣста почти слилъ во едино съ покоя-

64) См., на прим., ниже Табл. С, № 3, 4 и 2 и В, № 4 и 5. На монетѣ имп. Мануила (Т. В, 6) встрѣчается полная форма прилагательнаго: *αγιος*.

65) См., между прочимъ, рисунки въ *Essai de classification des suites monétaires byzantines*, par F. de Sauley. Metz 1836. Planche XXXI, № 6 и ниже Табл. С, № 1. Ср. форму буквы *Ω* въ Остромир. Евангелии.

знаемъ; но вѣрно то, что его имя уже съ 988 года на долго водворилось въ великокняжеской фамиліи.

Помѣщенная же по обѣимъ сторонамъ Святаго надпись вполне убѣждаетъ насъ въ томъ, что здѣсь на монетѣ представленъ намъ ликъ св. Георгія. Надпись эта — греческая; ея буквы слѣдуютъ одна за другой параллельными линіями въ перпендикулярномъ направленіи⁶³). Какъ вообще перпендикулярныя надписи, такъ и здѣсь обѣ половины слѣдуетъ читать сверху внизъ. По палеографической терминологіи надпись состоитъ болѣе изъ такъ называемыхъ уставныхъ или, по нынѣшнему выраженію, прописныхъ буквъ, чѣмъ изъ полууставныхъ. Иныя буквы по недостатку мѣста вышли помельче; другія изобличаютъ мало опытную руку, отъ чего и сомнительно, былъ ли граверъ вообще Грекъ, или скорѣе Болгаринъ, — (о Русскомъ мы не думаемъ по особенной причинѣ), — именно такой Болгаринъ, который, какъ и понинѣ многіе

63) Г. Кёне выдаетъ надпись за латинскую, тогда какъ она явно греческая. Далѣе онъ ошибся въ направленіи надписи: она не круговая, а перпендикулярная. Последнюю ошибку еще можно извинить нѣкоторымъ образомъ, потому что граверъ по тѣснотѣ мѣста не могъ строго соблюсти перпендикулярное направленіе. Но пусть читатели сами объяснятъ себѣ, какъ г. Кёне могъ попасть на мысль совершенно произвольно объяснять посредствомъ латыни нѣкоторые письменные знаки, (которые въ изображенномъ на его рисункахъ видѣ не встрѣчаются ни въ греческихъ, ни въ латинскихъ письменахъ среднихъ вѣковъ), и съ такою странною самоувѣренностью упорствовать въ своемъ объясненіи!

Подобно лицевой сторонѣ *оборотная* также окружена ободкомъ изъ точекъ (*grènelis*), которыя однако, судя по галванопластической копіи, довольно истерты⁶⁷⁾. Все поле оборотной стороны занято фигурой, попадающеюся на всѣхъ русско-византійскихъ монетахъ, хотя въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Здѣсь она во всякомъ случаѣ сохраняетъ болѣе первобытный видъ, представляя намъ одинъ важный признакъ, котораго мы не видимъ на другихъ экземплярахъ. О прежнихъ толкованіяхъ этой фигуры, какъ трезубца, трезубчатого свѣтильника или паникадила, хоругви и проч., нынѣ уже не можетъ быть болѣе рѣчи: фигура на стокгольмскомъ экземплярѣ Ярославля сребра снабжена *глазами*; потому что вырѣзанныя вверху два углубленія, явно отличаясь отъ трехъ находящихся въ серединѣ, рельефно выдѣланныхъ шариковъ, какъ по своему положенію, такъ и по формѣ совершенно сходствуютъ съ двумя углубленіями на ликѣ святаго Георгія. Но если фигура изображаетъ *живое* существо, то нельзя не признать въ немъ символическаго значенія. Изъ церковныхъ символовъ всего ранѣе и всего чаще встрѣчается бóльшій

встрѣчается буква Р въ видѣ V. См. на пр. De literaturae phoneticae origine atque indole disseruit. G Geisler. Berolini 1858. Tabul. u. J. Hanusch, Zur slavischen Runenfrage (въ Archiv für Kunde österreichischer Geschichts-Quellen. 18. Band. Wien 1857, pag. 96).

67) Итакъ ободокъ на рисункѣ г-на Кёне, какъ кажется, не совсѣмъ точенъ.

знаемъ; но вѣрно то, что его имя уже съ 988 года на долго водворилось въ великокняжеской фамиліи.

Помѣщенная же по обѣимъ сторонамъ Святаго надпись вполне убѣждаетъ насъ въ томъ, что здѣсь на монетѣ представленъ намъ ликъ св. Георгія. Надпись эта — греческая; ея буквы слѣдуютъ одна за другой параллельными линиями въ перпендикулярномъ направленіи⁶³). Какъ вообще перпендикулярныя надписи, такъ и здѣсь обѣ половины слѣдуетъ читать сверху внизъ. По палеографической терминологіи надпись состоитъ болѣе изъ такъ называемыхъ уставныхъ или, по нынѣшнему выраженію, прописныхъ буквъ, чѣмъ изъ полууставныхъ. Иныя буквы по недостатку мѣста вышли помельче; другія изобличаютъ мало опытную руку, отъ чего и сомнительно, былъ ли граверъ вообще Грекъ, или скорѣе Болгаринъ, — (о Русскомъ мы не думаемъ по особенной причинѣ), — именно такой Болгаринъ, который, какъ и понынѣ многіе

63) Г. Кёне выдаетъ надпись за латинскую, тогда какъ она явно греческая. Далѣе онъ ошибся въ направленіи надписи: она не круговая, а перпендикулярная. Последнюю ошибку еще можно извинить нѣкоторымъ образомъ, потому что граверъ по тѣснотѣ мѣста не могъ строго соблюсти перпендикулярное направленіе. Но пусть читатели сами объяснятъ себѣ, какъ г. Кёне могъ попасть на мысль совершенно произвольно объяснять посредствомъ латыни нѣкоторые письменные знаки, (которые въ изображенномъ на его рисункахъ видѣ не встрѣчаются ни въ греческихъ, ни въ латинскихъ письменахъ среднихъ вѣковъ), и съ такою странною самоувѣренностью упорствовать въ своемъ объясненіи!

знаться, а относительно крыльевъ слѣдуетъ замѣтить, что они на другихъ экземплярахъ Ярославовыхъ монетъ съ внутренней стороны нѣсколько округлены, и слѣдовательно естественнѣе⁶⁹).

Какую же птицу должно разумѣть подъ этою фигурою и какое именно придать ей символическое значеніе? Изъ птицъ, употреблявшихся въ видѣ символовъ на христіанскихъ памятникахъ искусства, всего чаще встрѣчаются голубь и орелъ. Къ сожалѣнію христіанская церковная символика еще не разработана съ достаточною благонадежностью и во всѣхъ подробностяхъ; но мы не можемъ здѣсь не привести одного мѣста изъ Дидрона⁷⁰): «...Ce qu'il faut dire, c'est que jusqu'au «XIe siècle la colombe seule est destinée à symboliser le Saint-Esprit, et qu'à partir de cette époque la colombe partage cet honneur avec l'homme». Правда, у птицы на Ярославлѣ сребрѣ недостаетъ вѣнчика или крестообразнаго сіянія, но четыре креста, которыми она окружена, явно указываютъ на ея символическое значеніе. Да и самая птица на стокгольмскомъ экземплярѣ невольно напоминаетъ собою видъ креста, а на русско-византійскихъ монетахъ, которыя Волошинскій

69) На пр. на дерптскомъ экземплярѣ Ярославля сребра (см. ниже Табл. В, № 2).

70) *Iconographie chrétienne. Histoire de Dieu.* Paris 1843, стр. 507 и стр. 470 и 479.

считаетъ послѣдніе чеканенными изъ нѣжинскаго клада, видъ птицы уже почти вовсе исчезъ и одно изъ ея крыльевъ прямо превращено въ крестъ⁷¹⁾. Можетъ быть и *три* шарика въ серединѣ птицы слѣдуетъ понимать символически⁷²⁾. О тѣсномъ соотношеніи этой фигуры къ св. Георгію или его небесному предшественнику, архангелу Михаилу, кажется, нѣтъ никакого намека. Напротивъ того, мы скорѣе должны полагать, что птица относится къ *князю*, упоминаемому на оборотной сторонѣ монеты⁷³⁾. Птицы, изображенныя на гробницѣ Ярослава I Владиміровича (въ кіево-софійскомъ соборѣ), по

71) Ср. сочиненіе Тертулліана de oratione (Tertulliani opera. Pars II. Lipsiae 1839, cap. 24): «...Sed et aves nunc exsurgentes eriguntur ad coelum, et *alarum crucem* pro manibus extendunt, et dicunt aliquid, quod oratio videatur» и сочиненіе: Sinnbilder und Kunstvorstellungen der alten Christen von Friedrich Münter. 4. Heft. Altona 1825 («Das Kreuz», стр. 68 и слѣд.). См. у Волошинскаго № 21—31 и ср. особенно № 21 и 27 съ украшеніями надписи, вырѣзанной на блюдѣ черниговскаго кн. Владиміра Давыдовича († 1151. См. статью А. О. Бычкова въ Запискахъ Археологич. Общества. Т. III, стр. 159). Замѣтимъ еще, что и стволы двухъ пальмъ (см. Christliche Symbolik von W. Menzel, II, 182) на гробницѣ Ярослава I (см. ниже прим. 74) имѣютъ видъ креста.

72) Такія три точки или шарика встрѣчаются на разныхъ средневѣковыхъ монетахъ и въ извѣстныхъ случаяхъ, конечно, служатъ лишь однимъ украшеніемъ. Для примѣра мы укажемъ только на монету византійскаго императора Романа IV Диогена († 1071), на оборотной сторонѣ которой (см. у Saulcy, Planche XXV, № 6) изображенъ ликъ Спасителя и по обонимъ бокамъ его находятся три точки. Столько-же точекъ и еще три раза встрѣчается на птицѣ изображенной на динарѣ Этельреда II, см. Табл. D, 2 и ниже прим. 76.

73) См. ниже Глав. IV.

видимому, должно принимать за голубей; но онѣ едва ли выражаютъ здѣсь символически пареніе души праведника (Ярослава) къ небу, 'а скорѣе жизнь въ раю⁷⁴⁾. За то одна русская монета, приписываемая великому князю Василю Василіевичу Темному (1425—1462), представляетъ намъ довольно поразительную аналогію съ Ярославимъ серебромъ. На лицевой сторонѣ этой деньги изображена не Божія Матерь, какъ думали до сихъ поръ, а князь, (сидящій на престолѣ), и ангелъ, вмѣстѣ держащіе крестъ по древне-византійскому обычаю. На оборотной сторонѣ круговая надпись: «князь ве-

74) Объ этой гробницѣ коротко упоминаетъ Карамзинъ (II, прим. 51). Ср. Кеппена Списокъ русскимъ памятникамъ. М. 1822, стр. 19. Изображеніе гробницы можно видѣть у Ивана Фундуклея (Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ. К. 1847, стр. 36.). На рисункѣ, изданномъ въ 1858 г. (Памятники и виды Кіевской, Подольской и Волынской губерній. Выпускъ первый, Кіевъ, въ листъ), птиць, рыбъ, пальмъ и др. предметовъ не видно. При объясненіи символическаго значенія этихъ фигуръ нѣкоторымъ пособіемъ можетъ служить сочиненіе Менцеля (*Christliche Symbolik von Wolfg. Menzel. 2. Theil. Regensb. 1854, стр. 182, 281, 443 и 444*). Вообще о символическомъ значеніи голубя см. сочиненія приведенныя Дюканжемъ (въ его Словаряхъ подъ слов. *περιστέρα* и *columba*), Минтеромъ (*Sinnbilder I, 105 и рис. № 81—84*), Guenebault (*Dictionnaire iconographique des monuments de l'antiquité chrétienne et du moyen-âge. Tome I. Paris 1843, стр. 302 и 444*) и др. — Рисунки голубя съ крестообразнымъ вѣнчикомъ у Дидрона въ *Iconographie chrétienne*. — Можно надѣяться что мы найдемъ еще обильнѣйшіе матеріалы о символическомъ значеніи голубя въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ дѣльнаго сочиненія Ферд Пипера (*Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst von der ältesten Zeit bis in's sechszehnte Jahrhundert*).

крестъ на оборотѣ византійскихъ монетъ. На этихъ монетахъ ликъ Богоматери (*οδηγήτρια*), иногда съ младенцомъ, и ликъ Спасителя часто являются не прежде IX вѣка.

Какой символъ должно разумѣть на стокгольмскомъ экземплярѣ Ярославля сребра, достаточно объясняется 4-мя крестами, изъ которыхъ одинъ помѣщенъ вверху, другой внизу фигуры, а прочіе два вѣроятно должны были стоять по обоимъ ея бокамъ, но не могли помѣститься тамъ въ надписи, были расположены по обѣимъ сторонамъ нижней части фигуры. Но не указываютъ ли кресты въ такомъ количествѣ на благочестивую цѣль? Если такъ, то, кажется, нельзя не признать въ фигурѣ *церковнаго* символа. Самая фигура не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ птицей, что само по себѣ ясно всякому. Какъ на этой и на другихъ монетахъ были вырѣзываемы только контуры крестовъ, такъ и здѣсь неопытный граверъ, или для облегченія себѣ труда, или по какому либо ему предлежавшему подлиннику такой же формы, сдѣлалъ, такъ сказать, только очеркъ птицы⁶⁸). На счетъ клюва, глазъ и хвоста нельзя обо-

68) На оборотной сторонѣ нѣкоторыхъ монетъ послѣдняго англо-саксонскаго короля — Эдуарда Исповѣдника († 1066) встрѣчаются четыре птицы, принимаемы нумизматами за ласточекъ или вороновъ (?). На другихъ же монетахъ того же короля изъ фигуръ этихъ птицъ остались лишь какія-то черты въ видѣ украшеній. См. *Monnaies anglosaxonnes ... décrites par V. C. Hildebrand. Stockholm 1846. Tab. X, N—K и ср. стр. 277—278 шведскаго текста.*

знаться, а относительно крыльевъ слѣдуетъ замѣтить, что они на другихъ экземплярахъ Ярославовыхъ монетъ съ внутренней стороны нѣсколько округлены, и слѣдовательно естественнѣе⁶⁹⁾.

Какую же птицу должно разумѣть подъ этою фигурою и какое именно придать ей символическое значеніе? Изъ птицъ, употреблявшихся въ видѣ символовъ на христіанскихъ памятникахъ искусства, всего чаще встрѣчаются голубь и орелъ. Къ сожалѣнію христіанская церковная символика еще не разработана съ достаточною благонадежностью и во всѣхъ подробностяхъ; но мы не можемъ здѣсь не привести одного мѣста изъ Дидрона⁷⁰⁾: «...Ce qu'il faut dire, c'est que jusqu'au «XIe siècle la colombe seule est destinée à symboliser le Saint-Esprit, et qu'à partir de cette époque la colombe partage cet honneur avec l'homme». Правда, у птицы на Ярославль сребрѣ недостаетъ вѣнчика или крестообразнаго сіянія, но четыре креста, которыми она окружена, явно указываютъ на ея символическое значеніе. Да и самая птица на стокгольмскомъ экземплярѣ невольно напоминаетъ собою видъ креста, а на русско-византійскихъ монетахъ, которыя Волошинскій

69) На пр. на дерптскомъ экземплярѣ Ярославля сребра (см. ниже Табл. В, № 2).

70) Iconographie chrétienne. Histoire de Dieu. Paris 1843, стр. 507 и ср. стр. 470 и 479.

считаетъ послѣдніе чеканенными изъ нѣжинскаго клада, видъ птицы уже почти вовсе исчезъ и одно изъ ея крыльевъ прямо превращено въ крестъ⁷¹⁾. Можетъ быть и *три* шарика въ серединѣ птицы слѣдуетъ понимать символически⁷²⁾. О тѣсномъ соотношеніи этой фигуры къ св. Георгію или его небесному предшественнику, архангелу Михаилу, кажется, нѣтъ никакого намека. Напротивъ того, мы скорѣе должны полагать, что птица относится къ *князю*, упоминаемому на оборотной сторонѣ монеты⁷³⁾. Птицы, изображенныя на гробницѣ Ярослава I Владиміровича (въ кіево-софійскомъ соборѣ), по

71) Ср. сочиненіе Тертупліана de oratione (Tertulliani opera. Pars II. Lipsiae 1839, cap. 24): «...Sed et aves nunc exsurgentes eriguntur ad coelum, et *alarum cruce* pro manibus extendunt, et dicunt aliquid, quod oratio videatur» и сочиненіе: Sinnbilder und Kunstvorstellungen der alten Christen von Friedrich Münter. 4. Heft. Altona 1825 («Das Kreuz», стр. 68 и слѣд.). См. у Волошинскаго № 21—31 и ср. особенно № 21 и 27 съ украшеніями надписи, вырѣзанной на блюде черниговскаго кн. Владиміра Давыдовича († 1151. См статью А. Ф. Бычкова въ Запискахъ Археологич. Общества. Т. III, стр. 159). Замѣтимъ еще, что и стволы двухъ пальмъ (см. Christliche Symbolik von W. Menzel, II, 182) на гробницѣ Ярослава I (см. ниже прим. 74) имѣютъ видъ креста.

72) Такія три точки или шарика встрѣчаются на разныхъ средневѣковыхъ монетахъ и въ извѣстныхъ случаяхъ, конечно, служатъ лишь однимъ украшеніемъ. Для примѣра мы укажемъ только на монету византійскаго императора Романа IV Диогена († 1071), на оборотной сторонѣ которой (см. у Saulcy, Planche XXV, № 6) изображенъ ликъ Спасителя и по обоимъ бокамъ его находится три точки. Столько-же точекъ и еще три раза встрѣчается на птицѣ изображенной на диварѣ Этельреда II, см. Табл. D, 2 и ниже прим. 76.

73) См. ниже Глав. IV.

видимому, должно принимать за голубей; но онѣ едва ли выражаютъ здѣсь символически пареніе души праведника (Ярослава) къ небу, а скорѣе жизнь въ раю⁷⁴). За то одна русская монета, приписываемая великому князю Василю Василичу Темному (1425—1462), представляетъ намъ довольно поразительную аналогію съ Ярославимъ сребромъ. На лицевой сторонѣ этой деньги изображена не Божія Матерь, какъ думали до сихъ поръ, а князь, (сидящій на престолѣ), и ангелъ, вмѣстѣ держащій крестъ по древне-византійскому обычаю. На оборотной сторонѣ круговая надпись: «князь ве-

74) Объ этой гробницѣ коротко упоминаетъ Карамзинъ (II, прим. 51). Ср. Кеппена Списокъ русскимъ памятникамъ. М. 1822, стр. 19. Изображеніе гробницы можно видѣть у Ивана Фундуклея (Обозрѣніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ. К. 1847, стр. 36.). На рисункѣ, изданномъ въ 1858 г. (Памятники и виды Кіевской, Подольской и Волынской губерній. Выпускъ первый, Кіевъ, въ листъ), птиць, рыбъ, пальмъ и др. предметовъ не видно. При объясненіи символическаго значенія этихъ фигуръ нѣкоторымъ пособіемъ можетъ служить сочиненіе Менцеля (*Christliche Symbolik von Wolfg. Menzel. 2. Theil. Regensb. 1854, стр. 182, 281, 443 и 444*). Вообще о символическомъ значеніи голубя см. сочиненія приведенныя Дюканжемъ (въ его Словаряхъ подъ слов. *περιστέρα* и *columba*), Минтеромъ (*Sinnbilder I, 105 и рис. № 81—84*), Guenebault (*Dictionnaire iconographique des monuments de l'antiquité chrétienne et du moyen-âge. Tome I. Paris 1843, стр. 302 и 444*) и др. — Рисунки голубя съ крестообразнымъ вѣнчикомъ у Дидрона въ *Iconographie chrétienne*. — Можно надѣяться что мы найдемъ еще обильнѣйшіе матеріалы о символическомъ значеніи голубя въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ дѣльнаго сочиненія Ферд Пипера (*Mythologie und Symbolik der christlichen Kunst von der ältesten Zeit bis in's sechszehnte Jahrhundert*).

лики» и въ кругъ изъ точекъ парящей вправо голубь.⁷⁵). Голуби и птицы, встрѣчающіеся на другихъ монетахъ и на печатяхъ московскаго періода, кажется, не служатъ объясненіемъ Ярославля сребра, которое впрочемъ представляетъ нѣкоторое сходство съ одной англо-саксонской монетой XI вѣка. Этотъ динарь чеканенъ королемъ Этельредомъ II (978—1013; 1014—1016), внуки котораго, въ 1018 г., хотя на короткое время, нашли убѣжище у Ярослава Владиміровича. На лицевой сторонѣ этого динаря изображенъ, вмѣсто груднаго портрета короля, — *агнецъ Божій* съ крестомъ, а на оборотной сторонѣ, вмѣсто крестовъ и благославляющей руки Божіей, обыкновенно встрѣчающихся на чеканкѣ Этельреда II, — *парящая птица*, въ которой нельзя не узнать святаго Духа въ видѣ голубя. Прибавимъ еще, что голова агнца Божія, т. е. Христось, окруженъ вѣнчикомъ и что голова голубя направлена къ кресту, изображенному въ видѣ трехъ шариковъ и что наконецъ тѣже самыя *три* точки, которыя

75) Эта монета была изображена Рейхелемъ (см. Die Reichelsche Münzsammlung. 1. Theil. 1842—47, № 268, Рисун. I, № 8; Зап. СПб. Археол. Общества. Т. I, 26, Рисун. I, № 8. Ср. Черткова Описание монетъ. М. 1834, (стр. 29 и Табл. III, 7; IV, 11) и Afbildninger fra det Kongelige Museum for Nordiske Oldsager i Kjöbenhavn. Ordne af Worsaae. 1854, (стр. 103). Мое объясненіе лицевой стороны этой деньги, изображенной ниже на Табл. D, 3, основано на сравненіи ея съ другими монетами Василья Темнаго. Типъ этого голубя точь въ точь встрѣчается на другихъ древне-русскихъ памятникахъ.

видны на птицѣ Ярославля сребра, являются и еще три раза на птицѣ динаря Этельреда⁷⁶).

Слѣдуетъ теперь разобрать самую надпись оборотной стороны. Она *круговая*, какъ бываетъ на византійскихъ монетахъ 9 и 10 вѣка. Но вся надпись состоитъ изъ церковно-славянскихъ буквъ, а эти не смотря на то, что граверь былъ стѣсненъ на счетъ мѣста, главнымъ образомъ принадлежать къ уставному письму. Не удивительно, что отдѣльныя буквы напоминаютъ собою греческія и латинскія, потому что кирилловская азбука составила не прежде 9-го вѣка по образцу греческаго уставнаго письма, а это въ то время еще очень сходствовало съ латинскимъ уставнымъ письмомъ, потому что оба они проистекали изъ одного общаго древняго греко-латинскаго источника; однако за всѣмъ тѣмъ на нашей надписи есть также довольно и славянскихъ особенностей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что русско-византійская монета предста-

76) Упомянутая монета Этельреда II, найдена на островѣ Готландѣ и изображена у Гильдебранда (*Monnaies anglosaxonnes*, Tabl. IV, Тур. G, и ср. шведскій текстъ на стр. 29), который и указываетъ на другой экземпляръ этой монеты. См. ниже Табл. D, 2 и ср. Гл. IV. На птицу, изображенную на монетѣ Этельреда, мною обращено было вниманіе до полученія гальванопластической копии Ярославля экземпляра изъ Стокгольма, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать и другіе. Г. Кёле былъ руководимъ подобной же догадкою. Но какимъ образомъ онъ развилъ ее, объ этомъ пусть судятъ сами читатели. См. выше стр. 53. Видѣть въ птицѣ Ярославля сребра подражаніе англо(?) - датскому ворону, не дозволяетъ и христіанская символика.

вляеть надписи на двухъ разныхъ языкахъ. Должно полагать (см. ниже Гл. IV), что граверь по всей вѣроятности имѣлъ передъ собою *русско-греческій* образецъ св. Георгія. Далѣе, замѣтимъ, что и на нѣкоторыхъ экземплярахъ такъ называемой черниговской медали также имѣется греческая и славянская надпись. Довольно разительное сходство представляетъ надпись на печатяхъ, привѣщенныхъ къ пергаминнымъ грамотамъ 1356 г., великаго князя московскаго, Іоанна Іоанновича. На лицевой сторонѣ славянскими буквами вырѣзана греческая надпись: «ΑΓΗΣΣΕΣ ΙΩ», т. е. св. Іоаннъ, а на оборотной надпись: «ПЕУАТЬ КНАЗА ВЕЛНКОГО ІВАНА ИВАНОВИЧА»⁷⁷).

Чтеніе круговой надписи, занимающей собою все пространство монеты, не затруднительно, даже и въ томъ случаѣ, еслибы кто сначала поколебался, откуда начать чтеніе. Извѣстно, что на грамотахъ, по благочестивому обычаю среднихъ вѣковъ, передъ первымъ словомъ весьма часто ставится *крестъ*, а въ концѣ грамотъ нерѣдко прибавляется слово. *аминъ*. На нѣкоторыхъ монетахъ крестомъ, ясно, хотѣли обозначить начало чтенія. Надпись Ярославля сребра имѣеть два креста: одинъ меньшій и другой бѣльшій; послѣдній подъ хвостомъ

77) Эти серебряныя вызолоченныя печати изображены въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Часть I, стр 41 и 43. Ср. у Карамзина (IV, прим. 386).

птицы⁷⁸⁾. Есть довольно монетъ среднихъ вѣковъ, на которыхъ круговая надпись начинается внизу съ лѣва на право. Передаемъ всю надпись, кромѣ 2-ой и 7-ой буквы, церковно-славянскими буквами, вырѣзанными по образцу (новгородскаго) Остромирова Евангелія 1056—57 года:

† ЯРОСЛАВЪ † ЛЕ СРЕБРО

или русскими буквами: *Ярославле сребро*⁷⁹⁾.

Что касается до отдѣльныхъ буквъ, то мы замѣчаемъ на этой круговой надписи два разныхъ знака для звука р. Это на первый взглядъ возбуждаетъ подозрѣніе на счетъ древности надписи. Уже въ надписи на лицевой сторонѣ мы нашли особенный знакъ для греческой буквы ρ, которая въ своей славянской формѣ дважды является въ словѣ: *срѣбро*. Напротивъ того въ прилагательномъ *Ярославле* встрѣчается буква, совершенно похожая на латинское r. Какъ объяснить это? Всего естественнѣе полагать, что болгарскій гравёръ допустилъ византійско-латинское R, встрѣчающееся еще довольно

78) Надобно замѣтить, что этотъ крестъ на стокгольмской гальванопластической копіи не много больше, чѣмъ вышелъ, виною петербургскаго гравёра, на рисунокъ В, № 1.

79) Мы воздерживаемся отъ всякихъ замѣчаній на счетъ того, какъ г. Кёне читаетъ надпись, а для объясненія читателю скажемъ только, что онъ, не заботясь о ббльшемъ крестѣ, искалъ начало у малаго креста, т. е. изъ *ле* сдѣлалъ латинскій слогъ Re.

часто на византійскихъ монетахъ 11 вѣка⁸⁰). Иныя буквы въ круговой надписи не хорошо удались граверу, какъ именно В въ словѣ: Ярославле⁸¹).

80) Едвали можно полагать, чтобы граверъ былъ Европеецъ романскаго или германскаго происхожденія и чтобы онъ, какъ потомокъ норманскихъ родителей или праотцевъ, вставилъ отдѣльную руну, какъ иногда дѣлали латинскіе писатели на западѣ. Сѣверная руна для звука R правда похожа на него, но въ своей обыкновенной формѣ слишкомъ отличается отъ R круговой надписи (См. впрочемъ выше въ прим. 66 приведенное сочиненіе Гануша и руническія азбуки на стр. 372 датскаго журнала: *Annaler for Nordisk Oldkyndighed og Historie...* 1855. Kjoebenhavn.). Греческое P правда только сокращеніе болѣе стариннаго R, но принадлежитъ весьма раннему времени. Итакъ надобно полагать, что граверъ, знавшій греческія и латинскія письмена, вставлялъ латинское R по какой-либо прихоти. Это впрочемъ легче объясняется, чѣмъ странная форма P въ греческой перпендикулярной надписи. Первые императоры, бывшіе въ Византіи, пришли изъ Рима, по имени котораго Константинополь даже былъ прозванъ новымъ Римомъ (Ἡ Νέα Ρώμη; см. Уч. Зап. И. Акад. Наукъ по I и III Отдѣленіямъ, 1854, Т. II, стр. 428); по тому природный языкъ ихъ былъ латинскій, который долго оставался въ Византіи дѣловымъ языкомъ, такъ что даже императоръ Управда-Юстиніанъ († 565), коего дядя Управда-Юстинъ переселился въ Константинополь изъ Иллиріи, какъ истый Славянинъ, повелѣлъ составить свой знаменитый «Сводъ» на латинскомъ языкѣ и даже называлъ этотъ языкъ своимъ отечественнымъ (πατριος φωνή). Монетныя надписи византійскихъ императоровъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій также оставались латинскими. Позже начали примѣшивать греческія буквы и слова. Особенно часто употреблялось латинское R, такъ что встрѣчается MR-ΘΥ вмѣсто MP-ΘΥ (= Божья мать, Богородица) и царь ΡΩΜΑΙΩΝ (Ромеевъ = Византійцевъ). Даже въ XII вѣкѣ, когда греческія буквы одержали верхъ, латинское R еще попадаетъ, хотя уже рѣже.

81) Не смотря на то, что эта буква, точно изображенная на рисункѣ В, № 1, имѣетъ почти видъ четырехугольника, она едвали примыкаетъ къ формѣ □ буквы В

Занимательна и даже важна форма слова: «сребро», потому что въ русской надписи собственно слѣдовало бы ожидать «серебро», уже встрѣчающееся и у Нестора. Не указываетъ ли это, такъ какъ и употребленіе византійско-латинскаго *R.* на то, что денежникъ или серебряныхъ дѣлъ мастеръ (по церковно-славянски *сребростъцьць* = *ἀργυροκόπος*) былъ не Русскій, а южный Славянинъ, и именно Болгаринъ? Въ переведенныхъ съ Греческаго договорахъ Олега и Игоря 907 и 945 годовъ встрѣчаются уже чисто-болгарскія формы «*злато*» и «*сребро*», которыя однако едва ли были употребительны въ велико-русскомъ разговорномъ языкѣ.

Значеніе «сребра» ясно, какъ скоро мы примемъ это слово за болгарскій нумизматическій терминъ. Сосѣдніе Византійцамъ Болгары придавали своему выраженію «сребро» значеніе серебряныхъ денегъ или денегъ вообще, по аналогіи съ греческимъ *ἀργύριον*, которое уже въ древности употреблялось въ смыслѣ серебряныхъ денегъ и денегъ вообще. Всего соотвѣтственнѣе было бы передать слово *сребро* на монетѣ Ярослава

въ русской скорописи. Должно полагать, что рѣзчикъ сдѣлалъ промахъ: онъ первоначально хотѣлъ, по видимому, вырѣзать слогъ *ле* (Ярослав*ле*) на лѣвой сторонѣ птицы, но ему помѣшалъ крестъ. Г. Кёне принимаетъ букву *B* (см. выше стр. 53) лишь за украшеніе; но это толкованіе происходитъ отъ невѣрнаго рисунка, имъ самимъ сдѣланнаго. См. ниже Табл. А и ср. снимокъ въ берлинскомъ нумизматическомъ журналѣ.

церковно-славянскимъ *сребръникъ* (по русски: серебряникъ, по польски «*śrebrnik*», по нѣмецки «*Silberling*», по латыни среднихъ временъ «*moneta argentea*»⁸²).

Описавъ, сколько возможно было на основаніи гальвано-пластического снимка, стокгольмскій экземпляръ Ярославля

82) Древне-греческое слово δ $\alpha\rho\gamma\upsilon\rho\omicron\varsigma$ означаетъ преимущественно серебро какъ металл. Отсюда происходитъ уменьшительное $\tau\omicron$ $\alpha\rho\gamma\upsilon\rho\iota\omicron\nu$, въ смыслѣ чеканнаго серебра и денегъ вообще. Замѣчательно, что у Ульфилы и въ Остромиров. Евангеліи два мѣста греческаго текста одинаково передаютъ словами *сребро* и *silubr*, *сребръникъ* и *silubrein*. Въ Еванг. Мате. 27, 3—5 говорится о Іудѣ: възврати 30 сребръникъ (*silubrinaize*)... и повѣргъ сребро (*silubr*) въ прѣкви = $\alpha\lambda\epsilon\sigma\tau\rho\epsilon\psi\epsilon$ $\tau\alpha$ $\tau\rho\iota\acute{\alpha}\chi\omicron\nu\tau\alpha$ $\alpha\rho\gamma\upsilon\rho\iota\alpha$... $\kappa\alpha\iota$ $\beta\rho\iota\psi\alpha\varsigma$ $\tau\alpha$ $\alpha\rho\gamma\upsilon\rho\iota\alpha$ $\epsilon\nu$ $\tau\omicron$ $\nu\alpha\omicron$. Впрочемъ въ Византіи, въ смыслѣ «серебреника» были также въ употребленіи выраженія: $\alpha\rho\gamma\upsilon\rho\omicron\upsilon\varsigma$, $\delta\eta\nu\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\nu$, $\mu\iota\lambda\lambda\iota\alpha\rho\eta\sigma\iota\omicron\nu$, $\acute{\alpha}\sigma\pi\rho\omicron\varsigma$, $\acute{\alpha}\sigma\pi\rho\nu$ и др. Въ Еванг. Лук. X, 35 читается: изъмъ двѣ сребръника = $\epsilon\chi\beta\alpha\lambda\omicron\nu$ $\delta\upsilon\omicron$ $\delta\eta\nu\acute{\alpha}\rho\iota\alpha$ и въ Ев. Іоанна XII, 5: и чесо ради муро се не продано бысть на трыхъсѣтъхъ сребръникъ (у Ульфилы: *skatte*) = $\delta\iota\alpha\tau\iota$ $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron$ $\tau\omicron$ $\mu\upsilon\rho\omicron\nu$ $\omicron\upsilon\chi$ $\epsilon\pi\rho\acute{\alpha}\delta\eta$ $\tau\rho\iota\alpha\chi\omicron\sigma\iota\omicron\nu$ $\delta\eta\nu\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\nu$. Если готское *skatts* уже въ IV вѣкѣ употреблялось для означенія определенной серебряной монеты, то удивляться нечему, что родственное славянское *скоть* имѣло уже при в. кн. Ярославѣ I значеніе *денегъ* вообще и что *скотолюбье* (см. Посланіе митрополита Іоанна II, 1080—1088, къ черноризцу Іакову у Карамзина, II, прим. 158) и *кунолюбье* (см. выше на стр. 6) на Руси въ XI вѣкѣ замѣняли церковное выраженіе *сребролюбье*. Такъ какъ «сребро» на Руси часто употреблялось въ смыслѣ чеканной деньги, то естественно, что выраженіе: «серебряникъ» и подобныя формы довольно рѣдко встрѣчаются въ литературныхъ памятникахъ. См. у Карамзина, I, прим. 214; II, прим. 284 и ср. Новгород. I лѣтоп. подъ 1200 г. Въ 1115 г. Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ при перенесеніи мощей св. Бориса и Глѣба «повелѣ метати поволоки, фодудю и орничѣ, и бѣль» для народа. Въ шпатель-

сребра, слѣдуетъ еще опредѣлить отношеніе его къ тождественнымъ между собою экземплярамъ кievскому и дерптскому. Здѣсь рождается вопросъ: который экземпляръ былъ чеканенъ прежде и что побудило рѣзчика штемпеля или одного изъ двухъ рѣзчиковъ, при гравированіи втораго, позднѣйшаго экземпляра уклониться отъ прежняго?

По разнымъ причинамъ должно полагать, что оба штемпеля были произведеніемъ не одного и тогоже рѣзчика. При томъ вѣроятно Ярославъ или его «скотникъ» разными соображеніями побужденъ были чеканить серебряники не одинаковой величины и достоинства. Между тѣмъ какъ стокгольмскій экземпляръ не болѣе 21 миллиметра, величина дерптскаго составляетъ ровно 27 миллиметровъ: первый (почти) съ 20-ти копѣчникъ, а второй (почти) съ 30-ти копѣчникъ величи-

скомъ спискѣ кievской лѣтописи прибавлено къ слову *бѣль*: ово же *сребреники*. Ср. у Кар. II, прим. 215. Если это толкованіе (*glossa*) вѣрно, то слово *бѣль*, очевидно, соответствуетъ средневѣковымъ нумизматическимъ выраженіямъ: *albus*, *le blanc*, *Witten*(pfennig) или *Weiss*(groschen), византійскому *ἄσπρος* или *ἄσπρον*, и подобнымъ словамъ въ западно-славянскихъ языкахъ. Название: *Ἄσπρα λευόμενα Κομνηνάτα*, упоминаемая въ грамотѣ (1365 г.) трапезунтскаго императора Алексія III изъ рода Комниновъ (см. у Фальмерайера, *Original-Fragmente zur Geschichte des Kaiserthums Trapezunt*, p. 90 и 148, и сочиненіе подъ заглавіемъ: *Essai sur les Aspres Comnénates, ou Blancs d'argent de Trébisonde*, «*Ἄσπρα λευόμενα Κομνηνάτα*» par F. de Pfaffenhoffen. Paris 1847, p. 73) точно также произошло отъ фамиліи трапезунтскихъ императоровъ, какъ названіе «Ярославле сребро» отъ имени великаго князя русскаго.

ною. Почти въ такой же пропорціи разнится и вѣсъ стокгольмскаго экземпляра отъ вѣса двухъ прочихъ экземпляровъ⁸³); обтертая кievская монета вѣсила 53 аптекарскихъ грана, дерптская же вѣситъ $60\frac{5}{7}$ грановъ, такъ что только немногіе экземпляры нѣжинскихъ серебряниковъ довольно близко подходятъ вѣсомъ къ дерптской. Отношеніе количества серебра въ обѣихъ монетахъ, малой и бoльшей⁸⁴), покаместъ должно оставаться неопредѣленнымъ.

На бoльшемъ экземплярѣ замѣтно бoльше искусства и опытности со стороны гравера. Впрочемъ нельзя не принять въ соображеніе и того, что граверь малаго серебра былъ очень стѣсненъ на счетъ пространства, тогда какъ рѣзчикъ кievскаго и дерптскаго экземпляровъ имѣлъ возможность точнѣе отдѣлить буквы, правильнѣе расположить кресты и вообще лучше украсить всю монету. Могло быть, хотя это и не вѣроятно, что граверь меньшаго экземпляра имѣлъ передъ собою бoльшій, правильнѣйшій и красивѣйшій; а въ такомъ случаѣ слѣдовало бы предположить, что онъ не только весьма неловко

83) См. выше стр. 63. Въ новомъ Каталогѣ генерала Шуберта (Catalogue... Première Partie. Carlsruhe 1857) помѣщено: «Table pour la réduction des grammes en zolotniki et doli».

84) Названіе: $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\ \alpha\phi\acute{\upsilon}\rho\iota\sigma\upsilon\sigma$ едвали служить объясненіемъ отношенія бoльшаго экземпляра Ярославля серебра къ меньшему. Впрочемъ въ Византіи были въ употребленіи серебряныя монеты разной цѣнности.

подражалъ своему образцу, но и нарочно искажилъ лучшее устройство цѣлаго на большемъ экземплярѣ. Старшинство меньшаго экземпляра передъ большимъ становится еще вѣроятнѣе, если ближе сличить ихъ между собою въ частности. И греческія. и славянскія буквы не совсѣмъ сходствуютъ между собою на обѣихъ монетахъ.

Греческая надпись на большемъ экземплярѣ та же самая, даже до загадочной формы буквы ρ (см. выше прим. 66). И на ней также недостаетъ знака именительнаго падежа Σ или С. Однако форма буквы ε на обѣихъ различна и можетъ быть подтверждаетъ нѣкоторымъ образомъ наше мнѣніе о старшинствѣ меньшаго сребра⁸⁵). Изображеніе святаго Георгія на

85) Первобытная греко-италійская форма буквы Ε въ греческой письменности весьма давно получила форму ϵ, перешедшую въ томъ самомъ видѣ въ коптскую, готскую и славянскую азбуки. Достоверно, что на средне-греческихъ надписяхъ, встрѣчающихся на нумизматическихъ и другихъ памятникахъ, форма Ε, въ сравненіи съ формой ϵ, весьма рѣдко попадаетъ. Мы съ намѣреніемъ указываемъ на одну монету, чеканенную около 1075 г. и изображающую на лицевой сторонѣ императора Михаила VII Дуку (см. *Essai de classification des suites monétaires byzantines par de Saulcy*, стр. 343) и его супругу Марію, (дочь Баграта IV: см. *Ученыя Записки И. Акад. Наукъ по I и III Отдѣл. Томъ II. 1854, стр. 710, прим. 3*), а на оборотной: Божью Матерь съ младенцемъ Іисусомъ. На ней (см. у Дюканжа, *Familiae Byzantinae*, стр. 159) читается: ΧΘΚΕ (= Deiraga). Итакъ нѣтъ настоящей причины сомнѣваться въ правильномъ чтеніи надписи: . . . ἘΝ Χριστῷ πιστός на портретѣ императора Михаила Дуки, вырѣзанномъ на венгерской коронѣ (см. Приложение I). Въ одной надписи, (см. у Дюканжа, *Familiae Byzantinae*

большемъ сребрѣ, сообразно съ правилами византійскаго иконописанія, является въ видѣ юнаго, безбородаго война съ кудрявыми волосами. Пряжка, которою на правомъ плечѣ прикрѣплена воинская мантия, видна явственно; а равно и кисти на правомъ плечѣ. Вообще весь ликъ св. Георгія столько соответствуетъ первообразу, въ томъ видѣ, какъ онъ оказывается изъ сличенія разныхъ византійскихъ и древне-русскихъ изображеній (см. Прил. I), что надобно предполагать, что второй рѣзчикъ штемпеля вѣрнѣе перваго придерживался предлежащаго ему образца, которымъ служилъ для него какой-либо еще неизвѣстный намъ доселѣ видъ сребра Ярославля или какойнибудь другой памятникъ. Еслибы буква Р не была сходна на обоихъ экземплярахъ, то можно бы было подумать, что каждый изъ двухъ граверовъ имѣлъ особый образецъ. Бóльшій экземпляръ еще тѣмъ отличается отъ меньшаго, что имѣетъ двойной ободокъ изъ точекъ или шариковъ, въ слѣдствіе чего граверъ нашелъ для себя возможнымъ помѣстить 4 креста на приличныхъ мѣстахъ, а именно въ видѣ шариковъ (см. выше стр. 65).

стр. 233) относящейся къ императору Михаилу VIII Палеологу Комнину († 1282) и его семейству, буква Е встрѣчается 7 разъ. И на одномъ экземплярѣ т. назыв. черниговской гривны встрѣчается Е.

Имя св. Георгія на византійскихъ монетахъ и печатяхъ (*σφραγίς*) часто бывало вырѣзано въ видѣ монограммы, но на всѣхъ другихъ до сихъ поръ ницъ извѣстныхъ среднегреческихъ памятникахъ вездѣ читается: ΓΕΩΡΓΙΟΣ (или ... ΟC).

Вѣроятно, онъ былъ наведенъ на это меньшимъ экземпляромъ, на которомъ уже имѣется крестъ въ видѣ шариковъ⁸⁶).

На оборотѣ большаго экземпляра также замѣтны кое-какія различія. Изображеніе птицы въ нѣкоторомъ отношеніи менѣе пропорціонально и отъ того не такъ явственно: клювъ не такъ остеръ, а потому не мудрено, что на немъ доселѣ не было замѣчено глазъ. Изъ сличенія съ стокгольмскимъ экземпляромъ оказывается однако, что денежникъ Ярослава отнюдь не упустилъ изъ виду глазъ подлежащаго ему образца: но онъ не выразилъ ихъ въ углубленномъ видѣ, а только въ видѣ двухъ шариковъ, которые притомъ, служа какъ бы только украшеніемъ, помѣщены на нижней части крыльевъ. Вѣроятно, онъ не находилъ для нихъ довольно мѣста на головѣ. Съ другой стороны внѣшніе очерки птицы вышли яснѣе отъ того, что крылья къ низу округлены. Конечно, не случайно то, что на большихъ экземплярахъ, на золотыхъ монетахъ Владиміра и на нѣжинскихъ серебряникахъ голова обращена къ низу: это, какъ мы увидимъ изъ Главы IV, намекаетъ на символическое значеніе птицы.

Круговая надпись, помѣщенная между изображеніемъ

86) На рисункѣ кіевского экземпляра размѣщеніе шариковъ, кажется, правильнѣе, чѣмъ на второмъ рисункѣ дерптскаго экземпляра, о чемъ см. ниже «Объясненіе рисунковъ».

птицы и меньшимъ ободкомъ, начинается (также какъ и на меньшемъ экземплярѣ) съ крестика по близости хвоста, и византійско-латинское R является чисто церковно-славянскимъ P, но эта буква всего яснѣе на рисункѣ кіевскаго экземпляра. Также форма B на бóльшихъ экземплярахъ обыкновенная церковно-славянская. Совершенно русское вліяніе обнаруживается изъ вставки ѝ между двумя первыми буквами слова *сребро*. Примѣненіемъ русской формы граверъ очевидно хотѣлъ поддѣлаться подъ русскій простонародный выговоръ. Какъ въ то время русское правописаніе еще не было установлено и авторы или переписчики состояли подъ вліяніемъ церковно-славянскаго или старо-болгарскаго языка, слѣдовавшаго особымъ законамъ фонетики, то граверъ для выраженія русскаго *сребро* прибѣгнулъ къ полугласной ѝ, которая въ то время на старо-болгарскомъ языкѣ имѣла еще живое значеніе. Этимъ онъ дозволилъ себѣ тотъ же самый способъ, какъ и новгородскій писецъ Остромирова Евангелія въ 1056—1057 годахъ, — слѣдовательно нѣсколько лѣтъ спустя по кончинѣ Ярослава. Въ этой-то рукописи церковно-славянская форма *сребро* употреблена дважды, *сребрьникъ* 1 разъ, а напротивъ того славяно-русскія формы *сзребро* 6 разъ, *сзребролюбць* 2 раза, *сзребрьникъ* 7 разъ⁸⁷).

87) Полугласная буква ѝ въ старо-болгарскомъ языкѣ, конечно, болѣе замѣ-

Крестовъ на оборотѣ двухъ большихъ монетъ Ярослава имѣется вмѣсто 4 только 1, а именно передъ начальною буквою главной надписи. Прочіе кресты денежникъ могъ бы помѣстить въ ихъ настоящемъ видѣ, или въ видѣ шариковъ, по краямъ монеты, но онъ предпочелъ размѣстить между обоими ободками 4 буквы, которыя вмѣстѣ образуютъ собою слово АМНН, однако безъ окончательнаго знака. По его мнѣнію это слово, столь часто встрѣчающееся въ библіи и въ

няла гласныя буквы *y* и *o*, чѣмъ *e*. См. статью Шлейхера: Was vertritt im Litauischen die Stelle von *ъ* und *ь*? (въ сочиненіи: Die Sprachen Europas. . . 1850) и П. Билярскаго, О средне-болгарскомъ вокализмѣ. Изд. II. СПб. 1858, стр. 65 и слѣд.

Приписка. Оставляю свою догадку о значеніи знака *ъ* въ формѣ *сребро* такъ, какъ она первоначально мною была написана, но не смѣю надѣяться что всѣ лингвисты согласятся съ этимъ взглядомъ. А. Х. Востоковъ находитъ употребленіе полугласной *ъ*, въ замѣнъ буквы *e*, въ *этомъ* словѣ возможнымъ. Иные же скажутъ: Если денежникъ Ярослава захотѣлъ выразить русское *e* съ предъидущей мягкой согласной, — *полугласною*, то взялъ бы для этого *ь*, а не *ъ*, какъ мы читаемъ на прим. въ готландской редакціи смоленскаго договора 1229 года то «сребро», то серъбро». Но покуда еще не могу совѣтъ отказать отъ своего мнѣнія. Древне-болгарская полугласная *ъ*, довольно часто употребляемая русскими писцами для выраженія звука *o* или *y* (на пр. въ словѣ: Тъмоутороканъ на надписи таманскаго камня 1068 г.), конечно могла бы быть въ русской формѣ: «сребро», безгласнымъ знакомъ, какъ это бывало во многихъ другихъ случаяхъ. Но положимъ что писецъ Остромирава Евангелія по особой прихоти расположенъ былъ вставить безгласный *ъ* въ болгарскомъ словѣ: «сребро», то все-таки кажется страннымъ, что онъ позволилъ себѣ этотъ произволъ *пятнадцать* разъ.

литургическихъ сочиненіяхъ, хотя и неупотребительное по видимому на чисто византійскихъ монетахъ, было совершенно умѣстно на монетѣ, снабженной столь многими священными эмблемами. Можетъ быть не случайно начальная буква *а* поставлена передъ самымъ окончаніемъ главной надписи... *о*. Точно такъ въ видѣ *удостоверенія* встрѣчается *Аминъ* въ концѣ средневѣковыхъ грамотъ еще задолго до Ярослава, а на одномъ видѣ такъ называемыхъ черниговскихъ медалей имѣется церковно-славянская надпись:

✠ ГН ПОМОЗН РАСОУ СВОІЕМЪ ВАСНАНГЖ АМНИ (безъ *ѡ*).

Изъ предъидущаго неопровержимо оказывается, что рѣзчикомъ меньшаго и большаго вида Ярославля серебра было не одно и тоже лице, и что первая изъ этихъ монетъ была чеканена прежде. Что же касается до ихъ національности, то едвали можно полагать, что они были Греки. Греческія буквы ни на одной изъ обоихъ родовъ монетъ не имѣютъ, кажется, чисто византійскаго характера. Итакъ надо полагать, что по крайней мѣрѣ одинъ изъ граверовъ былъ Болгаринъ, который, хотя подобно многимъ нынѣшнимъ своимъ единоземцамъ, разумѣлъ по гречески; однако былъ болѣе знакомъ съ славянскими, нежели съ греческими письменами. Распространенію славяно-русской письменности на Руси уже до Владиміра Великаго положили начало, конечно, не Греки,

а Болгаре. И когда «посласта цари (Василій II и Константинъ XI) свою сестру (т. е. близкую родственницу, болгарскую княжну) Анну и сановники ея и прозвитери» къ Владиміру, то въ числѣ посланныхъ безъ сомнѣнія находились не одни Греки, не умѣвшіе совершать богослуженіе на славянскомъ языкѣ.

Второй же граверъ, употребившій вмѣсто болгарской формы *сребро* славяно-русское *сѣребро* и поставившій вмѣсто византійско-латинскихъ буквъ R и E чисто византійскія P и E, могъ быть и русскій инокъ или священникъ. Во всякомъ случаѣ, въ предѣлахъ греко-славянскаго міра онъ былъ для своего времени не совсѣмъ обыкновеннымъ художникомъ, и обладалъ нѣкоторыми познаніями и вкусомъ, хотя бы и самъ Ярославъ подалъ ему основную идею къ украшенію монеты. А что великій князь въ этомъ дѣлѣ самъ участвовалъ, то въ томъ, судя по всему, что намъ извѣстно о его любви къ образованію и о его заботахъ касательно распространенія христіанства, кажется, нельзя сомнѣваться.

IV. Почему должно приписать Ярославле серебро великому князю Ярославу I Владиміровичу?

Конечно никому уже болѣе не придетъ на мысль относить русско-византійскія монеты къ татарскому періоду. Правда, на печатяхъ и монетахъ и этого времени попадаются инныя византійскія изображенія и эмблемы; но они по своему началу или относятся ко времени до 13-го и 12-го вѣка, или заимствованы у чужихъ народовъ, которые сами были нѣкогда болѣе или менѣе подвержены вліянію Византіи или христіанскаго востока вообще. Старинныя русско-византійскія монеты, по ихъ опредѣлительно-выраженному характеру, нельзя *тѣсно* сближать даже съ славянско-византійскими монетами Сербовъ и Болгаръ 13-го и слѣдующихъ вѣковъ. Если мы и согласимся, что при тѣхъ особыхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ искусства водворились и были воздѣльваемы въ древней Руси, то трудно по одному проекту и по способу отдѣлки «Ярославля серебра» заключать о его вѣкѣ, и если мы

даже сдѣлаемъ уступку въ томъ, что палеографическія и ореографическія особенности на надписяхъ этихъ монетъ не могутъ еще служить рѣшительнымъ мѣриломъ ихъ древности, то все же нельзя не сознаться, что между монетами нѣжинскаго клада, принадлежащими разнымъ князьямъ удѣльнаго періода, и между экземплярами Ярослава серебра замѣтно большое разстояніе времени. На серебряникахъ нѣжинскаго разряда мы не видимъ развитія и усовершенствованія художественной техники и вкуса, перенесенныхъ изъ Византіи, а видимъ, напротивъ, упадокъ ихъ. Однимъ словомъ, нѣжинскіе серебряники являются намъ скорѣе произведеніемъ автодидактовъ, чѣмъ дѣйствительно обученныхъ техниковъ, между тѣмъ какъ особенно большіе экземпляры Ярослава серебра были произведеніемъ человѣка, обладавшаго вкусомъ и искусствомъ и умѣвшаго работать по образцамъ вовсе не дурнымъ въ своемъ родѣ. Но вѣкъ чисто византійскаго искусства въ древней Руси на вѣрное продолжался не далѣе конца 11-го столѣтія. Призванные Владиміромъ и сыномъ его Ярославомъ, именно для сооруженія великолѣпныхъ храмовъ, греческіе художники, какъ кажется, вовсе не успѣли образовать учениковъ достойныхъ себя. Византійское искусство съ тѣхъ поръ во многихъ отношеніяхъ измѣнялось и болѣе и болѣе преобразовывалось въ русско-византійское. Этому не мало содѣйствовали самыя об-

стоятельства времени. Болѣе и болѣе проходила эпоха отважной предприимчивости, и все сильнѣе обнаруживался духъ смиренія и вмѣстѣ внутренняго раздора. Россія, переставъ быть морскою державою, ограничилась рѣчнымъ судоходствомъ, а тѣмъ самымъ все болѣе отказывалась отъ непосредственной торговли съ чужими краями, которую на сѣверозападѣ привлекла къ себѣ Ганза, начиная отъ Волхова до Полоты и Нѣмана, торговлю же съ востокомъ нарушали напиравшіе съ азіатскаго сѣверовостока тюркскіе народы — Печенѣги и Половцы, предшественники Татаръ. Эти дикіе конные народы рѣшительно затрудняли также сношеніе южной Россіи съ Византіей, такъ что на пр. въ 1168 году одиннадцать князей съ своими дружинами должны были сопровождать караванъ «гречниковъ» для защиты ихъ отъ Половцевъ. Да и самая потребность большаго сношенія съ Византіей по разнымъ причинамъ не была уже столь ощутительною; а съ 1204 года стала еще слабѣе.

Къ сожалѣнію, изъ той эпохи, когда византійское искусство развивалось въ Россіи во всей его чистотѣ, мало дошло до насъ памятниковъ, которые могли бы служить къ непосредственному сличенію съ Ярославимъ серебромъ. Сохранился впрочемъ *одинъ* изъ нихъ, при разсматриваніи котораго нельзя не вспомнить объ этой монетѣ: это достопримѣчательная мрам-

мерная гробница Ярослава Владиміровича, усѣянная символическими изображеніями, въ софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ (см. выше примѣчаніе 74). Еслибы у насъ и не было другихъ извѣстій о времени Ярослава, то одинъ этотъ памятникъ, воздвигнутый; вѣроятно, около 1055 году, могъ бы нѣкоторымъ образомъ ослабить сомнѣніе о томъ, можно ли приписывать Ярославле серебро Ярославу I. Но мы имѣемъ еще историко-нумизматическія доказательства, которыя не дозволяютъ даже и думать о какомъ-либо другомъ Ярославѣ, кромѣ перваго князя этого имени. Такъ какъ прежнія сомнѣнія на счетъ такого объясненія монеты до сихъ поръ еще существуютъ въ Россіи и внѣ ея между уважаемыми знатоками русскихъ и византійскихъ древностей и монетъ, то мы должны войти здѣсь въ разныя подробности для окончательнаго, по возможности, поясненія этого вопроса.

Князей съ именемъ Ярослава съ XI до половины XIII вѣка извѣстно около 20, и они княжили во всѣхъ частяхъ тогдашней Руси⁸⁸). Потому съ перваго взгляда кажется очень затруднительнымъ, кому изъ нихъ приписать Ярославле серебро, особенно если сообразимъ, что вѣроятно каждый владѣ-

88) См. Исслѣдованія М. Погодина. Томъ VI, стр. XX. И въ Витебскѣ является еще въ XIV вѣкѣ, князь Ярославъ, отецъ первой супруги в. кн. Ольгерда, названной Марією. Многіе изъ удѣльныхъ князей намъ даже по имени не извѣстны.

тельный князь въ продолженіе удѣльнато періода былъ въ правѣ отливать деньги въ видѣ золотыхъ или серебряныхъ гривень (см. выше примѣчаніе 1). И врядъ ли какой либо великій князь имѣлъ власть запретить удѣльнымъ князьямъ того времени снабжать золотые или серебряные слитки, или кожаныя деньги, «знаменемъ», какъ бы вмѣсто штемпеля. Чеканить монету было дозволено инымъ удѣльнымъ князьямъ, хотя при другихъ обстоятельствахъ, въ татарскій періодъ. Но странно было бы принять, что древнѣйшіе экземпляры денегъ русскаго чекана происходили только отъ какихъ либо удѣльныхъ князей, соименныхъ Ярославу и Владиміру. Это конечно скорѣе было дѣломъ великихъ князей всея Руси, которые имѣли свою столицу въ Кіевѣ, гдѣ наиболѣе водворилось византійское образованіе. Да и вообще, кромѣ великихъ князей кіевскихъ, почти никакому другому князю не были приписываемы русско-византійскія золотыя и серебряныя монеты съ именемъ Ярослава и Владиміра, исключая только Ярослава галицкаго (1152—1187; см. выше стр. 47). Но противъ этого слѣдуетъ замѣтить, что въ Галиціи или собственно Польшѣ понынѣ не найдено ни одной русско-византійской монеты и что перенесеніе такихъ серебряниковъ изъ Галиціи въ землю эстонскую и Швецію не легко можетъ быть объяснено изъ исторіи международныхъ сношеній около 1200 года.

Сверхъ того намъ вовсе неизвѣстно, имѣлъ ли Ярославъ Владиміровичъ еще христіанское имя Георгія. А что въ особенности касается его связей съ Византіей, то они главнѣйше основаны были на временныхъ отношеніяхъ, именно на переходящемъ личномъ отношеніи къ членамъ императорскаго дома Комниновъ⁸⁹⁾. Но въ такихъ личныхъ сношеніяхъ къ византійскому двору состояли въ 11 и 12 вѣкѣ также великіе князья кіевскіе, и — что въ настоящемъ случаѣ особенно важно — все, понимаемое нами подъ словомъ: русско-византійское образованіе, преимущественно обрѣталось въ Кіевѣ, — столицѣ, которую Адамъ бременскій († послѣ 1076) называетъ (см. выше прим. 53) «прославленнымъ украшеніемъ византійскаго міра».

89) Ярославъ Владиміровичъ (-Володаревичъ) Осмомыслъ имѣлъ свою столицу въ Галичѣ. Онъ былъ въ какомъ-то родствѣ съ византійскими Комнинами (см. Ученыя Записки Акад. Наукъ по I и III Отдѣл. Томъ II, 715, 721, 788; III, 742), изъ которыхъ Андроникъ (впослѣдствіи, съ 1183—1185 императоръ) нашель, въ 1164 г., убѣжище у Ярослава Владиміровича. Кромѣ того, Ярославъ владѣлъ еще древне русскими «подунайскими городами», вслѣдствіе чего его подданные имѣли въ устьи Дуная непосредственныя сношенія съ греческими купцами. См. объ этихъ подунайскихъ городахъ сочиненіе Зубрицкаго (Исторія древняго Галичскаго-Русскаго княжества. Часть II. Львовъ 1852, стр. 101) и ср. статью Н. Надеждина (О мѣстоположеніи древняго города Пересъчена, принадлежавшаго народу Угличамъ, въ Зап. Одесскаго Общ. Исторіи. Томъ I, стр. 235).

Съ Венгрією и Польшею имѣлъ онъ, то дружескія, то неприязненныя сношенія. Въ 1173 (или 1174) г. онъ нанялъ Ляховъ, для опустошенія луцкаго княжества «и да имъ 3000 (?) гривеньъ сребра». — Перечень русскихъ источниковъ о дѣяніяхъ Ярослава см. у Погодина, Исслѣд. VI, стр. 184—186.

Ни объ одномъ изъ 20-ти князей соименныхъ Ярославу изъ періода съ 1054—1240 намъ неизвѣстно, имѣлъ ли кто изъ нихъ христіанское имя Георгія. Только двое ихъ княжили на кievскомъ престолѣ, именно Ярославъ Изяславичъ въ 1173 г., и то самое короткое время⁹⁰⁾ и Ярославъ Всеволодовичъ въ 1236 г.⁹¹⁾ Хотя послѣдній носилъ на своемъ шлемѣ изображеніе св. Георгія (см. ниже рисунокъ В, 5), но вмѣстѣ съ тѣмъ носилъ и св. Феодора стратилата, коего имя онъ получилъ при св. крещеніи. Итакъ мы остаемся съ однимъ только Ярославомъ I Владиміровичемъ, родоначальникомъ всѣхъ русскихъ князей, за исключеніемъ полоцкихъ.

Когда Владиміръ въ 988 году возвелъ христіанство въ государственную религію, сынъ его Ярославъ, прижитый имъ въ супружествѣ съ Рогнедою, дочерью князя полоцкаго, по видимому, былъ еще нѣжнымъ отрокомъ, и потому христіанство скоро могло укорениться въ его душѣ. И дѣйствительно, онъ въ продолжительное свое правленіе далъ много доказательствъ своего благочестія: для него христіанство не

90) Ярославъ Изяславичъ - Мстиславичъ (см. у Погодина, Изслѣдов. VI, 209—211) занялъ въ 1173 г., Кіевъ лишь на короткое время.

91) О Ярославѣ - Феодорѣ Всеволодовичѣ - Юрьевичѣ, отцѣ Александра Невскаго см. у Погодина, VI, стр. 257—267. Княживши неоднократно въ Новгородѣ, онъ лишь въ 1236 г. сѣлъ на столъ въ Кіевѣ, а по удаленіи Татаръ въ половецкую землю въ 1238, занялъ столъ великаго княжества владимірскаго и † 1246.

было лишь внѣшнимъ обрядомъ: онъ считалъ его вмѣстѣ средствомъ къ образованію своихъ подданныхъ. А потому справедливо замѣчаетъ лѣтописецъ, что въ его правленіе «нача вѣра хрестьянская плодится и разширяти». Число церквей въ «градахъ и мѣстахъ» значительно умножилось⁹²⁾, — въ одномъ Кіевѣ, по достовѣрному свѣдѣнію, въ 1018 году имѣлось ихъ около 40, — и духовенство уже до того образовалось, что въ 1051 году первый «Русинъ» по имени Иларіонъ былъ

92) Въ Несторовой лѣтописи подь 6544 г читается: «Ярославу же сушу «Новгородъ, вѣсть приде ему, яко Печенѣзи остоятъ Кыевъ... и сступишася на мѣстѣ, *идъже стоить нынѣ святая Софья*, митрополья Руськая; бѣ бо тогда «поле внѣ града. и бысть сѣча зла, и одва одолѣ къ вечеру Ярославъ... Въ лѣто «6545. Заложы Ярославъ городъ великій Кыевъ...; заложы же и церковь святыя «Софья, митрополью, и посемъ церковь на Золотыхъ воротѣхъ святое Богородицѣ «Благовѣщенье, *посемъ святою Георіа монастырь* в святыя Ирины. И при семъ «(посемъ, въ *P.* и *T.*) нача вѣра хрестьянская плодится и разширяти, и черноризци «почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, попы любяше повелику, излиха же черноризцѣ, и книгамъ прилежа «и почитая е часто въ нощи и въ дне; и собра писецѣ многы, и прекладаше отъ «Грекъ на Словѣнское писмо, и списаша книги многы, и сниска, ими же поуча «щеся вѣрніи людье, наслажаются ученья божественнаго... Ярославъ же се, якоже «рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, многы написавъ положи въ церкви святой Софьи, «юже созда самъ; украси ю златомъ и серебромъ и съсуды церковными, въ ней же «обычныя пѣсни Богу въздають, въ годы обычныя. *И ины церкви ставляше по «градомъ и по мѣстомъ*, поставляя попы и дая имъ отъ имѣнья своего урокъ, «вела имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ, и приходити часто къ «церквамъ; и умножишася прозвутери, людье хрестьянстїи Радовашеся Ярославъ, «вида множество церквей и люди хрестьяны зѣло...»

посвященъ въ митрополиты. Кромѣ того не должно выпускать изъ виду, что Ярославъ состоялъ въ многоразличныхъ сношеніяхъ съ западными государями, что онъ даже самъ ревностно заботился объ умноженіи памятниковъ церковно-славянской литературы, основалъ въ Новѣгородѣ школу для 300 человѣкъ дѣтей и издалъ «Русскую Правду», въ которой пени были положены по опредѣленной монетной системѣ.

Въ древней Руси въ продолженіе вѣковъ велось, что князья имѣли двойныя имена, одно «*мірское*», которое они получали при своемъ рожденіи, а другое «*крестное*» или «*христіанское*», которое давалось имъ при ихъ крещеніи. Такъ великая княгиня Ольга или Эльга при своемъ крещеніи получила имя Елены, а внукъ ея Владиміръ — имя Василія. Ярославъ въ 988 году получилъ имя великомученика Георгія, которое и у его потомковъ долго сохранялось какъ мірское, и какъ крестное имя. Еще при жизни своей Ярославъ просто именовался Георгіемъ. Иларіонъ⁹³⁾ обращается къ блажен-

93) См. сочиненіе Иларіона: «Похвала кагану нашему Владимиру», (напеч. въ Твореніяхъ св. отцевъ въ русскомъ переводѣ. Годъ второй. Книжка 2. Москва 1844, стр. 249):

«5. Паче же помолися о сынѣ твоємъ, благовѣрномъ *Казань нашемъ Георгіи*, «въ мирѣ и въ здравіи пучину житія преплуті».

Въ Церковномъ Уставѣ, приписываемомъ в кн Ярославу, читается: «Се язъ князь Ярославъ, нареченный въ святомъ крещеніи Георгій Владиміровичъ».

ному Владиміру съ просьбою: «помолися о . . . благовѣрномъ Каганѣ нашемъ Георгіи», а равно и на западѣ отецъ королевы Анны, супруги Гейнриха I короля французскаго, обозначается у лѣтописцевъ «Rex Sclavorum Georgius» и «George Sclane Roi des Ruthènes». Безъ сомнѣнія, самъ Ярославъ, какъ государь вмѣстѣ воинственный и благочестивый гордился тѣмъ, что имѣлъ св. побѣдоносца Георгія своимъ покровителемъ. Это громко подтверждается разными фактами: сына своего Игоря онъ велѣлъ, какъ кажется, крестить по его имени и съ тѣхъ поръ имя Георгія оставалось наследственнымъ въ великокняжескомъ семействѣ, такъ что у иныхъ его представителей оно заступало вмѣстѣ и мірское имя⁹⁴). Можно даже предполагать, что Ярославъ старался *по одержаніи побѣды* увѣковѣчить своего покровителя особыми дѣяніями. Финскіе жители Эстляндіи, коихъ страна еще со временъ Рю-

94) Игорь Ярославичъ былъ княземъ смоленскимъ съ 1057—1060. У Карамзина (II, прим 50) читается: «Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (Синодал. Библ. № 354, лист. 257) одинъ сынъ Ярославовъ названъ Романомъ, другой *Юргемъ* «(вѣроятво Игорь), а третій Андреемъ». Эта догадка историографа получаетъ нѣкоторую вѣроятность отъ того, что Игорь Святославичъ († 1202), герой Слова о полку Игоревѣ, назывался также Георгіемъ. См. Кіевскую лѣтопись подъ 6659: «Родяся у него (Святослава) сынъ и нарекоша имя ему въ святомъ крещеньи Георгій, а мирскій Игорь». На основаніи разныхъ примѣровъ можно полагать, что при нареченіи новорожденныхъ князей иногда выбирали имя, имѣющее нѣкоторое созвучіе съ мирскимъ именемъ. См. еще ниже въ Прилож. I о Егорѣ храбрѣмъ

рика составляла часть государства, при в. кн. Ярославѣ I оказались столь независимыми, что онъ въ 1030 году самъ выступилъ противъ нихъ и побѣдилъ ихъ. Для упроченія надъ ними своего господства онъ заложилъ на рѣкѣ Эмбахѣ «градъ» и прозвалъ его Юрьевымъ (Георгіевымъ), — имя, которое вмѣсто нѣмецко-эстонскаго Дерпта, и понынѣ еще сохранилось въ устахъ русскаго простолюдина. Уже само по себѣ ясно, что столь благочестивый государь, какъ Ярославъ, оставилъ военную стражу въ Юрьевѣ не безъ церкви. И въ самомъ дѣлѣ еще при послѣднемъ его потомкѣ мужскаго пола, царѣ Θεодорѣ Ивановичѣ, въ 1594 году во время спора его бояръ съ посланниками германскаго императора Рудольфа II о приморской отчинѣ возникаетъ преданіе, «что Великій Государь Ярославъ тотъ городъ Юрьевъ поставилъ въ свое имя, и храмъ въ Юрьевѣ Ангела своего имя, «Страстотерпца Христова Георгія, поставилъ»⁹⁵). Не невѣ-

95) См. Нестор. лѣтопись: «Въ лѣто 6538. . . . Семъ же лѣтъ иде Ярославъ на Чюдь, и побѣди я, и постави градъ Юрьевъ». Въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ спискахъ, принадлежавшихъ къ новгородскому разряду (на прим. въ т. н. Софійск. I лѣтописи) прибавлено: «и приде къ Новгороду; собра отъ старостъ и поновыхъ «дѣтей 300 учити книгаѣ. Того же лѣта преставиися архіепискупъ Ноугородскій «Акимъ; быше ученикъ его Ефремъ, иже имъ учааше». Не указываетъ ли это на то, что в. кн. Ярославъ, какъ ревнитель христіанскаго просвѣщенія, возымѣлъ мысль назначить нѣкоторыхъ изъ этихъ учениковъ миссіонерами для обращенія въ христіанство вновь покоренныхъ и другихъ странъ?

роятно также, что и церковь святаго Георгія въ Старой Ладогѣ первоначально воздвигнута была еще во времена Ярослава (см. Прилож. I). Въ столицѣ Ярослава съ его времени и по нынѣ сохранилось также названіе, свидѣтельствующее о томъ, что сынъ св. Владиміра былъ проникнутъ теплою вѣрою въ своего заступника. Въ 1036 году Печенѣги осадили Кіевъ. Яро-

Между тѣмъ изъ всѣхъ древне-русскихъ «убережій морскихъ» одна вотская и ижорская земля осталась за Новгородомъ (См. объ этомъ мое Предисловіе къ изданію Археографической Комиссіи: Писцовыя Книги ижорской земли. Томъ I. СПб. 1859). Въ 1224 году погибъ въ Дерптѣ полоцкій князь Вячко (Вячеславъ), временно тамъ же посаженный новгородскимъ наместникомъ. Но память о построеніи «града Юрьева» не могла исчезнуть тѣмъ болѣе, что извѣстіе объ этомъ внесено было въ лѣтописи, составлявшія предметъ чтенія при дворѣ князей и архіереевъ русскихъ. Въ 1558 году царь Иванъ Васильевичъ въ письмахъ къ польскому королю Сигизмунду Августу подписывался «государемъ ливонскіе земли града Юрьева», а черезъ Адашева велѣлъ сказать посламъ датскаго короля Фридриха II, предъявившему свои права на эстонскую землю (См. у Карамзина, VIII, Гл. V и прим. 552 и ср. Лѣтописецъ Русскій изд. Н. Л. СПб. Томъ V, 311): «Удивляемся, что (король) находитъ датскія владѣнія въ той землѣ, которая уже «шесть сотъ лѣтъ принадлежитъ Россіи. Великій князь Георгій Владиміровичъ, именуемый Ярославомъ, завоевалъ Ливонію, основалъ городъ Юрьевъ, построилъ «тамъ церкви греческія, обложилъ всю землю данію — и съ того времени она не «бывала достояніемъ иныхъ Государей...» А въ 1593 г., бояре царя Феодора Ивановича говорили посламъ нѣмецкаго императора Рудольфа II (см. Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Ч. I. СПб. 1851, столб. 1347): «А Юрьеву и Ругодиву съ пригороды быти за Государемъ нашимъ, и не поступитя ихъ Государь нашъ никому, потому что Великого Государя «нашего природителя, Великій Государь Ярославъ тотъ городъ Юрьевъ поставилъ «въ свое имя, и храмъ, въ Юрьевѣ Ангела своего имя, Стратотерпца Христова «Георгія, поставилъ; а Ругодивъ такъ же Государя нашего отчина изъ давнихъ лѣтъ».

славъ изъ Новгорода поспѣшилъ туда на помощь и съ большимъ трудомъ одержавъ побѣду, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ происходила битва, онъ по образцу софійскаго храма въ Царьградѣ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, «заложилъ церковь святыя Софья, митрополью» и «по семъ предъ враты св. София» основалъ монастырь св. Георгія, не щадя никакихъ издержекъ. При освященіи его онъ «заповѣда по всей Руси» ежегодно «творити праздникъ св. Георгія мѣсяца Ноября 26 день и створи въ церкви св. Георгія настолованіе новоставимымъ епископомъ», т. е. возведеніе ихъ на столъ (*ἐνθρονισμός*). Хотя этотъ монастырь и разрушенъ Татарами, но и до сихъ поръ небольшая каменная церковь св. Георгія стоитъ еще на томъ же мѣстѣ, гдѣ за 800 лѣтъ предъ симъ въ послѣдній разъ отражены были буйныя Печенѣги отъ столицы древней Руси⁹⁶).

96) Извѣстіе о постройкѣ Георгіева монастыря сообщено въ лѣтописи Нестора подъ 1037 г. (см. выше прим. 92), но это только потому что лѣтописецъ хотѣлъ совокупить нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о набожности Ярослава. Освященіе монастыря св. Георгія относится къ позднѣйшему времени, можетъ быть даже къ 1052 году. См. объ этомъ «Исторію Русской Церкви, Епископа Макарія. Томъ I. СПб. 1857», стр. 224, прим. 125 и «Кіевлянинъ. Книга III. Москва 1850», стр. 67. Недавно вышла брошюрка подъ заглавіемъ: «Сказаніе о Церкви Святаго Георгія Побѣдоносца, яже предъ враты св. Софїи, въ Кіевѣ. Составилъ В. Аскаченскій. Кіевъ 1856». Нынѣшняя небольшая церковь св. Георгія построена въ память его при Елисаветѣ Петровнѣ.

До насъ дошелъ весьма любопытный разсказъ о построеніи кіевского георгіевскаго монастыря, между прочимъ, въ одномъ старинномъ Прологѣ, перешедшемъ изъ

Что же могло быть естественнѣе, — воскликнуть иные, — какъ не то, что великій князь Ярославъ-Георгій, столь

Погодинскаго Собранія въ И. Публичную Библіотеку, въ которой онъ значится подь № 58. Подь 26 мѣсяца Ноября помѣщено слѣдующее: «Въ тотъ же день священіе церкви святаго Георгія въ Кневѣ преѣзъ враты святаго Софія».

«Блаженный и приснопамятны всея Руския земля князь Ярославъ, нареченный в святѣмъ крещеніи Георгій, сынъ Владимѣръ крестившаго землю Рускую, «братъ же святою мученику Бориса и Глѣба: се всхотѣ создати церковь в свое имя «святаго Георгія, да еже всхотѣ и створи; и яко нашаша здати ю, и не бѣ многа «дѣлатель у нея; и се видѣвъ князь призва тиоуна: почто не много оу церкви стра- «жущихъ? Тиоунъ же рече: понеже дѣло властелское, бояся людье, еда трудъ подь- «имше, наима лишени будутъ. И рече князь: да аще тако есть, то азъ сице створю. «И повелѣ куны возити на телѣгахъ въ комары Златыхъ вратъ, и возвѣстиша на «торгу людѣмъ да возмутъ кождо по ногатѣ на день. И бысть множество дѣлаю- «щихъ. И тако вскорѣ конча церковь, и святи ю Лариономъ митрополитомъ, мѣсяца «Ноября въ 26 день, и створи в ней настолованіе новоставимымъ епископомъ, и «заповѣда по всей Руси творити праздникъ святаго Георгія мѣсяца Ноября 26 день».

Нѣтъ сомнѣнія, что *куны* въ Прологѣ просто значатъ *деньги* (см. выше стр. 6) и вѣроятно гривны литаго серебра. Но что же разумѣть подь словомъ *ногата*? Числительную или мелкую металлическую монету? Если числительную, то тиуну и рабочимъ не легко было разсчитываться между собою. Полагали, что ногата въ Прологѣ равна нынѣшнимъ 12½ коп. сер., въ чемъ не могу согласиться. Здѣсь ограничиваюся окончательнымъ объясненіемъ финскаго и именно ливско-финскаго происхожденія этого нумизматическаго термина, пользуясь для того матеріалами, доставленнымъ мнѣ академикомъ Видеманомъ.

Эстонскому слову *paik* (= шкура, кожа; род. пад. *paia*) соответствуетъ ливонское (ливское) *pāg* съ тѣмъ же значеніемъ. У перваго мн. число: *paiaid*; у втораго: *pāged*. Финское *paika* (въ род. п. *paian*) тоже значить: шкура, кожа, а мн. ч. *paikat* = мѣха. Внутренняя связь между этими словами и эстонскимъ *paig* (= кувница; ср. *emis* = супорось) возможна, но не доказана. За то очень вѣроятно, что *paiaid* и *pāged*, подобно слову: *куны*, нѣкогда употреблялось въ смыслѣ: *деньги*

высоко чтившій своего угодника, велѣлъ вычеканить ликъ его также на монетахъ? Этимъ онъ сдѣлалъ только то, присовокупить читатель Главы III, что позднѣе на прим. сдѣлалъ великій князь Иванъ Ивановичъ (см. прим. 77). При всемъ томъ наше дѣло еще не кончено. На счетъ прежнихъ, конечно не весьма основательныхъ попытокъ приписать Ярославле серебро великому князю Ярославу I, подняты были разныя и довольно значительныя сомнѣнія, въ слѣдствіе которыхъ рѣшительно утверждали, что «серебро» могло принадлежать только 12-му столѣтію. Уже Шодуаръ склонялся къ этому мнѣнію, а нынѣ оно принято двумя опытными нумизматами, именно: графомъ С. Г. Строгановымъ и Лелевелемъ. Главныя возраженія этихъ зоркихъ наблюдателей заключаются въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ. 1) Лики Святыхъ, и именно св. Георгія, на византійскихъ монетахъ появляются не прежде

вообще. Въ послѣднемъ, какъ кажется, встрѣчается у Генриха леттляндскаго (Henricus de Lettis) подъ г. 1210 и 1212 (см. *Scriptores rerum Livonicarum*. I Riga 1853, стр. 138 и 162): Eodem tempore rex magnus Novogardiae simul et rex de Plescekowe .. venerunt ... in Unganniam, et obsidentes castrum Odempe (Медвѣжья голова) pugnauerunt cum eis (съ Эстонцами) ... et dederunt pacem eis, ... et acceperunt ab eis *quadringentas marcas nagatarum* (по новгор. лѣтоп.: и дань на нихъ взя), et recesserunt ab eis. Далѣе: Rex magnus Novogardiae Miseslawe ... progressus est in Harriam, et obsedit castrum Warbole, et pugnavit cum eis (съ Эстонцами) per dies aliquot, et promiserunt ei Castrenses *septingentas marcas nagatarum* (по новгор. лѣтоп.: Мстиславъ князь взя на нихъ дань) et reversus est in terram suam. Подъ словомъ *marca*, конечно, разумѣется русская *гривна*.

династїи Комниновъ (1057—1059, 1081—1185), и въ особенности со времяъ Іоанна II Комнина (1118—1143). Де-Соси (de Saulcy) также придерживаясь этого мнѣнія, объясняетъ изображеніе св. Георгія на византійскихъ монетахъ влияніемъ крестоносцевъ; 2) На монетѣ Ярослава, вычеканенной очевидно по византійскимъ образцамъ, встрѣчается отвѣсная надпись параллельными линіями. А надписи такого рода появляются на византійскихъ монетахъ Алексія I Комнина (1081—1118) и то на немногихъ экземплярахъ, но чаще на монетахъ его сына Іоанна.

На эти возраженія вообще замѣтимъ, что въ нумизматикѣ, какъ и въ другихъ отрасляхъ исторической науки, кромѣ законовъ, встрѣчаются и отступленія, и что именно Россія въ византійско-средневѣковой нумизматикѣ, въ слѣдствіе своего особаго историческаго развитія, занимаетъ исключительное положеніе. Мы соглашаемся, что во времена великаго князя Ярослава кїевского (1016—1054) на византійскихъ монетахъ не употреблялись ни отвѣсныя надписи, ни лики Святыхъ, хотя этотъ обычай нѣкоторымъ образомъ уже предваренъ былъ тогда монетами съ ликомъ Спасителя и отдѣльными медальонами, помѣщавшимися въ срединѣ поля⁹⁷⁾ на император-

97) Такія отвѣсныя надписи встрѣчаются, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, на монетахъ X вѣка, представляющихъ бюстъ царя въ кружкѣ. Подъ нимъ или по

ских монетахъ Но мы прямо считаемъ *невозможнымъ*, чтобы одна изъ до сихъ поръ извѣстныхъ византійскихъ монетъ съ ликомъ св. Георгія служила первообразомъ Ярославля серебра: главные типы монетъ Комниновъ съ ликомъ св. Георгія изображены ниже (Табл. В и С), и при точнѣйшемъ ихъ сличеніи съ лицевою стороною Ярославля серебра они не обнаруживаютъ никакого ближайшаго съ нею сходства. Именно, размѣщеніе буквъ на византійскихъ экземплярахъ и самая форма отдѣльныхъ буквъ не соотвѣтствуютъ обоимъ видамъ Ярославля серебра. Даже если предположимъ, что византійскія монеты 12-го вѣка дѣйствительно подлежали чеканщизу (неизвѣстнаго намъ) князя Ярослава того же столѣтія, то мы должны бы принять, что онъ съ умысломъ не вѣрно подражалъ⁹⁸⁾

обѣимъ сторонамъ его вырѣзано имя царя, на прим.

I	Θ	Α
Ω		Ν

На нѣкоторыхъ монетахъ имя царя читается внутри кружка медальона. См. у Sauley (Planches XX, 7: XXI, 9 (Essai, p. 242): XXII, 3 и ср. XV, 3.

98) Пособіемъ мнѣ служили, правда, только небогатое собраніе византійскихъ монетъ Императорскаго Эрмитажа и еще бѣднѣйшее собраніе Академіи наукъ, въ которыхъ даже нѣтъ ни одного экземпляра съ ликомъ св. Георгія. Но пользуясь сочиненіями Дюканжа, Бандрери, Экеля, Соси, Сабатье и другихъ, я полагаю, что будущіе нумизматическіе клады византійскихъ монетъ не откроютъ намъ совершенно новыхъ типовъ св. Георгія. Жаль, что богатое собраніе византійскихъ монетъ кіевскаго университета до сихъ поръ не описано; оно должно по преимуществу состоять изъ кладовъ найденныхъ въ южной Россіи.

своему византийскому первообразу. Правда, многие уже давно считают дѣломъ рѣшенымъ, что Ярославле серебро чеканено по византийской монетѣ, и это мнѣніе само по себѣ очень естественно, но оно можетъ быть допущено только въ извѣстномъ отношеніи (ср. выше стр. 61). Никто до сихъ поръ не излагалъ, въ чемъ именно состоятъ отступленія Ярославля серебра отъ византийскихъ монетъ. Видна ли и на этихъ монетахъ 11-го или 12-го вѣка птица, изображенная на оборотѣ Ярославля серебра? — Нѣтъ. Находимъ ли на нихъ слово: Аминь? — Нѣтъ. Составлена ли оригинальная круговая надпись: «Ярославле серебро» по какой либо византийской монетной надписи? — Нѣтъ. Надпись: ἀργύριον Ἰαροσλάβου въ подражаніе предполагаемой формѣ: ἀργύριον Μανουήλου или тому подобной, по крайней мѣрѣ на монетахъ нигдѣ не встрѣчается. Если послѣ этого изложенія еще найдутся археологи, безусловно придерживающіеся прежняго мнѣнія, то да будетъ и намъ дозволено высказать парадоксъ, что мысль — вырѣзывать на монетахъ ликъ св. Георгія, византийскіе монетчики 12-го вѣка заимствовали съ русскаго «серебра» 11-го столѣтія. Мы не колеблясь прибѣгли бы къ такому истолкованію, если бы намъ не оставалось никакого другаго исхода изъ этого лабиринта. Но попытаемся открыть его или по крайней мѣрѣ указать на его возможность.

Византийскія монеты 12-го вѣка, изображающія св. Георгія, всѣ сходны между собою въ томъ, что надпись: святой Георгій (*ὁ ἅγιος Γεώργιος*) на нихъ всегда помѣщается отвѣсно. На бѣльшей части извѣстныхъ намъ экземпляровъ св. Георгій изображенъ на оборотѣ, тогда какъ ликъ императора и его имя, обыкновенно въ видѣ *круговой надписи*, помѣщаются на лицевой сторонѣ (такъ напр. ниже на Табл. В, 6). Постоянное соблюденіе этого правила конечно было не безъ причины. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что византийскіе императоры на монетахъ 12-го вѣка начали изображать св. Георгія и другихъ Святыхъ по примѣру западныхъ крестоносцевъ. Допустимъ это покаместъ: все же неопровержимо, что самый ликъ св. Георгія и принадлежащую къ нему надпись византийцы заимствовали *не* у Латиновъ, а рѣшительно придерживались въ этомъ отношеніи давнишнихъ первообразовъ греко-восточнаго *иконописанія*. Излишне было бы приводить что-нибудь изъ множества примѣровъ въ подтвержденіе того, что по крайней мѣрѣ съ 6-го вѣка лики греческихъ Святыхъ на мозаикахъ, въ миниатюрахъ рукописей, на фрескахъ катакомбъ, церквей и пр. почти сплошь имѣли отвѣсныя надписи въ одной или въ нѣсколькихъ параллельныхъ линіяхъ⁹⁹).

99) Въ И. Публичной Библиотекѣ и въ И. Академіи Художествъ имѣется довольно богатое собраніе фотографическихъ снимковъ изображеній греческихъ Сви-

Итакъ всякое сомнѣніе на счетъ того, употреблялись ли въ Россіи отвѣсныя надписи на иконахъ первой половины 11-го вѣка, можно почестъ устраненнымъ. Граверу стокгольмскаго экземпляра Ярослава серебра было бы легче и удобнѣе передать имя св. Георгія въ круговой надписи. Но изъ благоговѣнія къ святой старинѣ онъ придерживался подлежащаго оригинала, который, можетъ быть, былъ гравированъ на металлѣ и, судя по формѣ буквъ Е и Р, вѣроятно былъ довольно старинный. Этимъ самымъ объясняется также общій византійскій типъ св. Георгія на Ярославлѣ серебрѣ и частное различіе его отъ типа на византійскихъ монетахъ 12 столѣтія. Сличая между собою всѣ дошедшіе до насъ русскіе лики св. Георгія 11, 12 и 13 вѣковъ, мы находимъ, что они по большей части представляютъ особый видъ византійскаго типа, стало быть именно *русско-византійскій*. Конечно граверу Ярослава серебра, не трудно было найти хорошій оригиналъ у государя, который сдѣлалъ столько для прославленія своего угодника. Ликъ, изображенный на стокгольмскомъ экземплярѣ, собственно не принадлежитъ къ русскому виду, но зато на дерптскомъ онъ чисто русскій (см. ниже Прил. I). Можетъ быть, первый не удался только по неискуству гравера.

тыхъ съ вертикальными надписями. Эти саяики сдѣланы въ парижской бібліотекѣ иждивеніемъ двухъ русскихъ любителей древностей.

Но этимъ все еще не объясняется собственно *побужде-
ние*, заставившее Ярослава (или его «скотника», либо монет-
чика) изобразить на лицевой сторонѣ монеты именно ликъ его
заступника. Изъ одного благоговѣнія, которое оказывалъ ему
Ярославъ, это едвали объяснится достаточно, даже если до-
пустимъ, что подъ исходъ своей жизни онъ назначилъ его
покровителемъ всей русской земли (см. выше стр. 106).
Скорѣе можно думать, что онъ перенесъ на монету ликъ св.
Георгія съ своей печати. Послѣ того, что было сказано
выше (стр. 14) объ употребленіи золотыхъ и серебряныхъ
печатей у пословъ и гостей Игоря и Святослава уже не
можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Ярославъ имѣлъ
печать; и весьма вѣроятно, что на ней былъ вырѣзанъ ликъ его
угодника. Позднѣе такое употребленіе встрѣчается очень часто,
какъ на пр. на грамотѣ Мстислава-Феодора Давыдовича
смоленскаго 1229 г., гдѣ на печати изображенъ св. Феодоръ,
на грамотѣ московскаго великаго князя Ивана Ивановича
и т. д.¹⁰⁰). Однако и изъ этого употребленія еще не достаточно
объясняется, почему Ярославъ или его чеканщикъ поступили
именно такъ, а не иначе. Кажется, должно полагать, что имъ
вообще служили образцами какія либо извѣстныя монеты. Всего

100) См. выше прим. 77 и ср. § 41 Русской Геральдики А. Лакера. —
О византийскихъ печатяхъ съ изображеніемъ св. Георгія см. ниже Приложение I.

естественнѣе думать о современныхъ византійскихъ и англосаксонскихъ монетахъ, которыя, кромѣ восточныхъ, были въ то время распространены въ Россіи, какъ свидѣтельствуя разныеклады. На византійскихъ златникахъ и сребреникахъ изъ періода 970—1050 Ярославъ на лицевой сторонѣ могъ видѣть преимущественно только портретъ императоровъ или однихъ, или вмѣстѣ съ св. Богородицею или Спасителемъ рукополагающими, или ликъ Спасителя между членами императорскаго дома. Какъ два вида Ярославля сребра, съ точки зрѣнія нумизматическихъ памятниковъ, составляютъ въ цѣлости оригинальныя созданія, а Ярославъ столь высоко чтилъ своего угодника, то можно догадываться, что онъ на мѣсто своего собственнаго портрета, — но едва ли вмѣсто Спасителя или Богородицы, — изъ христіанскаго смиренія поставилъ ликъ своего тезоименитаго. Эта догадка могла бы быть допущена и тогда, еслибъ Владиміръ Великій дѣйствительно чеканилъ монеты съ ликомъ Христа на оборотѣ. Въ этомъ случаѣ находящаяся на оборотной сторонѣ надпись «Ярославле сребро» замѣняла бы собою портретъ великаго князя. Но коль скоро мы толкуемъ эту надпись въ смыслѣ *сребреника* великаго князя *Ярослава* (см. выше стр. 84), то и символическая птица должна относиться къ нему же, т. е. означая, что св. Духъ покровительствуя или просвѣщая его споспѣшествуетъ ему. На золо-

тыхъ монетахъ Владиміра (см. Табл. С, 7) птица въ самомъ дѣлѣ, хотя впрочемъ уже въ болѣе обезображенномъ видѣ, помѣщена на главной сторонѣ подлѣ портрета князя, а на дерптскомъ экземплярѣ Ярослава сребра она изображена *съ опущенною внизъ головою*. Эта перемѣна, которую мы замѣчаемъ также на златникахъ и серебряникахъ Владиміра¹⁰¹⁾, а равно на всѣхъ серебрянкахъ нѣжинскаго клада, не можетъ быть случайною: по библейскимъ повсказаніямъ, это — опускающійся или парящій св. Духъ, явственно изображаемый на многихъ церковныхъ памятникахъ древней Россіи и на прим. на одной хоругви западной Европы¹⁰²⁾.

101) И на Владиміровомъ сребрѣ, принадлежащемъ А. О. Бычкову, птица вырѣзана головою внизъ, хотя гравѣрь, по недоразумѣнію, переставилъ всю обратную сторону монеты. См. ниже Табл. С, 6.

102) Iconographie chrétienne. Par M. Didron. Paris 1843, стр 460—462.

«Enfin, et c'est là une admirable tâche, le Saint-Esprit éclaire les rois dans leurs actions. Au sacre des rois et reines d'Angleterre, un duc, encore aujourd'hui, porte un sceptre surmonté d'une colombe devant le souverain qui va recevoir l'investiture sacrée. Dans Montfaucon, on voit Charlemagne portant également un sceptre surmonté d'une colombe qui doit représenter le Saint-Esprit. Si le sceptre est un bâton qui sert à affermir la démarche, la colombe est l'esprit qui dirige les pas. Voici la colombe divine brodée sur un étendard religieux et militaire à la fois: religieux par la croix qui termine la hampe, militaire par sa forme. La colombe descend du ciel, figurée par les ondulations qui sont brodées au sommet de cette voile guerrière; elle descend sur la terre et plane au-dessus des bataillons qui vont en venir aux prises».

Скаждотъ изображеніе хоругви (Miniature française, XVe siècle, Bibl. roy. Hours du duc de Berri).

Откуда заимствована птица, этого покаместъ не беремъ рѣшить. Византійскія древности, собственно вовсе еще не существующія въ видѣ спеціальной науки, со временемъ, можетъ быть, разъяснятъ это. Почему бы не предположить, что фигура оборотной стороны взята съ подобнаго же церковнаго памятника, какъ и ликъ св. Георгія? Конечно, можно думать и объ англо-саксонскихъ образцахъ, какъ сказано выше, стр. 78, тѣмъ болѣе, что одна изъ этихъ англо-саксонскихъ монетъ съ агнцемъ Божиимъ или Христомъ на лицевой сторонѣ и съ птицею на оборотѣ, попадаетъ и въ русскихъ кладахъ¹⁰³). Но лучше было бы предварительно доискиваться первообраза самой англо-саксонской монеты Этельреда II, современника Владимірова. По какимъ образцамъ чеканены монеты великаго

«Cet étendard est entre les mains de la Religion chrétienne personnifiée, de l'Église, qui s'apprête à vaincre la synagogue et le paganisme. — Au sacre de nos rois de France, après l'onction, on lâchait dans l'église des colombes blanches... «Chaque don du Saint-Esprit est symbolisé par une colombe..»

103) Этотъ динаръ перешелъ изъ Рейхелева собранія въ Имп. Эрмитажъ. Объясненіе этой монеты, напечатанное г. Кёне (въ Мém. de la soc. d'Archéologie de St.-Pét. 1850. Tome IV, p 223 и въ Запискахъ археолог. Общества, IV, 207), не удовлетворяетъ любознательнаго изслѣдователя, и экземпляръ этотъ, безъ помощи другихъ подобныхъ памятниковъ, вѣроятно, останется довольно загадочнымъ. Здѣсь мы замѣтимъ только, что въ надписи вокругъ птицы г. Кёне расположенъ видѣть имя ирландскаго св. Колумбана. Такъ какъ я не занимаюсь англо-саксонскою нумизматикою ex professo, то предоставляю другимъ оправдать или отвергнуть вѣрность этого объясненія.

князя Василя Ивановича Темнаго съ изображеніемъ голубя? Этотъ и подобные вопросы, возникающіе по части русской нумизматики позднѣйшаго времени, требуютъ обстоятельнѣйшаго изслѣдованія. Мы довольствуемся здѣсь замѣчаніемъ, что иная фигура на русскихъ монетахъ татарскаго періода вовсе не такъ бессмысленна и беззначительна, какъ покажется на первый взглядъ. Изученіе русской нумизматики съ сравнительной археологическо-исторической точки зрѣнія со временемъ и сюда прольетъ свой свѣтъ. Укажемъ здѣсь относительно Ярославля серебра еще на одну нумизматическую сторону.

Въ теченіи двадцати лѣтъ тщетно пытались (см. выше стр. 22, 58) сблизить древне-русскія монеты съ южно-славянскими. Странно, что толкователи при томъ затрудненіи, въ которомъ они находились, не обратились для поясненія Ярославля серебра къ аналогіямъ у другихъ славянскихъ народовъ, гораздо ближайшихъ къ древней Руси и состоявшихъ съ нею также въ сношеніяхъ. Мы разумѣемъ тѣ страны, которыя населены Славянами чешскаго и польскаго племени и въ которыхъ христіанство было непосредственно введено и распространено отчасти обоими славянскими апостолами, отчасти же ихъ туземными учениками и ихъ преемниками. Кто ближе знакомъ съ этимъ вопросомъ, который столь долго былъ искажаемъ пристрастными писателями, тотъ согласится съ нами, что у этихъ

народовъ легко могли быть древности и монеты съ церковно-славянскою надписью въ эпоху съ 864 по 1064 годъ. Выше (на стр. 20 и 62) мы только робко упомянули о Болеславѣ сребрѣ съ церковно-славянскою надписью. И здѣсь мы, хотя уже тверже убѣждены въ ея подлинности, также воздерживаемся отъ ближайшаго изслѣдованія аналогіи, можетъ быть существующей между нею и Ярославимъ серебромъ, отсылая читателей на этотъ счетъ къ Приложенію III.

Въ заключеніе нельзя не коснуться еще вопроса, для какой цѣли Ярославъ велѣлъ чеканить монеты¹⁰⁴). Прежде неоднократно полагали, что Ярославле серебро не было ходячею монетою, а медалью, которая чеканилась при торжественныхъ случаяхъ для раздачи въ подарокъ или въ награду за службу, оказанную великому князю. Такое употребленіе легко могло быть подражаніемъ византійскому обычаю¹⁰⁵). Великой княгинѣ Ольгѣ въ 957 г., послѣ угощенія со стороны императрицы, поднесено было въ даръ на золотомъ блюдѣ 500 серебряниковъ;

104) Пользуюсь случаемъ, чтобы объяснить происхожденіе слова *чеканъ*. Оно, подобно слову: *деньги*, перешло въ русскій языкъ, вѣроятно, во время татарскаго владычества. До сихъ поръ казанскіе Татары употребляютъ это слово въ смыслѣ: орудія, чѣмъ бьютъ. См. еще Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологій И. Арх. Общ. Томъ I. СПб. 1851, Отд. III, стр. 43 и ср. венгерско-польское слово *szekei* у Линде, (Wydanie drugie. Tom I. Lwów 1854, стр. 361).

105) См. объ этомъ сочиненіе Круга, Zur Münzkunde Russlands, (Pet 1805) стр. 157 и 158 (стр. 214 русск. перев.).

племянникъ ея получилъ ихъ 30, каждый изъ 20 присутствовавшихъ русскихъ пословъ по 12-ти и по столько же каждый изъ бывшихъ въ то время въ Царьградѣ русскихъ купцевъ. И въ эпоху царства московскаго этотъ обычай велся до времени Петра великаго. Но во всякомъ случаѣ для 11-го вѣка не должно выпускать изъ виду, что тогда (см. выше стр. 9) еще раздавались великими князьями въ награду шейныя гривны. Изъ малаго числа дошедшихъ до насъ экземпляровъ Ярославля серебра еще нельзя заключать (см. стр. 60), что каждымъ штемпелемъ было чеканено только самое небольшое число экземпляровъ. Сколько европейскихъ и мугамеданскихъ монетъ изъ среднихъ вѣковъ извѣстны намъ только въ 2 или 3 экземплярахъ! Безъ новыхъ находокъ вопросъ о цѣли Ярославля серебра, конечно, еще не можетъ быть разрѣшенъ съ полною благонадежностью. Правда, уже самое названіе Ярославле *сребро* какъ бы указываетъ на ходячую монету, въ точности соотвѣтствуя встрѣчающемуся на многихъ европейскихъ монетахъ: «moneta argentea». А если мы еще примемъ въ соображеніе, что всѣ нѣжинскіе серебряники; очевидно принадлежавшіе разнымъ князьямъ, носятъ на оборотѣ своемъ надпись: «а се его сребро», то весьма трудно принять «Ярославле сребро» за медаль.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

● византийскихъ и древне-русскихъ изображеніяхъ св. Георгія побѣдоносца.

«Русская Геральдика въ основаніи своемъ имѣетъ начало *религіозное*, совершенно противоположное рыцарской Геральдикѣ...».

«Нашъ древній Русскій гербъ — родовое знамя — явился впервые на печати Великаго Князя Кіевскаго, законнаго самовластителя Русской земли. Лицъ Святаго, по имени котораго назывался князь, осѣнялъ его печать, а надпись удостовѣряла принадлежность...».

«Вотъ первое основаніе нашей Геральдики, Русской — по своему происхожденію, самобытной по своему основному началу — религіозному. Вотъ почему въ нашей Геральдикѣ всѣ облики и личины изображались *въ праву отъ зрителя*. Во главѣ этого правила находимъ обычай Византийскій, переданный намъ вмѣстѣ съ иконописаніемъ».

Таково мнѣніе высказанное И. П. Сахаровымъ въ 1856 году¹⁰⁶⁾, и до сихъ поръ никто въ литературѣ не опровергнулъ главныхъ его основаній. Наша задача состоитъ только въ томъ, чтобы обратить вниманіе читателей на предположеніе, что св. Георгій на Ярославѣ сребрѣ находится въ тѣсной связи съ позднѣйшимъ государственнымъ гербомъ. Мы не можемъ здѣсь заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ этого предмета, но ограничиваемся указаніемъ на нѣкоторыя данныя, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія.

Болѣе всего нужнымъ мы считаемъ соблюденіе строгаго различія между многочисленными видами изображеній св. Георгія въ византийскомъ мірѣ и

¹⁰⁶⁾ Записки о Русскихъ гербахъ. I. Московскій гербъ. (Съ 3 Таблицами рисунковъ). СПб. 1856, на стр. III.

для этой цѣли укажемъ мы на довольно значительное число изображеній, съ намѣреніемъ выбранныхъ изъ эпохи до бракосочетанія племянницы послѣдняго византийскаго императора съ великимъ княземъ московскимъ Іоанномъ III Васильевичемъ въ 1462 году. Между ними встрѣчаются немногія, которыя мы вмѣстѣ съ изображеніемъ св. Георгія на бѣльшемъ экземплярѣ Ярославля сребра, принимаемъ за древнѣйшій *русско-византийскій* типъ этого Святаго. Особенное вниманіе обратили мы при составленіи этого перечня на византийскія монеты съ изображеніемъ святаго Георгія, потому что выше (стр. 110) изъ всѣхъ намъ до сихъ поръ извѣстныхъ экземпляровъ такого рода вывели заключеніе, что ни одинъ изъ нихъ не могъ служить образцомъ денежнику Ярославля сребра.

Мы раздѣляемъ памятники, изображающіе св. Георгія, на *три* главныхъ разряда, предоставляя другимъ пополнить нашъ списокъ, и точнѣе опредѣлить изчисленные нами изображенія по времени и мѣсту ихъ происхожденія и вообще характеризовать ихъ по отдѣльнымъ типамъ.

А. Св. Георгій *впрямь*, во весь ростъ (Statue, de face).

1) На такъ называемомъ Triptychon eburneum graecae orientalis ecclesiae *olim Tiberii penes nobilem virum*. Надпись: Ο ΑΓΙΟΣ ΓΕΩΡΓΙΟΣ ¹⁰⁷).

2) Древнее изображеніе Святаго на стѣнѣ одного собора, на *авонской горѣ* ¹⁰⁸).

3) Св. Георгій вмѣстѣ съ св. Дмитріемъ на рѣзномъ камнѣ, первый съ *копьемъ*, второй же съ *копьемъ*. Надъ ними грудное изображеніе Спасителя ¹⁰⁹).

107) Рисунокъ въ сочиненіи: Francisci Gori Thesaurus veterum diptychorum *monetariorum et ecclesiasticorum*. Tomus III. Florentiae 1759, стр. 217, 223 и слѣд.

108) Прорисъ въ настоящую величину сдѣлана была подъ руководствомъ И. Сивастьянова, и находится теперь въ русско-византийской школѣ при Имп. Академіи Художествъ. Въ Имп. Публичной Библиотекѣ находится ксилографическій *копій*, вырѣзанный въ 1779 г. на Авонѣ и представляющій св. Георгія во весь *ростъ*. Ср. у Сахарова, Табл. III, № 21.

109) Рисунокъ на стр. 182 парижскаго изданія Льва діакона (Leonis diaconi

4) Св. Георгій съ мечемъ на монетахъ Іоанна II Комнина (1118—1143) и никейскаго царя Іоанна III Дуки Ватаца (1222—1255). Впрочемъ вопросъ объ этихъ Іоанновыхъ монетахъ и ихъ разныхъ типахъ окончательно еще не рѣшенъ ¹¹⁰⁾.

historia... Edidit C. V. Hase. Paris, 1849 in-fol.) На стр. XXII Газе сообщаетъ слѣдующее описаніе:

«Sardonux ineditus gazophylacii Regii, zonarum trium, exhibens numina, a quibus custodiri servarique incolume imperium Graeci opinabantur. Supra *πρωτομῆ* Serratoris, cum orbe radiato circa caput. Coma promissa, ut solet esse in imaginibus «vetustis Assertoris: brachia ab utraque parte porrecta, manus expansae ad benedicendum: corpus indutum tunica ampla, amictum pallio. Subter, adolescentes duo stantes, «militari habitu, eximia venustate, thorocati et paludati. Alter, S. Georgius, spatham «dextra tenet, alter, S. Demetrius, pilum. Hic laevam clypeo triquetro imponit, qui «a pedibus surrigitur. S. Georgii clypeus ovatus est, ductu oblongiore, in eum, quem «vides, modum. Tunicae manicatae, pro more medii aevi: thoraces, cum pterygibus «et cingulis, pulcherrime elaborati. Litterae superne *ΙC ΧC*, *Ἰησοῦς Χριστός*: ad «laevam, *Ο Ἅγιος ΓΕΩΡΓΙΟΣ*: ab altero latere *Ο Ἅγιος ΔΙΜΗΤΡΙΟΣ* (sic). «Substratum nigerrimi coloris, paludamenta brachiaque e caeruleo pallent: thoraces et «capita fusca. Gemma nobilissima: nec multas alias arbitror saeculi IX aut X, quae «aeque teneant oculos». Имена Святыхъ отчасти вязью написаны.

110) См. ниже Табл. С, 1 (по рисунку у Соси, Pl. 27, 4) и С, 3 (по рисунку у Соси, Pl. 31, 6). Ср. Дюканжа (Fam. Byz. p. 159).

Боле подробныя свѣдѣнія объ Іоанновыхъ монетахъ можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Essai de classification.. par de Saulcy, стр. 329 и слѣд., 395 (Pl. 27, 8) и 400. — Iconographie... par I. Sabatier. St.-Pét. Pl. 20, 20. — Catalogue des monnaies byzantines qui composent la collection de M. Soleirol. Metz. 1853, стр. 279, № 919 и 920; стр. 281, № 926; стр. 304, № 1000 и 1001. — Description de la collection de médailles antiques, en or, grecques, romaines, byzantines., recueillies par J. P. Mauryaerts. Gand 1852, стр. 118.

См. особенно сочинение: De la rareté et du prix des médailles romaines,.. par T. E. Mionnet. Seconde édition. Tome second. Paris 1827, p. 550, гдѣ мнѣнія Дюканжа и другихъ нумизматовъ опровергнуты.

тыхъ монетахъ Владиміра (см. Табл. С, 7) птица въ самомъ дѣлѣ, хотя впрочемъ уже въ болѣе обезображенномъ видѣ, помещена на главной сторонѣ подлѣ портрета князя, а на дерптскомъ экземплярѣ Ярослава сребра она изображена *съ опущенною внизъ головою*. Эта перемѣна, которую мы замѣчаемъ также на златникахъ и серебряникахъ Владиміра¹⁰¹), а равно на всѣхъ серебряникахъ нѣжинскаго клада, не можетъ быть случайною: по библейскимъ иносказаніямъ, это — опускающійся или парящій св. Духъ, явственно изображаемый на многихъ церковныхъ памятникахъ древней Россіи и на прим. на одной хоругви западной Европы¹⁰²).

101) И на Владиміровомъ сребрѣ, принадлежащемъ А. О. Бычкову, птица вырѣзана головою внизъ, хотя гравёръ, по недоразумѣнію, переставилъ всю оборотную сторону монеты. См. ниже Табл. С, 6.

102) Iconographie chrétienne. Par M. Didron. Paris 1843, стр. 460—462.
«Enfin, et c'est là une admirable tâche, le Saint-Esprit éclaire les rois dans leurs actions. Au sacre des rois et reines d'Angleterre, un duc, encore aujourd'hui, porte un sceptre surmonté d'une colombe devant le souverain qui va recevoir l'investiture sacrée. Dans Montfaucon, on voit Charlemagne portant également un sceptre surmonté d'une colombe qui doit représenter le Saint-Esprit. Si le sceptre est un bâton qui sert à affermir la démarche, la colombe est l'esprit qui dirige les pas. Voici la colombe divine brodée sur un étendard religieux et militaire à la fois: religieux par la croix qui termine la hampe, militaire par sa forme. La colombe descend du ciel, figurée par les ondulations qui sont brodées au sommet de cette voile guerrière; elle descend sur la terre et plane au-dessus des bataillons qui vont en venir aux prises».

Слѣдуетъ изображеніе хоругви (Miniature française, XVe siècle, Bibl. roy. Heures du duc de Berri).

Откуда заимствована птица, этого покаместъ не беремъ рѣшить. Византійскія древности, собственно вовсе еще не существующія въ видѣ спеціальной науки, со временемъ, можетъ быть, разъяснятъ это. Почему бы не предположить, что фигура оборотной стороны взята съ подобнаго же церковнаго памятника, какъ и ликъ св. Георгія? Конечно, можно думать и объ англо-саксонскихъ образцахъ, какъ сказано выше, стр. 78, тѣмъ болѣе, что одна изъ этихъ англо-саксонскихъ монетъ съ агнцемъ Божіимъ или Христомъ на лицевой сторонѣ и съ птицею на оборотѣ, попадаетъ и въ русскихъ кладахъ¹⁰³). Но лучше было бы предварительно доискиваться первообраза самой англо-саксонской монеты Этельреда II, современника Владимірова. По какимъ образцамъ чеканены монеты великаго

«Cet étendard est entre les mains de la Religion chrétienne personnifiée, de l'Église, qui s'apprête à vaincre la synagogue et le paganisme. — Au sacre de nos rois de France, après l'onction, on lâchait dans l'église des colombes blanches... «Chaque don du Saint-Esprit est symbolisé par une colombe.. »

103) Этотъ динарь перешелъ изъ Рейхелева собранія въ Имп. Эрмитажъ. Объясненіе этой монеты, напечатанное г. Кёне (въ Мém. de la soc. d'Archéologie de St.-Pét. 1850. Tome IV, p 223 и въ Запискахъ археолог. Общества, IV, 207), не удовлетворяетъ любознательнаго изслѣдователя, и экземпляръ этотъ, безъ помощи другихъ подобныхъ памятниковъ, вѣроятно, останется довольно загадочнымъ. Здѣсь мы замѣтимъ только, что въ надписи вокругъ птицы г. Кёне расположенъ видѣтъ имя ирландскаго св. Колумбана. Такъ какъ я не занимаюсь англо-саксонскою нумизматикою ex professo, то предоставляю другимъ оправдать или отвергнуть вѣрность этого объясненія.

князя Василя Ивановича Темнаго съ изображеніемъ голубя? Этотъ и подобные вопросы, возникающіе по части русской нумизматики позднѣйшаго времени, требуютъ обстоятельнѣйшаго изслѣдованія. Мы довольствуемся здѣсь замѣчаніемъ, что иная фигура на русскихъ монетахъ татарскаго періода вовсе не такъ бессмысленна и беззначительна, какъ покажется на первый взглядъ. Изученіе русской нумизматики съ сравнительной археологическо-исторической точки зрѣнія со временемъ и сюда прольетъ свой свѣтъ. Укажемъ здѣсь относительно Ярославля серебра еще на одну нумизматическую сторону.

Въ теченіи двадцати лѣтъ тщетно пытались (см. выше стр. 22, 58) сблизить древне-русскія монеты съ южно-славянскими. Странно, что толкователи при томъ затрудненіи, въ которомъ они находились, не обратились для поясненія Ярославля серебра къ аналогіямъ у другихъ славянскихъ народовъ, гораздо ближайшихъ къ древней Руси и состоявшихъ съ нею также въ сношеніяхъ. Мы разумѣемъ тѣ страны, которыя населены Славянами чешскаго и польскаго племени и въ которыхъ христіанство было непосредственно введено и распространено отчасти обоими славянскими апостолами, отчасти же ихъ туземными учениками и ихъ преемниками. Кто ближе знакомъ съ этимъ вопросомъ, который столь долго былъ искажаемъ пристрастными писателями, тотъ согласится съ нами, что у этихъ

народовъ легко могли быть древности и монеты съ церковно-славянскою надписью въ эпоху съ 864 по 1064 годъ. Выше (на стр. 20 и 62) мы только робко упомянули о Болеславѣ сребрѣ съ церковно-славянскою надписью. И здѣсь мы, хотя уже тверже убѣждены въ ея подлинности, также воздерживаемся отъ ближайшаго изслѣдованія аналогіи, можетъ быть существующей между нею и Ярославимъ серебромъ, отсылая читателей на этотъ счетъ къ Приложенію III.

Въ заключеніе нельзя не коснуться еще вопроса, для какой цѣли Ярославъ велѣлъ чеканить монеты¹⁰⁴). Прежде неоднократно полагали, что Ярославле серебро не было ходячею монетою, а медалью, которая чеканилась при торжественныхъ случаяхъ для раздачи въ подарокъ или въ награду за службу, оказанную великому князю. Такое употребленіе легко могло быть подражаніемъ византійскому обычаю¹⁰⁵). Великой княгинѣ Ольгѣ въ 957 г., послѣ угощенія со стороны императрицы, поднесено было въ даръ на золотомъ блюдѣ 500 серебряниковъ;

104) Пользуюсь случаемъ, чтобы объяснить происхожденіе слова *чеканъ*. Оно, подобно слову: *деньги*, перешло въ русскій языкъ, вѣроятно, во время татарскаго владычества. До сихъ поръ казанскіе Татары употребляютъ это слово въ смыслѣ: орудія, чѣмъ бьютъ. См. еще Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологій И. Арх. Общ. Томъ I. СПб. 1854, Отд. III, стр. 43 и ср. венгерско-польское слово *szekan* у Линде, (Wydanie drugie. Tom I. Lwów 1854, стр. 364).

105) См. объ этомъ сочиненіе Круга, *Zur Münzkunde Russlands*, (Pet 1805) стр. 157 и 158 (стр. 214 русск. перев.).

племянникъ ея получилъ ихъ 30, каждый изъ 20 присутствовавшихъ русскихъ пословъ по 12-ти и по столько же каждый изъ бывшихъ въ то время въ Царьградѣ русскихъ купцевъ. И въ эпоху царства московскаго этотъ обычай велся до времени Петра великаго. Но во всякомъ случаѣ для 11-го вѣка не должно выпускать изъ виду, что тогда (см. выше стр. 9) еще раздавались великими князьями въ награду шейныя гривны. Изъ малаго числа дошедшихъ до насъ экземпляровъ Ярослава серебра еще нельзя заключать (см. стр. 60), что каждымъ штемпелемъ было чеканено только самое небольшое число экземпляровъ. Сколько европейскихъ и мугамеданскихъ монетъ изъ среднихъ вѣковъ извѣстны намъ только въ 2 или 3 экземплярахъ! Безъ новыхъ находокъ вопросъ о цѣли Ярослава серебра, конечно, еще не можетъ быть разрѣшенъ съ полною благонадежностью. Правда, уже самое названіе Ярославе *сребро* какъ-бы указываетъ на ходячую монету, въ точности соответствующую встрѣчающемуся на многихъ европейскихъ монетахъ: «moneta argentea». А если мы еще примемъ въ соображеніе, что всѣ нѣжинскіе серебряники; очевидно принадлежавшіе разнымъ князьямъ, носятъ на оборотѣ своемъ надпись: «а се его сребро», то весьма трудно принять «Ярославе сребро» за медаль.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

● византійскихъ и древне-русскихъ изображеніяхъ св. Георгія побѣдоносца.

«Русская Геральдика въ основаніи своемъ имѣтъ начало *религіозное*, «совершенно противоположное рыцарской Геральдикѣ...».

«Нашъ древній Русскій гербъ — родовое знамя — явился впервые на «печати Великаго Князя Кіевского, законнаго самовластителя Русской земли. «Ликъ Святаго, по имени котораго назывался князь, осѣнялъ его печать, а «надпись удостовѣряла принадлежность...».

«Вотъ первое основаніе нашей Геральдики, Русской — по своему про- «исхожденію, самобытной по своему основному началу — религіозному. «Вотъ почему въ нашей Геральдикѣ всѣ облики и личины изображались *въ «право отъ зрителя*. Во главѣ этого правила находимъ обычай Византій- «скій, переданный намъ вмѣстѣ съ иконописаніемъ».

Таково мнѣніе высказанное И. П. Сахаровымъ въ 1856 году¹⁰⁶), и до сихъ поръ никто въ литературѣ не опровергнулъ главныхъ его основаній. Наша задача состоитъ только въ томъ, чтобы обратить вниманіе читателей на предположеніе, что св. Георгій на Ярославлѣ сребрѣ находится въ тѣсной связи съ позднѣйшимъ государственнымъ гербомъ. Мы не можемъ здѣсь заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ этого предмета, но ограничиваемся указаніемъ на нѣкоторыя данныя, которыхъ нельзя оставить безъ вниманія.

Болѣе всего нужнымъ мы считаемъ соблюденіе строгаго различія между многочисленными видами изображеній св. Георгія въ византійскомъ мѣрѣ и

¹⁰⁶) Записки о Русскихъ гербахъ. I. Московскій гербъ. (Съ 3 Таблицами рисунковъ). СПб. 1856, на стр. III.

крестоносцевъ, занявшихъ Антиохію въ 1098 г. съ призываніемъ св. Георгія и впослѣдствіи изображавшихъ его на своихъ монетахъ¹³⁷), побудилъ и Византийцевъ вырѣзывать ликъ этого Святаго на своихъ монетахъ¹³⁸). Впрочемъ это еще не доказано убѣдительнымъ образомъ. Изъ византийскихъ историковъ, Георгій Кординъ († послѣ 1453) сообщаетъ, что въ Царьградѣ, на праздникъ Рождества Христова, приносили въ придворную церковь знамена и между ними одно¹³⁹), на которомъ св. Георгій изображенъ коннымъ (ἑφιππος).

Въ ахенскомъ соборѣ находится рѣзное изображеніе св. Георгія, ѣдущаго въправо и поражающаго звѣря. Фёрстеръ полагаетъ, что оно относится къ вѣку Карла Великаго (?). Во всякомъ случаѣ этотъ памятникъ послужить хорошимъ пособіемъ при сравнительномъ изученіи агиографіи, хотя физиогноміи Святаго дано чисто нѣмецкое или фламандское выраженіе. См. *Denkmale deutscher Baukunst, Bildnerei und Malerei von Einführung des Christenthums bis auf die neueste Zeit*. Herausgegeben von Ernst Förster. 1. Band. Leipzig 1855. (II. Bildnerei. 1.).

Указаніемъ на эти два изображенія я обязанъ В. В. Стасову. Онъ же обратилъ мое вниманіе на изображеніе св. Георгія 1179 г., но едвали свидѣтельствующее о вліяніи Византіи на Сицилію во время романско-норманскаго владычества. См. *Del Duomo di Monreale... Ragionamento tre per... Duca di Serradifalco. Palermo 1838*, p. 21, Pl. XII (Святой скачетъ въправо) и ср. *Architecture moderne de la Sicile. Paris 1835*. Pl. 68 (Св. Георгій, стоящій, съ мечомъ).

Здѣсь не мѣсто распространяться о романтическомъ почитаніи св. воина у народовъ западной Европы въ средніе вѣка. См. на пр. *Histoire de S. Louis IX... écrite par Jean Sire de Joinville; par Charles du Fresne, sieur du Cange. A Paris 1668*, p. 211, 212 и стр. 325—330 сочиненія подъ заглавіемъ: *Christliche Symbolik. Von Wolfgang Menzel. 1. Theil. Regensburg 1854*.

137) *Numismatique des croisades par F. de Saulcy. Paris 1847*.

138) *Essai de classification des suites monétaires byzantines*, p. 340, 357.

139) *Codini Curopalatae de officialibus Palatii Constantinopolitani. Bonnæ 1839*, (на стр. 79 изд. Парижск.): «οἱ ἀρχοντες.. τὰ βασιλικὰ φέροντες φλάμουλα... ἕτερον ἔχον τὸν ἅγιον Γεώργιον ἐφιππον, ἄλλο δραχόντειον, καὶ ἕτερον δὲ τὴν τοῦ βασιλέως ἔχον στήλην ἐφιππον. Ср. еще № XL сочиненіе Дюканжа: *De inferioris aevi nomismatibus Dissertatio* (въ *Glossarium novum ad scriptores medii aevi*).

Едва ли къ эпохѣ Комниновъ (1081—1185) можно отнести печать изображенную ниже (на Табл. D, 1). Въ Грузію поклоненіе св. Георгію, кажется, проникло уже весьма рано и тамъ же часто встрѣчается изображеніе его и св. Димитрія солунскаго, ѣдущихъ другъ другу на встрѣчу¹⁴⁰⁾.

Когда именно начался на Руси обычай изображать «Егорія храброго коннымъ», пока не объяснено, потому что у насъ еще никто не принимался за установленіе хронологическаго порядка различнымъ видамъ его изображенія. Можетъ быть, обычай этотъ водворился не позже 13 вѣка, хотя извѣстные намъ древнѣйшіе памятники стѣннаго и образнаго иконописанія, относящіеся сюда, принадлежатъ позднѣйшему времени. Даже фактъ, что Святой въ 14 и 15 вѣкѣ былъ изображаемъ на Руси иногда всадникомъ съ мечемъ, вмѣсто копья, самъ по себѣ не противорѣчитъ памятникамъ византійской иконописи и нумизматики 12 и слѣдующихъ столѣтій. И въ Византіи, по свидѣтельству Кодина, изображался на знаменахъ то ликъ царя, то св. Георгій. А что въ Россіи до Іоанна III подразумѣвали, изображая двухъ, ѣдущихъ другъ другу на встрѣчу? Вѣроятно, св. Георгія и Димитрія.

По этому слишкомъ смѣло было бы полагать, что «ѣздецомъ» на *официальныхъ* печатяхъ до Іоанна III Васильевича преимущественно изображался не св. Георгій, а князь или всадникъ вообще. Великій князь Іоаннъ III Васильевичъ (1462—1505), давъ, съ полнымъ сознаниемъ, послѣ бракосочетанія своего съ Софіею, племянницей послѣдняго византійскаго императора, государственному гербу твердую форму, не позволилъ себѣ нововведенія. Покровителя Россіи православная церковь безъ того величала «свободителемъ плѣнныхъ и поборникомъ царей». И въ массѣ русскаго народа повсемѣстное средневѣковое вѣрованіе въ него, какъ покорителя дракона или язычества, выразилось въ болѣе положительной формѣ въ былинахъ, которыя сохранились тамъ и сямъ въ устахъ простолюдиновъ до

Tomus IV. Parisiis 1666): «Verum Graeci, a quibus (S. Georgius) immense cultus est, ἑφιπτον, seu equitem, fere semper (?) sanctum Georgium depingebant...».

140) Ср. выше стр. 122, № 3 и стр. 124. О св. Димитрѣ см. статью Филарета подъ заглавіемъ: Святой великомученикъ Димитрій солунскій и солунскіе Славяне (въ Читеніяхъ Моск. Общ. Ист. Годъ III, № 6, 1848). Ср. выше стр. 55.

монетахъ. Надпись на лицевой сторонѣ: **ВЛАДИМНОУ НА СТОЛѢ**, а на оборотной сторонѣ: **МОНЕЪ ХРИСТОЪ**.

Византийскій типъ лицевой и оборотной стороны этихъ златниковъ очевидно, но никто доселѣ не принималъ на себя труда убѣдительно доказать, какія именно византийскія монеты 11 или 12 вѣка служили здѣсь образцами. Нѣкоторые признаки вѣственно указываютъ на то, что кроми Ярославля серебра, тутъ предлежали чеканницю также византийскія монеты, чеканенныя серебромъ и медью, чѣмъ впрочемъ кончили Ярослава.

Изъ свойства буквъ надписи нельзя вывести вѣрнаго заключенія на счетъ времени, которому принадлежать златники: отчасти недостатокъ мѣста не дозволяетъ граверу увеличить буквы, отчасти же начатки нумизматики у народомъ, еще мало образованныхъ, не подлежатъ общимъ законамъ техники и искусства вообще. Но вѣрно каждый, лишь немного знакомый съ русскою палеографіей, согласится отнести буквы на надписяхъ златниковъ по общему ихъ характеру скорѣе къ 12-му вѣку, чѣмъ бо времени Владиміра I. Въ частности поразительна на пр. форма И вмѣсто болѣе древней Н въ Остромировомъ Евангеліи 1056—1057, на таманскомъ камнѣ 1068, на крестѣ св. Кирилловнн Полоцкой 1161 года и т. д.

Особенно замѣчательно одно обстоятельство, по которому можно заключить почти на вѣрно, что златники Владиміра принадлежали не св. Владиміру, а чеканены однимъ изъ потомковъ Ярослава. Мы разумѣемъ форму птицы и мѣсто, гдѣ она поставлена. Выше замѣчено было, что голубь на сребрѣ Ярославлѣ по всей вѣроятности относится къ тому князю, который инициалъ въ круговой надписи и что она по обычаю церковной символики изображена головою внизъ⁽¹⁾). Если это толкованіе справедливо, то понятно, что символъ голубя уже не могъ болѣе оставаться на оборотѣ, когда *лицевой* сторонѣ златниковъ была снабжена *дѣвомъ князя*; по этому-то символъ былъ поставленъ въ возможно уменьшенномъ видѣ подлѣ князя. Тутъ граница, одна ли соображался съ византийскими монетами, хотя на нихъ цари не рѣдко изображаются держащими въ лѣвой рукѣ глобусъ съ крестомъ, или знаменіе владычества по образцу Творца, или съ стоящими возлѣ

(1) См. выше стр. 116.

нихъ Іисусомъ Христомъ, или Богоматерью, Ангеломъ или Святимъ. На одной золотой монетѣ Константина XII Мономаха (1042—1055), тестя Всеволода Ярославича, по обѣимъ сторонамъ его лика помѣщены двѣ звѣзды, а звѣзды между прочимъ считались символами изліянія св. Духа¹⁵²).

И такъ пока новые клады не дадутъ намъ лучшаго поученія, мы не имѣемъ права относить златники съ именемъ «*Владимира*» къ Владиміру Великому, а скорѣе должны приписывать ихъ кіевскому великому князю Владиміру Всеволодовичу Мономаху (1113—1125), внуку Ярослава I, а по матери внуку императора Константина XII Мономаха. Ему же въ такомъ случаѣ принадлежать и соответствующіе златникамъ въ нѣкоторомъ отношеніи экземпляры Владиміровыхъ серебряниковъ, которые сдѣлались извѣстными съ 1810, и особенно 1852 года. Тѣ изъ экземпляровъ, которые выбиты нѣсколько правильнѣе, имѣютъ на лицевой сторонѣ круговую надпись: **ВЛАДИМИРОЪ НА СТОЛѢ**, а на оборотѣ: **А СЕ ЕГО СРЕБРО**¹⁵³).

Ученый хранитель милиціи-кабинета кіевского университета, Я. Я. Волошинскій, склоненъ раздѣлять найденные въ Нѣжинѣ серебряники Владиміра на два разряда¹⁵⁴), т. е. на серебряники Владиміра Великаго и Владиміра Мономаха. Но во первыхъ нѣсколько странно было бы то, что въ одномъ и томъ же кладѣ оказались монеты, чеканенныя въ теченіе 120 лѣтъ; да и независимо отъ этого сказанное раздѣленіе не основано на прочномъ началѣ. Всѣ *серебряники* Владиміра, какъ найденные съ 1810, такъ и въ 1852 году, относительно изображенія птицы не могутъ быть отдѣлены одни отъ другихъ, т. е. на всѣхъ этихъ монетахъ фигура птицы одинаково искажена, — вѣроятно потому, что денежники или сами уже не понимали болѣе первоначальнаго ея значенія, или представляли себѣ подъ нею нѣчто другое. Скорѣе можно было бы сблизить оба типа Владимірова

152) Menzel, Symbolik II, 416.

153) Владимірово сребро, принадлежащее А. Θ. Бычкову, изображено на Табл. С, 6. Считаю нужнымъ замѣтить, что я для восстановленія надписи въ увеличенномъ видѣ посредствомъ фотографіи, считалъ съ этого экземпляра, хотя съ трудомъ, столѣтнюю грязь, которой онъ былъ покрытъ.

154) См. № 1—3 и № 4—10 на Табл. I сочиненія Волошинскаго.

новѣйшаго времени. Въ этихъ былинахъ приписывается «святому Егорію Храброму» призваніе отражать и побѣждать «змѣнное стадо», т. е. Татаръ и проч., или латинскаго «безбожнаго пса бусурманица», взявшаго Іерусалимъ¹⁴¹⁾.

Если изображенія св. Георгія, на такъ называемыхъ официальныхъ памятникахъ со времени Ярослава I, представляютъ его не только святымъ мученикомъ, но, какъ Сахаровъ впервые высказалъ, и покровителемъ всѣхъ воиновъ и вообще древней Руси (ср. выше стр. 106), то для удостовѣренія въ этомъ предположеніи необходимо подробно рассмотретьъ вопросъ о вліяніи другихъ народовъ на Русь, особенно въ 14 и 15 вѣкахъ. При этомъ нужно будетъ обратить вниманіе, въ какую сторону скачетъ всадникъ, т. е. скачетъ ли св. Георгій или «ѣздець» или «князь» или «человѣкъ на конѣ» *въ право* или *въ лѣво*. Мы ограничимся здѣсь лишь нѣсколькими указаніями.

Не можетъ быть, чтобы на византийскихъ и русско-византийскихъ памятникахъ св. Георгій являлся безъ всякаго основанія скачущимъ *въ право* (отъ зрителя). Причину этому нельзя искать въ западной геральдикѣ; напротивъ того, это направленіе казалось, вѣроятно, искони весьма естественнымъ. Каждый воинъ на конѣ держитъ лѣвою рукою поводъ, сражается держа оружіе въ правой, которая по этому называлась уже древне-греческими поэтами *копьеметальною* (δορῖπάλτος), и ѣдетъ на встрѣчу непріятелю. Потому всадники, являющіеся на монетахъ римскихъ и первыхъ византийскихъ императоровъ (см. ниже Табл. D, 6), обыкновенно изображены скачущими *въ право*. Тѣ же, которые на этихъ монетахъ изображены скачущими въ лѣво, представлены въ бѣгствѣ, или они изображены въ совершенно неестественномъ положеніи. На западѣ Европы также встрѣчаются изображенія св. воина, скачущаго въ лѣво и въ слѣдствіе этого держащаго копье обѣими руками, что конечно непристойно герою.

141) См. Стихъ о Егоріи храбромъ и о Елисаветѣ прекрасной въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. Годъ III. 1848, № 9. Сякъсь, стр. 148, 156.

Въ Софійской I Лѣт. подъ 1471 г. читается: «И тако моляся благочестья дѣлатель, призываше къ собѣ на помощь великаго заступника и скорого помощника «на бранехъ воеводу небесныхъ силъ Архистратига Михаила, и великихъ страсто-терпецъ Христовыхъ непобѣдимыхъ, Дмитрея Солуньскаго, и Егорья Храбраго, и «Теодора Стратилата...».

Сахаровъ справедливо замѣтилъ, что изображенный коннымъ св. Георгій (или замѣнившій его великій князь) по правиламъ иконописи на древнѣйшихъ русскихъ изображеніяхъ, также на велико-княжескихъ печатяхъ, скачетъ въ право отъ зрителя¹⁴²). Это положеніе относительно печатей великихъ князей не подвергается никакому исключенію. Но за то Сахаровъ ошибается, придавая соблюденію этого правила на велико-княжескихъ печатяхъ слишкомъ общее значеніе: на монетахъ и на печатяхъ частныхъ лицъ¹⁴³), особенно XV столѣтія, «ѣздець» иногда изображенъ скачущимъ въ *лѣвую* сторону; но причина этого уклоненія отъ общаго правила заключается въ невѣжествѣ денежниковъ, изъ которыхъ иные при рѣзбѣ штемпелей болѣе или менѣе придерживались иностранныхъ образцовъ. Это вліяніе на русскую нумизматику и сфрагистику можно назвать, для краткости, *чешско-польскимъ*, не исключая при этомъ Венгрію и Литву.

Давно признано, что на монетахъ Премысловичей, кромѣ баварско-ангლოსаксонскаго типа, встрѣчаются признаки особеннаго рода, какъ напр. бой воина съ змѣемъ или дикимъ звѣремъ, имѣющій символическое значеніе, и др. Въ какой степени въ такихъ случаяхъ дѣйствовало византійское вліяніе, это еще не объяснено. Достоверно то, что уже князь Вратиславъ I (912—926), сынъ св. Людмилы и отецъ св. Вячеслава, воздвигнулъ въ Прагѣ церковь во имя св. Георгія побѣдоносца. Когда въ послѣдствіи богослуженіе по греко-славянскому обряду въ Чехіи вытѣснено латинскимъ (см. ниже Прил. III), то разныя идеи и представленія были заимствованы съ запада и онѣ-то перешли, по всей вѣроятности, изъ Чехіи въ Польшу и оттуда въ Литву, напр. всадники на печатяхъ и монетахъ, скачущіе не въ правую, а въ *лѣвую* сторону.

142) Необходимо критическое изданіе разныхъ редакцій славяно-русскихъ «Подлинниковъ», т. е. Правилъ о церковной живописи (см. выше стр. 69). Мѣста изъ нихъ, относящіяся къ св. Георгію, напечатаны Сахаровымъ. См. Записки о русскихъ гербахъ, стр. 48 и Исслѣдованія о русскомъ иконописаніи. Изданіе второе. Книжка первая. (СПб. 1850).

143) Сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и другимъ юридическимъ актамъ, хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, составленный П. Ивановымъ. М. 1858.

Но въ литовскомъ великомъ княжествѣ эти западныя представленія уже повстрѣчались съ древне-русскими¹⁴⁴).

Когда литовскіе князья, пользуясь слабымъ состояніемъ Руси современи нашествія Татаръ, начали свои завоеванія съ береговъ Нѣмана, они вступали въ близкія сношенія особенно съ Витебскомъ, Полоцкомъ, Псковомъ, Смоленскомъ и Новгородомъ. Нѣкоторые литовскіе князья поселились въ XIII и XIV столѣтіяхъ владѣтельными князьями въ Полоцкѣ и въ другихъ мѣстахъ, «опекальниками» во Псковѣ и на новгородской землѣ и привняли вмѣстѣ съ св. крещеніемъ обычай изображать св. Георгія на своихъ печатяхъ. Не стараясь подробно доказывать этотъ фактъ, скажемъ только, что Лелевель, хотя ему не всѣ источники доступны, въ сущности придерживается того-же мнѣнія¹⁴⁵). Между прочимъ на печати полоцкаго князя Наримунта-Глѣба Гедиминовича около 1335 года встрѣчается русскій ѣздець, скачущій въ право и передѣланный изъ изображенія св. Георгія¹⁴⁶). На неизданной, хотя и грубо выдѣланной печати¹⁴⁷) смоленскаго князя Александра Глѣбовича († 1313) изображенъ св. Михаилъ пѣшимъ и на другой сторонѣ всадникъ съ *вѣнчикомъ* и скачущій въ право, по правиламъ иконописанія.

144) Это было уже написано, когда я получилъ возможность воспользоваться экземпляромъ чешскихъ Памятниковъ (Památky archaeologické a mistopisné. Redaktor K: V. Zap), принадлежащимъ А. Н. Пыпину. Во второмъ томѣ (Díl II. V Praze 1857. Obr. 7) помѣщено изображеніе св. Георгія, (1373 г.), ѣдущаго *въ льво* и поражающаго дракона. Ср. Obr. 2.

145) См. Главу: «Herby litewskie» (Polska. Dzieje i rzeczy jéj rozpatrywane przez J. Lelewela. Tom IV. Poznań 1856), стр. 408.

«... Ten jeździec smoka zabijający, dał początek jeźdzcowi z włócznią równie «Pogonią zwanemu, pod którym bywa smok rozciągniony».

146) См. Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригю и Ганзейскими городами, собранныя въ Рижскомъ Архивѣ и изданныя Археографическою Комиссіею. СПб. 1857, Сним. № 7.

147) Смоленская печать будетъ описана мною подробнѣе при другомъ случаѣ. Замѣчу только, что она приложена къ готляндской редакціи договора 1229 г., вновь утвержденнаго Александромъ Глѣбовичемъ.

Нельзя отрицать сходства этого всадника съ всадникомъ на литовскихъ монетахъ, приписываемыхъ, хотя и безъ достаточныхъ поводовъ, князю Кей-стуту. Въ указанномъ сходствѣ можно убѣдиться изъ слѣдующаго рисунка.

Вмѣсто копья видимъ мы мечъ въ рукѣ всадника, изображеннаго на этой монетѣ; въ ней, по этому, намъ представляется уже переходъ къ литовскому погову, который однако получилъ твердый типъ только послѣ бракосочетанія литовскаго великаго князя Владислава-Ягайла, сына Ольгерда Гедиминовича и тверской княжны Юліаны Александровны, съ польскою королевою Ядвигою въ 1386 году, какъ мы можемъ судить по печатямъ Ягайлы 1388 года и его сына Владислава 1438 года¹⁴⁸).

Здѣсь литовско-русскій Георгій совершенно отличается отъ своего русско-византійскаго первообраза. Скача въ *львую* сторону, поговъ разсѣкаетъ своимъ мечемъ воздухъ, между тѣмъ какъ драконъ, подобно сопровождающей или преслѣдующей его охотничей собакѣ, бѣжитъ подлѣ него. Наконецъ, когда

148) Рисунокъ литовской монеты не хорошо вышелъ. Полная печать польскихъ королей изображена въ сочиненіи, вышедшемъ подъ заглавіемъ: *Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529*. Poznań 1841. Табл. IV и V и, кромѣ того, у Фоссберга (*Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen*. Berlin 1854).

на монетахъ и печатяхъ вовсе перестали помѣщать дракона, погонъ сдѣлался простымъ всадникомъ, которому ложная ученость временъ прошедшихъ придала особое символическое значеніе. Въ слѣдствіе близкихъ отношеній, начавшихся съ XV столѣтія, между Москвою и литовскимъ великимъ княжествомъ, на русскихъ монетахъ и на печатяхъ частныхъ людей стали подражать изображенію скачущаго въ лѣво погона, но это подражаніе не имѣло вліянія на направленіе св. Георгія въ государственномъ гербѣ московскихъ великихъ князей. Справедливо замѣчаетъ Сахаровъ, что въ этомъ отношеніи только люди, подобные Герберштейну и Лжедмитрію, искажали изображенія святаго воина, давая ему направленіе *въ лѣво*, потому что они не имѣли понятія ни о византійской иконописи, ни о символическомъ значеніи св. Георгія въ византійскомъ мірѣ вообще. Но и Сахаровъ ошибается, предполагая, что Герберштейнъ, Лжедмитрій (и его польскіе граверы), Майербергъ и др. при этомъ руководствовались какими-то правилами западной геральдики.

нихъ Іисусомъ Христомъ, или Богоматерью, Ангеломъ или Святимъ. На одной золотой монетѣ Константина XII Мономаха (1042—1055), тестя Всеволода Ярославича, по обѣмъ сторонамъ его лика помѣщены двѣ звѣзды, а звѣзды между прочимъ считались символами изліянiя св. Духа¹⁵²).

И такъ пока новые клады не дадутъ намъ лучшаго поученiя, мы не имѣемъ права относить златники съ именемъ «*Владимира*» къ Владиміру Великому, а скорѣе должны приписывать ихъ кiевскому великому князю Владиміру Всеволодовичу Мономаху (1113—1125), внуку Ярослава I, а по матери внуку императора Константина XII Мономаха. Ему же въ такомъ случаѣ принадлежатъ и соответствующіе златникамъ въ нѣкоторомъ отношенiи экземпляры Владиміровыхъ серебряниковъ, которые сдѣлались извѣстными съ 1810, и особенно 1852 года. Тѣ изъ экземпляровъ, которые выбиты нѣсколько правильнѣе, имѣютъ на лицевой сторонѣ круговую надпись: **ВЛАДИМІРЪ НА СТОЛѢ**, а на оборотѣ: **А СЕ ЕГО СРЕБРО**¹⁵³).

Ученый хранитель милицъ-кабинета кiевского университета, Я. Я. Волошинскій, склоненъ раздѣлять найденные въ Нѣжинѣ серебряники Владиміра на два разряда¹⁵⁴), т. е. на серебряники Владиміра Великаго и Владиміра Мономаха. Но во первыхъ нѣсколько странно было бы то, что въ одномъ и томъ же кладѣ оказались монеты, чеканенныя въ теченіе 120 лѣтъ; да и независимо отъ этого сказанное раздѣленіе не основано на прочномъ началѣ. Всѣ *серебряники* Владиміра, какъ найденные съ 1810, такъ и въ 1852 году, относительно изображенiя птицы не могутъ быть отдѣлены одни отъ другихъ, т. е. на всѣхъ этихъ монетахъ фигура птицы одинаково искажена, — вѣроятно потому, что денежники или сами уже не понимали болѣе первоначальнаго ея значенiя, или представляли себѣ подъ нею нѣчто другое. Скорѣе можно было бы сблизить оба типа Владимірова

152) Menzel, Symbolik II, 416.

153) Владимірово сребро, принадлежащее А. Θ. Бычкову, изображено на Табл. С, 6. Считаю нужнымъ замѣтить, что я для востановленiя надписи въ увеличенномъ видѣ посредствомъ фотографіи, счистилъ съ этого экземпляра, хотя съ трудомъ, столѣтнюю грязь, которой онъ былъ покрытъ.

154) См. № 1—3 и № 4—10 на Табл. I сочиненiя Волошинскаго.

монетахъ. Надпись на лицевой сторонѣ: **ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛѢ**, а на оборотной сторонѣ: **НСХСЪ ХРИСТОСЪ**.

Византійскій типъ лицевой и оборотной стороны этихъ златниковъ очевиденъ, но никто доселѣ не принималъ на себя труда убѣдительно доказать, какія именно византійскія монеты 11 или 12 вѣка служили здѣсь образцами. Нѣкоторые признаки явственно указываютъ на то, что кромѣ Ярослава сребра, тутъ подлежали чеканцику также византійскія монеты, чеканенныя скорѣе послѣ, чѣмъ прежде кончины Ярослава.

Изъ свойства буквъ надписи нельзя вывести вѣрнаго заключенія на счетъ времени, которому принадлежать златники: отчасти недостаткомъ мѣста не позволялъ граверу увеличить буквы, отчасти же начатки нумизматики у народовъ, еще мало образованныхъ, не подлежатъ общимъ законамъ техники и искусства вообще. Но вѣрно каждый, лишь немного знакомый съ русскою палеографіей, согласится отнести буквы на надписяхъ златниковъ по общему ихъ характеру скорѣе къ 12-му вѣку, чѣмъ ко времени Владиміра I. Въ частности поразительна на пр. форма И вмѣсто болѣе древней Н въ Остромировомъ Евангеліи 1056—1057, на таманскомъ камнѣ 1068, на крестѣ св. Евфросиніи полоцкой 1161 года и т. д.

Особенно замѣчательно одно обстоятельство, по которому можно заключить почти на вѣрно, что златники Владиміра принадлежали не св. Владиміру, а чеканены однимъ изъ потомковъ Ярослава. Мы разумѣемъ форму птицы и мѣсто, гдѣ она поставлена. Выше замѣчено было, что голубь на сребрѣ Ярославлѣ по всей вѣроятности относится къ тому князю, который названъ въ круговой надписи и что она по обычаю церковной символики изображена головою внизъ ¹⁵¹). Если это толкованіе справедливо, то понятно, что символъ голубя уже не могъ болѣе оставаться на оборотѣ, когда *лицевая* сторона златниковъ была снабжена ликомъ *князя*; по этому-то символъ былъ поставленъ въ возможно уменьшенномъ видѣ подлѣ князя. Тутъ граверъ едва ли соображался съ византійскими монетами, хотя на нихъ цари не рѣдко изображаются держащими въ лѣвой рукѣ глобусъ съ крестомъ, какъ знаменіе владычества по образцу Творца, или съ стоящими возлѣ

151) См. выше стр. 116.

нихъ Иисусомъ Христомъ, или Богоматерью, Ангеломъ или Святымъ. На одной золотой монетѣ Константина XII Мономаха (1042—1055), тестя Всеволода Ярославича, по обѣимъ сторонамъ его лица помѣщены двѣ звѣзды, а звѣзды между прочимъ считались символами изліянія св. Духа¹⁵²).

И такъ пока новые клады не дадутъ намъ лучшаго поученія, мы не имѣемъ права относить златники съ именемъ «*Владимира*» къ Владиміру Великому, а скорѣе должны приписывать ихъ кіевскому великому князю Владиміру Всеволодовичу Мономаху (1113—1125), внуку Ярослава I, а по матери внуку императора Константина XII Мономаха. Ему же въ такомъ случаѣ принадлежать и соответствующіе златникамъ въ нѣкоторомъ отношеніи экземпляры Владиміровыхъ серебряниковъ, которые сдѣлались извѣстными съ 1810, и особенно 1852 года. Тѣ изъ экземпляровъ, которые выбиты нѣсколько правильнѣе, имѣютъ на лицевой сторонѣ круговую надпись: **ВЛАДИМІРЪ НА СТОЛѢ**, а на оборотѣ: **А СЕ ЕГО СРЕБРО**¹⁵³).

Ученый хранитель минцъ-кабинета кіевского университета, Я. Я. Волошинскій, склоненъ раздѣлять найденные въ Нѣжинѣ серебряники Владиміра на два разряда¹⁵⁴), т. е. на серебряники Владиміра Великаго и Владиміра Мономаха. Но во первыхъ нѣсколько странно было бы то, что въ одномъ и томъ же кладѣ оказались монеты, чеканенныя въ теченіе 120 лѣтъ; да и независимо отъ этого сказанное раздѣленіе не основано на прочномъ началѣ. Всѣ *серебряники* Владиміра, какъ найденные съ 1810, такъ и въ 1852 году, относительно изображенія птицы не могутъ быть отдѣлены одни отъ другихъ, т. е. на всѣхъ этихъ монетахъ фигура птицы одинаково искажена, — вѣроятно потому, что денежники или сами уже не понимали болѣе первоначальнаго ея значенія, или представляли себѣ подъ нею нѣчто другое. Скорѣе можно было бы сблизить оба типа Владимірова

152) Menzel, Symbolik II, 416.

153) Владимірово серебро, принадлежащее А. Ф. Бычкову, изображено на Табл. С, 6. Считаю нужнымъ замѣтить, что я для востановленія надписи въ увеличенномъ видѣ посредствомъ фотографіи, считаясь съ этого экземпляра, хотя съ трудомъ, столѣтнюю грязь, которой онъ былъ покрытъ.

154) См. № 1—3 и № 4—10 на Табл. I сочиненія Волошинскаго.

злата съ серебряниками Ярослава I относительно способа выдѣлки ихъ; но второй типъ златниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ также близкое сходство съ серебряниками Владиміра, да и самыя надписи «*Владиміръ на столь*» и «*a se ego злато*» — «*a se ego сребро*» совершенно однородны. Нѣтъ сомнѣнія, что столь добросовѣстный наблюдатель, какъ г. Волошинскій, былъ бы въ состояніи, дать болѣе рѣшительное поясненіе на счетъ этого и подобныхъ вопросовъ; но при этомъ необходимо было бы прибѣгнуть къ помощи фотографіи¹⁵⁵). На иныхъ серебряникахъ Владиміра голова князя окружена вѣнчикомъ. Еслибы это было сіяніе Святого, то можно бы было подумать, что потомки Ярослава I, именно Владиміръ Мономахъ, изображали на своихъ монетахъ св. Владиміра¹⁵⁶), какъ напр. на монетахъ чешскаго князя Яромира (см. Прилож. III) является св. Вячеславъ. Усы на портретѣ этому не противорѣчатъ, потому что и св. Димитрій (см. выше стр. 69) по правиламъ иконописанія изображается съ усами. Правила «Подлинника» объ изображеніи святыхъ князей отчасти установлены вѣроятно послѣ 13 столѣтія¹⁵⁷). Замѣтимъ еще, что по разсказу Грековъ Святославъ Игоревичъ носилъ длинные усы¹⁵⁸).

Но едва ли историческими доводами можно подтвердить догадку, что на позднѣйшихъ русско-византійскихъ серебряникахъ изображенъ св. Владиміръ, отчасти потому что на нихъ и другіе лики князей снабжены вѣнчикомъ, отчасти же потому что и позже иногда проявляется старинный

155) Если примемъ въ соображеніе, какъ трудно изображать нѣвыя монеты въ вѣрныхъ рисункахъ, то нельзя не пожелать, чтобы у насъ всѣ сколько нибудь значительныя милицъ-кабинеты снабжены были фотографическимъ снарядомъ.

156) О времени, когда начали праздновать память Владиміра равноапостольнаго см. Исторію Русской церкви, Епископа Макарія I, стр. 66 и прим. 168 (на стр. 233).

157) См. (Сахарова) Изслѣдованія о Русскомъ иконописаніи. Изданіе второе. Книжка первая. СПб. 1850. Подлинникъ. Часть вторая, стр. 11—13.

158) Leo Diaconus (IX, 11): *Δασεῖς τὰς ὀφρῦς, γλαυκοὺς ἔχων τοὺς ὀφθαλμοὺς, τὴν ῥίνα σιμῶς, ἐψιλωμένος τὸν πάγωνα, τῷ ἄνωθεν χεῖλει δασείαις καὶ εἰς μῆκος καθευμέναις ἑριξὶ κομῶν περιττωῖς.*

обычай римскихъ и римско-византійскихъ императоровъ окружать вѣнчикомъ свою голову¹⁵⁹).

Рѣшеніе вопроса, были ли златники Владиміра дѣйствительно ходячею монетою, или назначеніе ихъ состояло только въ томъ, чтобы служить для подарковъ, зависитъ частію отъ новыхъ кладовъ. Покамѣсть должно придерживаться перваго мнѣнія, доколѣ оно не будетъ опровергнуто основательно. Только подъ серебряниками едва ли слѣдуетъ разумѣть «рѣзани» историческихъ источниковъ¹⁶⁰). *Злато* соответствуетъ византійскому выраженію: *νόμισμα* (= *solidus aureus*), *χρυσός*, *χρύσιος* и церковно-славянскому «златый, златикъ, златица, златвикъ, златьница», хотя эти выраженія рѣдко встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ 11-го и 12-го столѣтій; но мѣсто Игоревои пѣсни («Се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ сивему морю. *Звоня рускымъ златомъ*, поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія»), покамѣсть еще допускаетъ различныя толкованія.

159) См. выше стр. 125 (№ 14) и ср. стр. 134 (494) выше (на стр. 67) приведеннаго сочиненія подъ заглавіемъ: *Nimbus* и проч.

160) См. Исслѣдованія М. Погодина VII, 361 и ср. мнѣніе Н. Ланге въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Ник. Калачовымъ. Книга первая (Приложеніе. 1859)»; стр. 50.

Но въ литовскомъ великомъ княжествѣ эти западныя представленія уже повстрѣчались съ древне-русскими ¹⁴⁴).

Когда литовскіе князья, пользуясь слабымъ состояніемъ Руси со времени нашествія Татаръ, начали свои завоеванія съ береговъ Нѣмана, они вступали въ близкія сношенія особенно съ Витебскомъ, Полоцкомъ, Псковомъ, Смоленскомъ и Новгородомъ. Нѣкоторые литовскіе князья поселились въ XIII и XIV столѣтіяхъ владѣтельными князьями въ Полоцкѣ и въ другихъ мѣстахъ, «опекальниками» во Псковѣ и на новгородской землѣ и приняли вмѣстѣ съ св. крещеніемъ обычай изображать св. Георгія на своихъ печатяхъ. Не стараясь подробно доказывать этотъ фактъ, скажемъ только, что Лелевель, хотя ему не всѣ источники доступны, въ сущности придерживается того-же мнѣнія ¹⁴⁵). Между прочимъ на печати полоцкаго князя Наримунта-Глѣба Гедиминовича около 1335 года встрѣчается русскій ѣздець, скачущій въ право и передѣланный изъ изображенія св. Георгія ¹⁴⁶). На неизданной, хотя и грубо выдѣланной печати ¹⁴⁷) смоленскаго князя Александра Глѣбовича († 1313) изображенъ св. Михаилъ пѣшимъ и на другой сторонѣ всадникъ съ *вѣнчиномъ* и скачущій въ право, по правиламъ иконописанія.

144) Это было уже написано, когда я получилъ возможность воспользоваться экземпляромъ чешскихъ Памятниковъ (Památky archaeologické a mistopisné. Redaktor K. V. Zap), принадлежащимъ А. Н. Пыпину. Во второмъ томѣ (Díl II. V Praze 1857. Obr. 7) помѣщено изображеніе св. Георгія, (1373 г.), ѣдущаго *въ лѣво* и поражающаго дракона. Ср. Obr. 2.

145) См. Главу: «Herby litewskie» (Polska. Dzieje i rzeczy jéj rozpatrywane przez J. Lelewela. Tom IV. Poznań 1856), стр. 408.

«... Ten jeździec smoka zabijający, dał początek jeźdzcowi z włócznią równie «Pogonią zwanemu, pod którym bywa smok rozciągniony».

146) См. Грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригю и Ганзейскими городами, собранныя въ Рижскомъ Архивѣ и изданныя Археографическою Комиссіею. СПб. 1857, Сним. № 7.

147) Смоленская печать будетъ описана мною подробнѣе при другомъ случаѣ. Замѣчу только, что она приложена къ готландской редакціи договора 1229 г., вновь утвержденаго Александромъ Глѣбовичемъ.

Нельзя отрицать сходства этого всадника съ всадникомъ на литовскихъ монетахъ, приписываемыхъ, хотя и безъ достаточныхъ поводовъ, князю Кей-стуту. Въ указанномъ сходствѣ можно убѣдиться изъ слѣдующаго рисунка.

Вмѣсто копья видимъ мы мечъ въ рукѣ всадника, изображеннаго на этой монетѣ; въ ней, по этому, намъ представляется уже переходъ къ литовскому погову, который однако получилъ твердый типъ только послѣ бракосочетанія литовскаго великаго князя Владислава-Ягайла, сына Ольгерда Гедиминовича и тверской княжны Юліаны Александровны, съ польскою королевою Ядвигою въ 1386 году, какъ мы можемъ судить по печатамъ Ягайлы 1388 года и его сына Владислава 1438 года¹⁴⁸).

Здѣсь литовско-русскій Георгій совершенно отличается отъ своего русско-византійскаго первообраза. Скача въ *львую* сторону, поговъ разсѣкаетъ своимъ мечемъ воздухъ, между тѣмъ какъ драконъ, подобно сопровождающей или преслѣдующей его охотничей собакѣ, бѣжитъ подлѣ него. Наконецъ, когда

148) Рисунокъ литовской монеты не хорошо вышелъ. Полная печать польскихъ королей изображена въ сочиненіи, вышедшемъ подъ заглавіемъ: *Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529*. Poznań 1841. Табл. IV и V и, кромѣ того, у Фоссберга (*Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen*. Berlin 1854).

на монетахъ и печатяхъ вовсе перестали помѣщать дракона, погонь сдѣлался простымъ всадникомъ, которому ложная ученость временъ прошедшихъ придала особое символическое значеніе. Въ слѣдствіе близкихъ отношеній, начавшихся съ XV столѣтія, между Москвою и литовскимъ великимъ княжествомъ, на русскихъ монетахъ и на печатяхъ частныхъ людей стали подражать изображенію скачущаго въ лѣво погона, но это подражаніе не имѣло вліянія на направленіе св. Георгія въ государственномъ гербѣ московскихъ великихъ князей. Справедливо замѣчаетъ Сахаровъ, что въ этомъ отношеніи только люди, подобныя Герберштейну и Лжедмитрію, искажали изображенія святаго воина, давая ему направленіе *въ лѣво*, потому что они не имѣли понятія ни о византійской иконописи, ни о символическомъ значеніи св. Георгія въ византійскомъ мірѣ вообще. Но и Сахаровъ ошибается, предполагая, что Герберштейнъ, Лжедмитрій (и его польскіе граверы), Майербергъ и др. при этомъ руководствовались какими-то правилами западной геральдики.

нихъ Иисусомъ Христомъ, или Богоматерью, Ангеломъ или Святымъ. На одной золотой монетѣ Константина XII Мономаха (1042—1055), тестя Всеволода Ярославича, по обѣимъ сторонамъ его лика помѣщены двѣ звѣзды, а звѣзды между прочимъ считались символами изліянія св. Духа¹⁵²).

И такъ пока новые клады не дадутъ намъ лучшаго поученія, мы не имѣемъ права относить златники съ именемъ «*Владимира*» къ Владиміру Великому, а скорѣе должны приписывать ихъ кіевскому великому князю Владиміру Всеволодовичу Мономаху (1113—1125), внуку Ярослава I, а по матери внуку императора Константина XII Мономаха. Ему же въ такомъ случаѣ принадлежать и соответствующіе златникамъ въ нѣкоторомъ отношеніи экземпляры Владиміровыхъ серебряниковъ, которые сдѣлались извѣстными съ 1810, и особенно 1852 года. Тѣ изъ экземпляровъ, которые выбиты нѣсколько правильнѣе, имѣютъ на лицевой сторонѣ круговую надпись: **ВЛАДИМІРЪ НА СТОЛѢ**, а на оборотѣ: **А СЕ ЄГО СРЕБРО**¹⁵³).

Ученый хранитель милиціи кабинета кіевскаго университета, Я. Я. Волошинскій, склоненъ раздѣлять найденные въ Нѣжинѣ серебряники Владиміра на два разряда¹⁵⁴), т. е. на серебряники Владиміра Великаго и Владиміра Мономаха. Но во первыхъ нѣсколько странно было бы то, что въ одномъ и томъ же кладѣ оказались монеты, чеканенныя въ теченіе 120 лѣтъ; да и независимо отъ этого сазанное раздѣленіе не основано на прочномъ началѣ. Всѣ *серебряники* Владиміра, какъ найденные съ 1810, такъ и въ 1852 году, относительно изображенія птицы не могутъ быть отдѣлены одни отъ другихъ, т. е. на всѣхъ этихъ монетахъ фигура птицы одинаково искажена, — вѣроятно потому, что денежники или сами уже не понимали болѣе первоначальнаго ея значенія, или представляли себѣ подъ нею нѣчто другое. Скорѣе можно было бы сблизить оба типа Владимірова

152) Menzel, Symbolik II, 416.

153) Владимірово серебро, принадлежащее А. Ѳ. Бычкову, изображено на Табл. С, 6. Считаю нужнымъ замѣтить, что я для востановленія надписи въ увеличенномъ видѣ посредствомъ фотографіи, считилъ съ этого экземпляра, хотя съ трудомъ, столѣтнюю грязь, которой онъ былъ покрытъ.

154) См. № 1—3 и № 4—10 на Табл. I сочиненія Волошинскаго.

монетахъ. Надпись на лицевой сторонѣ: **ВЛАДИМИРОЪ НА СТОЛѢ**, а на оборотной сторонѣ: **НУХЪ ХРИСТОУЪ**.

Византійскій типъ лицевой и оборотной стороны этихъ златниковъ очевиденъ, но никто доселѣ не принималъ на себя труда убѣдительно доказать, какія именно византійскія монеты 11 или 12 вѣка служили здѣсь образцами. Нѣкоторые признаки явственно указываютъ на то, что кромѣ Ярославля серебра, тутъ подлежали чеканцику также византійскія монеты, чеканенныя скорѣе послѣ, чѣмъ прежде кончины Ярослава.

Изъ свойства буквъ надписи нельзя вывести вѣрнаго заключенія на счетъ времени, которому принадлежать златники: отчасти недостатокъ мѣста не позволялъ граверу увеличить буквы, отчасти же начатки нумизматики у народовъ, еще мало образованныхъ, не подлежатъ общимъ законамъ техники и искусства вообще. Но вѣрно каждый, лишь немного знакомый съ русскою палеографіей, согласится отнести буквы на надписяхъ златниковъ по общему ихъ характеру скорѣе къ 12-му вѣку, чѣмъ ко времени Владиміра I. Въ частности поразительна на пр. форма И вмѣсто болѣе древней Н въ Остромировомъ Евангеліи 1056—1057, на таманскомъ камнѣ 1068, на крестѣ св. Евфросиніи полоцкой 1161 года и т. д.

Особенно замѣчательно одно обстоятельство, по которому можно заключать почти на вѣрно, что златники Владиміра принадлежали не св. Владиміру, а чеканены однимъ изъ потомковъ Ярослава. Мы разумѣемъ форму птицы и мѣсто, гдѣ она поставлена. Выше замѣчено было, что голубь на сребрѣ Ярославлѣ по всей вѣроятности относится къ тому князю, который названъ въ круговой надписи и что она по обычаю церковной символики изображена головою внизъ¹⁵¹⁾. Если это толкованіе справедливо, то понятно, что символъ голубя уже не могъ болѣе оставаться на оборотѣ, когда *лицевая* сторона златниковъ была снабжена ликомъ *князя*; по этому-то символъ былъ поставленъ въ возможно уменьшенномъ видѣ подлѣ князя. Тутъ граверъ едва ли соображался съ византійскими монетами, хотя на нихъ цари не рѣдко изображаются держащими въ лѣвой рукѣ глобусъ съ крестомъ, какъ знаменіе владычества по образцу Творца, или съ стоящими возлѣ

151) См. выше стр. 116.

нихъ Іисусомъ Христомъ, или Богоматерью, Ангеломъ или Святымъ. На одной золотой монетѣ Константина XII Мономаха (1042—1055), тестя Всеволода Ярославича, по обѣимъ сторонамъ его лика помѣщены двѣ звѣзды, а звѣзды между прочимъ считались символами изліянія св. Духа¹⁵²⁾.

И такъ пока новые клады не дадутъ намъ лучшаго поученія, мы не имѣемъ права относить златники съ именемъ «*Владимира*» къ Владиміру Великому, а скорѣе должны приписывать ихъ кievскому великому князю Владиміру Всеволодовичу Мономаху (1113—1125), внуку Ярослава I, а по матери внуку императора Константина XII Мономаха. Ему же въ такомъ случаѣ принадлежатъ и соотвѣтствующіе златникамъ въ нѣкоторомъ отношеніи экземпляры Владиміровыхъ серебряниковъ, которые сдѣланы известными съ 1810, и особенно 1852 года. Тѣ изъ экземпляровъ, которые выбиты нѣсколько правильнѣе, имѣютъ на лицевой сторонѣ круговую надпись: **ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛѢ**, а на оборотѣ: **А СЕ ЕГО СРЕБРО**¹⁵³⁾.

Ученый хранитель милиц-кабинета кievскаго университета, Я. Я. Волошинскій, склоненъ раздѣлять найденные въ Нѣжинѣ серебряники Владиміра на два разряда¹⁵⁴⁾, т. е. на серебряники Владиміра Великаго и Владиміра Мономаха. Но во первыхъ нѣсколько странно было бы то, что въ одномъ и томъ же кладѣ оказались монеты, чеканенныя въ теченіе 120 лѣтъ; да и независимо отъ этого названное раздѣленіе не основано на прочномъ началѣ. Всѣ *серебряники* Владиміра, какъ найденные съ 1810, такъ и въ 1852 году, относительно изображенія птицы не могутъ быть отдѣлены одни отъ другихъ, т. е. на всѣхъ этихъ монетахъ фигура птицы одинаково искажена, — вѣроятно потому, что денежники или сами уже не понимали болѣе первоначальнаго ея значенія, или представляли себѣ подъ нею нѣчто другое. Скорѣе можно было бы сблизить оба типа Владимірова

152) Menzel, Symbolik II, 416.

153) Владимірово сребро, принадлежащее А. О. Бычкову, изображено на Табл. С, 6. Считаю нужнымъ замѣтить, что я для востановленія надписи въ увеличенномъ видѣ посредствомъ фотографіи, считалъ съ этого экземпляра, хотя съ трудомъ, столѣтнюю грязь, которой онъ былъ покрытъ.

154) См. № 1—3 и № 4—10 на Табл. I сочиненія Волошинскаго.

злата съ серебряниками Ярослава I относительно способа выдѣлки ихъ; но второй типъ златниковъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣеть также близкое сходство съ серебряниками Владиміра, да и самыя надписи «*Владиміръ на столѣ*» и «*a se ego zlato*» — «*a se ego srebro*» совершенно однородны. Нѣтъ сомнѣнія, что столѣ добросовѣстный наблюдатель, какъ г. Волошинскій, былъ бы въ состояніи, дать болѣе рѣшительное поясненіе на счетъ этого и подобныхъ вопросовъ; но при этомъ необходимо было бы прибѣгнуть къ помощи фотографіи¹⁵⁵). На иныхъ серебряникахъ Владиміра голова князя окружена вѣнчикомъ. Еслибы это было сіяніе Святого, то можно бы было подумать, что потомки Ярослава I, именно Владиміръ Мономахъ, изображали на своихъ монетахъ св. Владиміра¹⁵⁶), какъ напр. на монетахъ чешскаго князя Яромира (см. Прилож. III) является св. Вячеславъ. Усы на портретѣ этому не противорѣчатъ, потому что и св. Димитрій (см. выше стр. 69) по правиламъ иконописанія изображается съ усами. Правила «Подлинника» объ изображеніи святыхъ князей отчасти установлены вѣроятно послѣ 13 столѣтія¹⁵⁷). Замѣтимъ еще, что по разсказу Грековъ Святославъ Игоревичъ носилъ длинныя усы¹⁵⁸).

Но едва ли историческими доводами можно подтвердить догадку, что на позднѣйшихъ русско-византійскихъ серебряникахъ изображенъ св. Владиміръ, отчасти потому что на нихъ и другіе лики князей снабжены вѣнчикомъ, отчасти же потому что и позже иногда проявляется старинный

155) Если примемъ въ соображеніе, какъ трудно изображать нныя монеты въ вѣрныхъ рисункахъ, то нельзя не пожелать, чтобы у насъ все сколько нибудь значительныя мунцъ-кабинеты снабжены были фотографическимъ снарядомъ.

156) О времени, когда начали праздновать память Владиміра равноапостольнаго см. Исторію Русской церкви, Епископа Макарія I, стр. 66 и прим. 168 (на стр. 233).

157) См. (Сахарова) Изслѣдованія о Русскомъ иконописаніи. Изданіе второе. Книжка первая. СПб. 1850. Подлинникъ. Часть вторая, стр. 11—13.

158) Leo Diaconus (IX, 11): *Δασεῖς τὰς ὀφρῦς, γλαυκοὺς ἔχων τοὺς ὀφθαλμοὺς, τὴν ῥίνα σιμῶς, ἐφίλωμένος τὸν πώγωνα, τῷ ἄνωθεν χεῖλει δασείαις καὶ εἰς μῆκος καθευμέναις ἑριξὶ κομῶν περιττωῶς.*

обычай римскихъ и римско-византійскихъ императоровъ окружать вѣнчикомъ свою голову¹⁵⁹).

Рѣшеніе вопроса, были ли златники Владиміра дѣйствительно ходячею монетою, или назначеніе ихъ состояло только въ томъ, чтобы служить для подарковъ, зависитъ частію отъ новыхъ кладовъ. Покамѣсть должно придерживаться перваго мнѣнія, доколѣ оно не будетъ опровергнуто основательно. Только подъ серебряниками едва ли слѣдуетъ разумѣть «рѣзани» историческихъ источниковъ¹⁶⁰). *Злато* соотвѣтствуетъ византійскому выраженію: *ὄψις α* (= *solidus aureus*), *χρυσός*, *χρυσίνος* и церковно-славянскому «златый, златиѣ, златица, златвиѣ, златниѣ», хотя эти выраженія рѣдко встрѣчаются въ русскихъ памятникахъ 11-го и 12-го столѣтій; но мѣсто Игоревои пѣсни («Се бо готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. *Звоня рускымъ златомъ*, поють время Бусово, лелѣють мечь Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія»), покамѣсть еще допускаетъ различныя толкованія.

159) См. выше стр. 125 (*№* 14) и ср. стр. 134 (494) выше (на стр. 67) приведеннаго сочиненія подъ заглавіемъ: *Nimbus* и проч.

160) См. Исслѣдованія М. Погодина VII, 361 и ср. мнѣніе Н. Ланге въ «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Ник. Калачовымъ. Книга первая (Приложеніе. 1859)», стр. 50.

Лѣтъ за двадцать носился слухъ, будто на одномъ экземплярѣ этихъ предполагаемыхъ чешско-византийскихъ монетъ «вокругъ шишага находятся церковно-славянскія буквы: РАСТИСЛА», и эту монету необинуясь приписали моравскому князю Растиславу, именуемому латинскими хронистами Rastize. Но еслибъ даже оказалось еще нѣсколько экземпляровъ съ этою надписью, такое историческое толкованіе было бы весьма сомнительнымъ. И дѣйствительно въ послѣдствіи, кажется, вовсе перестали говорить о золотыхъ монетахъ Растислава¹⁶⁵).

Ничего не было бы мудренаго, еслибъ нашлись церковно-славянскія надписи, вырѣзанныя на металлѣ, въ собственно такъ называемой Чехіи, потому что введеніе церковно-славянской литургіи и существованіе ея тамъ до исхода 11-го вѣка сдѣлалось неопровержимымъ фактомъ. Св. Меѳодій около 875 года крестилъ чешскаго князя Боривоя и супругу его Людмилу, которая, бывъ умерщвлена въ 927 г., погребена въ Прагѣ въ церкви св. Георгія и русскою церковью чтится какъ Святая. Она велѣла «научити книгамъ словенскимъ» своего внука Вячеслава Вратиславича, который въ 935 году былъ убитъ своимъ братомъ, Болеславомъ I. Его мощи уже 938 были перенесены въ Прагу, а вскорѣ потомъ; какъ кажется, было написано въ Богеміи на церковно-славянскомъ языкѣ житіе его, которое однако въ этомъ видѣ сохранилось только между памятниками славяно-русской письменности. Неизвѣстно, когда русскою церковью было принято чествованіе св. Вячеслава, но вѣроятно уже въ 11-мъ вѣкѣ; ибо сочинитель Сказанія «о святою мученику Бориса и Глѣба» уже упоминаетъ о мученіи князя Вячеслава¹⁶⁶). На чешско-латинскихъ мо-

165) О предполагаемыхъ монетахъ Растислава упоминаетъ еще Kilian въ Numismatische Zeitung 1847, № 21. По сказанію покойнаго Прейса, бывшаго въ 1840 г. въ Прагѣ, въ находку мнимой Ростиславлою монеты замѣшанъ былъ жидъ.

166) О времени происхожденія славянскихъ племенъ. Сочиненія О. Бодянского, М. 1855, стр. 29, 248 и прим. 179 (на ст. LXXVI). Даже нѣмецкіе историки, знающіе житіе св. Вячеслава по одному латинскому переводу, сдѣланному Миклошичемъ, держатся мнѣнія, что оно написано вскорѣ послѣ смерти Святаго, напр. Büdinger (Zur Kritik altböhmischer Geschichte. Besonders abgedruckt aus der Zeitschrift f. d. österr. Gymnasien. 1857. Heft VII. Wien), Wattenbach (Die slawische

фигурами. Въ 1771 году ихъ было найдено въ одномъ котлѣ, недалеко отъ Подмокля въ Богеміи, нѣсколько тысячъ штукъ¹⁶²). Нѣтъ сомнѣнія, что эти золотыя монеты употреблялись у народовъ, которые обитали тамъ до водворенія Чеховъ въ нынѣшнихъ мѣстахъ ихъ жительства, именно у кельтійскихъ Боіевъ¹⁶³). Но не лишено вѣроятія и то, что этому роду выдѣлки монетъ подражали *Чехи*. Въ числѣ этихъ золотыхъ монетъ есть одинъ видъ, который описывается слѣдующимъ образомъ: «На одной сторонѣ видно шейное изображеніе мужескаго лица, голова коего покрыта шлемомъ; на другой «представленъ воинъ, держащій въ правой рукѣ метательное копье, а въ лѣвой щитъ, съ крестомъ по срединѣ; воинъ прямо противъ вала, окруженнаго частоколіемъ; за спиной его, начиная отъ руки, поднята вверхъ ... «надпись: **ΣΕΓΝΗΖΕ**». Число золотыхъ монетъ съ этою надписью уже давно простиралось до нѣсколькихъ десятковъ, которые, сколько извѣстно, преимущественно были открыты въ области бывшаго велико-моравскаго царства. Бочекъ и другіе узнали въ этомъ греческомъ словѣ чешскую форму *penjz* (староболг. **ПЕНАЪЪ**, по польски *pieniądz*¹⁶⁴).

162) Beschreibung der bisher bekannten Böhmischen Münzen ... ausgefertigt von Adauctus Voigt. Des ersten Bandes erste Abtheilung. Prag 1771, p. 235.

163) Mince celtické w Čechách. Od J. Er. Wocela (см. Časopis českého Museum. 1850, p. 103—114). Краткое извлеченіе изъ этой статьи помѣщено на нѣмецкомъ въ Abhandlungen der K. Böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Band VI. 1851. (Gesch. der Ges. p. 45).

164) Въ первый разъ эти монеты сдѣлались извѣстными изъ нумизматическаго каталога Мадьяра Вичая (Viczaj), который, не умѣя прочесть ихъ надписи, назвалъ ихъ варварскими. Потомъ упомянулъ о нихъ Чехъ Пубичка. Бочекъ напечаталъ описаніе ихъ съ рисунками въ нѣмецкомъ журналѣ: Moravia 1838 № 84, а эта статья, кажется, была перепечатана въ журналѣ: Ost und West 1839 № 103. Оба эти журнала не находятся въ СПб. Библиотекахъ. Извлеченіе изъ статьи Бочка помѣщено въ Numismatische Zeitung. Weissensee 1840, № 6 (Professor Bozsek über mährisch-slawische Goldmünzen). Здѣсь надпись читается: Peginaze и Pieginate. Ср. еще Журн. Мин. Нар. Просв. Ч. XXIII (1839), Отд. IV, стр. 17 и Москвитиницъ за 1841 г. IV, стр. 485.

Лѣтъ за двадцать носился слухъ, будто на одномъ экземплярѣ этихъ предполагаемыхъ чешско-византийскихъ монетъ «вокругъ шишака находятся церковно-славянскія буквы: РАСТИСЛА», и эту монету необинаясь приписали моравскому князю Растиславу, именуемому латинскими хронистами Rastize. Но еслибъ даже оказалось еще нѣсколько экземпляровъ съ этою надписью, такое историческое толкованіе было бы весьма сомнительнымъ. И дѣйствительно въ послѣдствіи, кажется, вовсе перестали говорить о золотыхъ монетахъ Растислава¹⁶⁵).

Ничего не было бы мудренаго, еслибъ нашлись церковно-славянскія надписи, вырѣзанныя на металлѣ, въ собственно такъ называемой Чехіи, потому что введеніе церковно-славянской литургіи и существованіе ея тамъ до исхода 11-го вѣка сдѣлалось неопровержимымъ фактомъ. Св. Меѳодій около 875 года крестилъ чешскаго князя Боривою и супругу его Людмилу, которая, бывъ умерщвлена въ 927 г., погребена въ Прагѣ въ церкви св. Георгія и русскою церковью чтится какъ Святая. Она велѣла «научити книгамъ словенскимъ» своего внука Вячеслава Вратиславича, который въ 935 году былъ убитъ своимъ братомъ, Болеславомъ I. Его мощи уже 938 были перевесены въ Прагу, а вскорѣ потомъ; какъ кажется, было написано въ Богеміи на церковно-славянскомъ языкѣ житіе его, которое однако въ этомъ видѣ сохранилось только между памятниками славяно-русской письменности. Неизвѣстно, когда русскою церковью было принято чествованіе св. Вячеслава, но вѣроятно уже въ 11-мъ вѣкѣ; ибо сочинитель Сказанія «о святою мученику Бориса и Глѣба» уже упоминаетъ о мученіи князя Вячеслава¹⁶⁶). На чешско-латинскихъ мо-

165) О предполагаемыхъ монетахъ Растислава упоминаетъ еще Kilian въ Numismatische Zeitung 1847, № 21. По сказанію покойнаго Прейса, бывшаго въ 1840 г. въ Прагѣ, въ находку мнимой Ростиславлою монеты замѣшанъ былъ жидъ.

166) О времени происхожденія славянскихъ племенъ. Сочиненія О. Боданскаго, М. 1855, стр. 29, 248 и прим. 179 (на ст. LXXVI). Даже нѣмецкіе историки, знающіе житіе св. Вячеслава по одному латинскому переводу, сдѣланному Миклошичемъ, держатся мнѣнія, что оно написано вскорѣ послѣ смерти Святого, напр. Büdinger (Zur Kritik altböhmischer Geschichte. Besonders abgedruckt aus der Zeitschrift f. d. österr. Gymnasien. 1857. Heft VII. Wien), Wattenbach. (Die slawische

нетахъ ликъ св. Вячеслава попадаетъ уже, если не при Болеславѣ II, то при его сынѣ Яромирѣ (1004—1012), какъ о томъ свидѣтельствуютъ между прочимъ разные экземпляры найденные неподалеку отъ Ростова¹⁶⁷⁾, а потомъ и при его преемникахъ Удалярхѣ (Uldrih- Андрей, 1012—1037), съ которымъ состоялъ въ сношеніяхъ Владиміръ Великій, и Брячиславъ I (1037—1055), который принялъ подъ могущественную защиту славянское богослуженіе. Конечно не безъ значенія то, что только на монетахъ Брячислава попадаетъ ликъ св. Климента, почитаніе котораго такъ заботились утвердить славянскіе апостолы.

Не смотря на то, что Русь, со времени Олега завладѣвшаго частью Бѣлохорватіи, приблизилась къ Моравіи, могло быть, что рукописи церков-

Liturgie in Böhmen und die altrussische Legende vom heiligen Wenzel. Breslau 1857) и Dümmler. Ср. и замѣчанія П. Прейса въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1839 г. (Ч. XXII, Отд. VII, стр. 1—4).

«Извѣстіе о древнемъ канонѣ въ честь св. Вячеслава Чешскаго» сообщено И. Срезневскимъ въ Извѣстіяхъ И. А. Н. по Отдѣленію Русскаго языка (1856). Т. V, стр. 191 и 275. — Неизвѣстно, признавалъ-ли кто-нибудь изъ русскихъ князей, называвшихся Вячеславомъ или Вячко, своимъ покровителемъ св. Вячеслава.

Касательно судьбы греко-славянскаго богослуженія въ Чехіи см. статью Евг. Новикова: «Православіе у Чеховъ» въ Чтеніяхъ Моск. Общества Исторіи. (Годъ III № 9. 1848. Смѣсь). Должно сказать, что содержаніе этой статьи не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея заглавію.

167) Чешскіе нумизматы Ганка и другіе (Numismatische Zeitung, 1847, p. 156, 163) давно узнали изображеніе св. Вячеслава на монетахъ князя Яромира. Экземпляры того же типа, найденные въ Россіи, изображены г. Кёне (См. Mémoires de la soc. d'Archéologie de St.-Pét. Vol. IV, 1850, 97; Рисунки на Табл. XIII, 5, 6 третьяго тома. Также въ Запискахъ Археол. Общ. IV, 167; Табл. VI, 5, 6).

Недавно издано начало описанія чешскихъ монетъ — плодъ многолѣтнихъ трудовъ почтеннаго ветерана В. Ганки. Это описаніе напечатано, хотя до сихъ поръ только въ сокращенномъ видѣ, въ чешскихъ Памятникахъ (Památky см. выше прим. 144). Тамъ же (Dil II, стр. 177 и Таб. VIII) описаны и изображены монеты Яромира съ ликомъ св. Вячеслава.

но-славянской письменности Чеховъ получались въ Кіевѣ чрезъ посредство Польши¹⁶⁸). Съ двухъ сторонъ христіанство вмѣстѣ съ славянскимъ богослуженіемъ проникало въ предѣлы Польши; во-первыхъ изъ Моравіи въ 9 вѣкѣ въ малую Польшу (Краковъ), а потомъ изъ Богеміи въ 10 вѣкѣ въ великую Польшу (Гнезень). Еще св. Меѳодій около 880 года старался обратить могущественнаго ляхскаго князя въ Вислицѣ¹⁶⁹). По изгнаніи его Краковъ, вѣроятно, принадлежалъ къ моравскому царству, а позже перешелъ къ чешскому, у котораго и оставался до 999 года. Между тѣмъ и въ великой Польшѣ была положена прочная основа къ введенію христіанства. Князь Мѣчиславъ I въ 965 году сочетался бракомъ съ Дубравкою, дочерью чешскаго князя Болеслава I и племянницею св. Вячеслава, а вскорѣ за тѣмъ принялъ св. крещеніе. Сынъ ихъ былъ Болеславъ Храбрый (съ 992—1025 годъ), который, какъ и ближайшіе его преемники, между прочимъ подражалъ чешскимъ монетнымъ типамъ.

Когда г. Стрончинскій въ 1847 году издалъ свой трудъ о монетахъ Пястовъ¹⁷⁰), онъ сообщилъ также каталогъ отчасти неизвѣстныхъ монетъ, нѣкогда принадлежавшихъ прусскому ландрату Волянскому. Нѣкоторыя изъ

168) Мѣсто въ Несторовой лѣтописи: «Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилаемъ ихъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове..» я уже давно не принимаю за народное преданіе, но вижу въ немъ лишь отголоскъ ложной краковской учености 11-го вѣка, отъ вреднаго вліянія котораго польскіе ученые до сихъ поръ не могутъ освободиться.

169) Св. Меѳодій, «пославъ же къ нему (князю вислянскому изъ рода Попеловичей) рече: добро ти ся крѣтити, сыноу, волею своею на своей земли, да не сплѣненъ поудми крещенъ боудеши на чюжен земли, и помянеши мя, еже и бысть». Въ польскихъ часословахъ до сихъ поръ сохранилась молитва за славянскихъ апостоловъ (nostri apostoli et patroni). См. *Zywot ś Metodego*. Wydał August Bielowski Lwów 1858, p. 6.

170) *Pieniądze Piastów od czasów najdawniejszych do roku 1300*. W Warszawie 1847. Съ явленія этого сочиненія въ свѣтъ началась систематическая обработка древне-польской нумизматики. Слышно, что авторъ приготавливаетъ Прибавленіе къ своему большому сочиненію.

нихъ будто бы снабжены славянскими надписями¹⁷¹⁾; но какъ при описаніи нѣтъ изображеній монетъ, то это свѣдѣніе должно принять съ нѣкоторою недобѣрчивостью, тѣмъ болѣе что Волянскій, какъ толкователь древностей, позволялъ себѣ много произволу. Впрочемъ онъ, сколько извѣстно, никогда не былъ виновенъ въ грубомъ подлогѣ монетъ. Объ умышленномъ обманѣ нечего и думать относительно монеты, изображаемой здѣсь ниже (Табл. D, 5) по книгѣ Стрончинскаго, который описываетъ (стр. 250) ее такъ:

«*Solidus* — S. G. w obwodzie zwoyczajnymъ cosъ na kształtъ kwiatu w koło + BOLESLAV. O. DVX.

«— S. O. krzyżъ patryarchalny, w kątachъ między ramionami kółka.

«Znajdowałъ się w zbiorze Tadeusza Wolańskiego, zresztą nigdzie nie byłъ widziany. Ze wszystkichъ pieniędzy Bolesławowskichъ tenъ najbardziej od Czeskichъ Bolesławówъ odbiega, i najprędzejъ może być Polskiejъ mennicy wyrobemъ»¹⁷²⁾.

Едва вышло въ свѣтъ сочиненіе Стрончинскаго лѣтомъ 1847 года, какъ въ октябрѣ сдѣлался извѣстнымъ кладъ монетъ, незадолго передъ тѣмъ найденный между Сендоміромъ и Краковымъ въ окрестностяхъ Пивчова и перешедшій во владѣніе К. Бейера. Этотъ кладъ описанъ былъ Стрончинскимъ, а потомъ на его основаніи также Лелевелемъ¹⁷³⁾. Ссылаясь на

171) См. Spisъ monetъ piastowskichъ znajdującychъ się niegdysъ w zbiorze Tadeusza Wolańskiego, p. 8, № 53—62.

172) Сообщаемъ въ выписку изъ объясненія Волянскаго (на стр. 8):.... «№ 63 Ten tu solidusъ ... носи на sobie wyraźny napisъ *Boleslaus Dux* przy tymъ samymъ krzyżu, który wrazъ z łukiemъ pojedynczymъ i podwójnymъ, orazъ trójkątamiъ znajduje się на монетachъ podъ liczbą 46—52...». Изъ этихъ нумеровъ въ каталогѣ Волянскаго изображены только два экземпляра съ особымъ видомъ патриаршаго креста. Объ ихъ посредственной или непосредственной связи съ византійскими монетами у Волянскаго нѣтъ ни слова.

173) Nowości numizmatyczne. Z gyciną (см. Журналъ: Biblioteka Warszawska. 1848. Томъ первый, 93—100).

Polska wiekówъ średnichъ czyli Joach. Lelwela w dziejachъ narodowychъ polskichъ postrzeżenia. Томъ IV. Poznań 1851, 339. 353 «..w myśli pieniędzyъ szczególnychъ «dla Rusi, (moneta) mogła być bita gdzieśъ bliżej: może w mennicy sandomirskiej».

имѣющіяся въ этомъ кладѣ англо-саксонскія, нѣмецкія, венгерскія и чешскія монеты, Стрончинскій утверждаетъ, что монеты вмѣстѣ съ слитками были зарыты незадолго до 1060 года; но его доводы въ частности еще требуютъ нѣкоторой повѣрки. Въ числѣ монетъ была одна, которая подходитъ къ Болеславской монетѣ Волянскаго; находящуюся на ней (см. Табл. D, 4) надпись мы здѣсь передаемъ Остромировскимъ прифтомъ:

Б Ъ
БОЛ ЄСА
И
..ЛЄЄ БЪ ¹⁷⁴).

Первое извѣстіе объ этой монетѣ было у насъ принято съ недовѣрчивостью ¹⁷⁵). И я также долго колебался признать ее за подлинную. Однако, судя по формѣ креста невѣроятно, чтобы оба эти экземпляра были въ новѣйшее время поддѣланы въ Польшѣ. Стрончинскій полагалъ, что кирилловская монета чеканена въ Кіевѣ, который въ 1018 году на короткое время былъ занятъ Болеславомъ I Храбрымъ. По догадкѣ же Лелевеля она была

174) Рисунокъ этой монеты, приложенный къ Библіотекѣ Варшавской, вышелъ не совсѣмъ удачнымъ, и еще менѣе у Лелевеля. Благодаря услужливости г. Бейера, (издателя великолѣпнаго изданія: Album photographique des objets d'art et d'antiquité, exposés par les soins Impériale et Royale des sciences à Cracovie en 1858 et 1859) я могу ниже (Табл. D, 4) сообщить болѣе точный снимокъ. Выпшемъ нѣсколько мѣстъ изъ описанія К. Стрончинскаго (стр. 97 и 98), полагающаго, что серебро Болеслава *никакимъ образомъ* не можетъ быть относено къ монетамъ чешскихъ князей: «bo się różni od nich nietylko mniejszą wagą, ale nawet całą powierchownością, Byzantyńskie pieniądze najbardziej przypominająca...».

«Należy ona do monet zwanych w technice numizmatycznej *solidami*, i pod tym względem podchodzi pod piérwszą epokę numizmatyki Piastów, która się przed «wstąpieniem na tron Bolesława II zakończyła... Stopa w nim (pieniądz) najwięcej do «Niemieckiej stopy zbliżona, rysunek zaś na Byzantyńskich ukształcony wzorach ... «Wybicie to po r. 1018, to jest po zdobyciu ostatecznym Kijowa mogło mieć miejsce».

175) Записки СПб. Археологическо-нумизматическаго Общества. Томъ I 1849, стр. 272.

выбита въ южной Польшѣ для обитателей русскаго племени. Но оба эти мѣ-
нія пока еще не доказаны.

Возбужденное у насъ въ 1848 году подозрѣніе на счетъ подлинности Болеславовой монеты съ бирилловскими надписями, можно надѣяться, исчезнетъ, какъ скоро мы разсмотримъ её въ одномъ разрядѣ византійскихъ монетъ, о которомъ Волянскій, Стрончинскій и Лелевель не могли еще имѣть вѣрнаго понятія, потому что онъ въ цѣломъ своемъ объемѣ можетъ быть обозрѣваемъ только съ 1857 года. Мы называемъ этотъ разрядъ монетъ и медалей *варяжско-византійскимъ*, не считая однако за невозможное, чтобы въ числѣ ихъ не встрѣчались и брактеаты, выбитые на югѣ Скандинавіи еще во времена готскихъ дружинъ (*étairéia*), состоявшихъ въ византійской службѣ. Сверхъ того нѣкоторыя изъ этихъ медалей могутъ принадлежать также нижне-нѣмецкимъ племенамъ или прибалтійскимъ (померанскимъ) Славянамъ. Для правильнаго уразумѣнія этого, и для первобытной исторіи Руси важнаго предмета приведемъ здѣсь нѣкоторыя предварительныя историческія замѣчанія.

Племя Норманновъ около начала христіанскаго лѣтосчисленія населяло только среднія и сѣверныя части нынѣшней Швеціи и Норвегіи. Южныя же части скандинавскаго полуострова, большая часть острововъ и южнаго побережія балтійскаго моря были населены въ то время еще *монархически* управляемыми Готами. На берегахъ сѣверно-нѣмецкаго моря съ болѣе демократическимъ образомъ правленія жили нижне-нѣмецкія племена, часть которыхъ въ 5-мъ вѣкѣ основала англо-саксонское царство. Во 2-мъ столѣтіи большая часть Готовъ покинула прежнія свои жилища, но нѣкоторые роды еще остались тамъ и начали сливаться съ тѣснившимися къ югу Норманнами, особенно Датчанами. Еще въ 528 году дружина готскихъ Геруловъ, состоявшихъ, подъ названіемъ федератовъ, въ службѣ византійскаго императора, прошла съ низовьевъ Дуная чрезъ страны полабскихъ Славянъ въ южную Скандинавію, ища себѣ тамъ царя изъ древне-княжескаго рода. Связи скандинавскаго сѣвера съ Византіей и Италіей въ теченіе 6-го вѣка, при чемъ вывозимые изъ Руси собольи мѣха играютъ немаловажную роль, засвидѣтельствованы положительными источниками. И такъ весьма естественно, что въ Скандинавіи находятъ частыя клады старинныхъ византійскихъ монетъ.

Готскія, нижне-нѣмецкія и скандинавскія племена еще до упомянутаго

сѣвернаго переселенія народовъ, начавшагося во 2-мъ вѣкѣ, употребляли руническія письмена, разные памятники которыхъ уцѣлѣли до сихъ поръ. Письмена эти разнаго вида. Всѣхъ проще и разборчивѣе *норманскія* руны, принадлежащія впрочемъ уже младшей эпохѣ, т. е. современной основанію русскаго государства ¹⁷⁶). Не этими новѣйшими рунами, а по преимуществу тѣми, которыя ближе примыкаютъ къ англо-саксонскимъ и готскимъ руническимъ азбукамъ, снабжены такъ называемые *золотые брактеаты* (по датски: *Guldbracteater*), которые всего чаще попадаются въ Скандинавіи, именно на датскихъ островахъ, и чеканены были не позже 11-го вѣка: это — фактъ, вѣрность котораго несомнѣнно подтверждается тѣмъ, что вмѣстѣ съ золотыми брактеатами такъ часто зарывались византийскія монеты отдѣльныхъ императоровъ опредѣленной эпохи. Другіе изъ этихъ брактеатовъ находятся въ болѣе тѣсной связи съ монетами западной Европы. Всѣ эти драгоценныя памятники сдѣлались доступными наукѣ лишь съ тѣхъ поръ, какъ Томсенъ издалъ болѣе 200 ихъ изображеній съ краткими примѣчаніями ¹⁷⁷). Этотъ знаменитый знатокъ скандинавскихъ древностей еще въ 1836 году не могъ воздержаться отъ догадки, что иные изъ этихъ брактеатовъ были вѣроятно выдѣланы въ южной Россіи.

176) Главные виды рунъ изображены въ изданіи Нипперта (Азбуки восточныхъ и западныхъ языковъ. СПб. 1859. Продается въ книжныхъ магазинахъ Струговщикова и Эггерса). Впрочемъ, надобно замѣтить, что болѣе вѣрный снимокъ съ рунъ вырѣзанныхъ на т. н. золотомъ рогѣ, напечатанъ въ изданіи копенгагенскихъ антикваріевъ: *Annaler for Nordisk Oldkyndighed og Historie*. 1855, p. 372. Этотъ Томъ полученъ въ С.-Петербургѣ лишь по выходѣ въ свѣтъ «Азбукъ».

177) При составленіи «Историческаго Введенія» я имѣлъ въ виду (см. стр. 9) нѣкоторыя изъ этихъ золотыхъ брактеатовъ, но лишь въ последнее время успѣлъ ближе ознакомиться съ превосходнымъ изданіемъ сѣверныхъ антикваріевъ, въ которомъ эти памятники изображены. См. *Atlas de l'Archéologie du Nord, représentant des échantillons de l'âge de bronze et de l'âge de fer, publié par la Société Royale des Antiquaires du Nord*. Copenhague 1857, in-fol. Описание же этихъ золотыхъ брактеатовъ (*Om Guldbracteaterne og Bracteaternes tidligste Brug som Mynt, ved C. J. Thomsen*) напечатано въ выше упомянутыхъ «Annaler» за 1855 г., стр. 265—347.

Только вкратцѣ замѣтимъ здѣсь, что эти золотые брактеаты, — число серебряныхъ и мѣдныхъ вовсе незначительно, — весьма различны по величинѣ и художественной отдѣлкѣ. Есть иные больше рублевика, другіе съ полтинникъ, а нѣкоторые съ гривенникъ величиною. Какъ всѣ ередневѣковые брактеаты¹⁷⁸⁾, такъ и эти (золотые) только на одной сторонѣ съ чеканомъ. Большая часть снабжена круговою надписью, другіе же прямолинейною, однако имѣется не мало и такихъ, которые представляютъ изображенія, мистическіе или символическіе знаки, объяснимые только съ помощью міѳологіи. На очень многихъ видны портреты воиновъ въ профиль, изъ коихъ иные сражаются съ драконами. Большая часть надписей состоитъ изъ однѣхъ рунъ, или изъ рунъ, перемѣшанныхъ съ латинскими буквами, которые можно назвать варяжско-монетной азбукой.

178) Bracteati pummi — замѣчаетъ Дюканжъ — a *bractea*, quae est tenuissima auri argenteae lamina, ex qua conficiebantur, vel qua ii inducebantur, т. е. *брактеатами* по преимуществу называются монеты изъ тонкихъ золотыхъ или серебряныхъ листовъ, на которыхъ фигуры или надписи выбиты только съ одной стороны, такъ, что онѣ кажутся вогнутыми или имѣющими форму блюдечка. Древне-латинское слово *bractea* первоначально значило просто *бляху*, *Blech*, откуда слово *Blechmünze* = брактеатъ низшаго сорта. См. выше стр. 21.

Каченовскій сообщилъ (Два разсужденія о кожаныхъ деньгахъ и о Русской Правдѣ. М. 1849, стр. 10) «за новостъ, что въ лѣтописи Кіевской не одинъ разъ упоминается о *бретяницахъ*». По при этомъ не должно выпускать изъ виду, что *бретяница*, подобно древнему слову: *скотыница*, указываетъ на какую-то мѣстность или хранилище. О такой «бретяницѣ» упоминается подъ 6654 г. (см. Ипат. Списокъ на стр. 26 и 27): «идоста на Игореве селце, идѣже баше устроилъ дворъ «добрѣ; бѣ же ту готовизны много въ бретяницахъ . . . повелѣста зажечи дворъ и «церковь святаго Георгія (ср. выше прим. 94).

Не смѣя сблизить слово: «бретяница» ни съ латинскомъ: «*bractea*», ни съ древне-русскимъ: «*братина*», я укажу только на нѣкоторыя средне-латинскія выраженія:

Bractea, *bratteator* = *πταλοποιός*; *brattea* = *πέταλον*; *bractea*, *bratteum* = *πέταλον*; *bractearius*, *blattearius* = *πταλουργός*, *μεταλλουργός*.

Иныя изъ этихъ надписей безъ сомнѣнiя также безтолково скопированы съ чужихъ монетъ, какъ и многiя татарскiя надписи на русскихъ монетахъ. Замѣчательно, что нѣкоторые экземпляры этихъ брактеатовъ, хотя одинаковые между собой, чеканены разными штемпелями. Но за всѣмъ тѣмъ Томсенъ рѣшительно того мнѣнiя, что эти золотые брактеаты служили только вмѣсто шейныхъ украшенiй или амулетовъ. И дѣйствительно у многихъ изъ нихъ еще хорошо сохранилось ушко, объ иныхъ же извѣстно, что они найдены въ могилахъ. А потому эти золотые брактеаты для различiя отъ средневѣковыхъ монетныхъ брактеатовъ можно прямо называть *шейными брактеатами* и подвести подъ одинъ изъ разрядовъ шейныхъ гривень. Но навѣрно ихъ должно считать также знаками цѣнности. Къ сожалѣнiю, Томсенъ вовсе не подумалъ объ опредѣленiи ихъ вѣса, что послѣ выше замѣченнаго на счетъ шейныхъ гривень (стр. 10) было бы особенно важно.

Нѣтъ сомнѣнiя, что жители Скандинавiи, и въ числѣ ихъ вѣроятно прежде Готы, научились чеканить брактеаты у Византийцевъ. Сходство между ними и римско-византийскими брактеатами и византийскими монетами вообще относительно многихъ экземпляровъ разительно. Мѣсто портрета византийскаго императора верѣдко, по видимому, заступало изображенiе туземнаго князя. Въ доказательство сошлемся на ниже (Табл. D, 6) изображенный брактеатъ съ руническою надписью, котораго въ Скандинавiи найдено нѣсколько экземпляровъ и который по мнѣнiю Томсена (стр. 335) всего ближе подходит къ монетамъ сыновей царя Θεодосiя и ихъ преемниковъ 5-го вѣка. Мы при-совокупимъ, что этотъ брактеатъ можетъ быть отнесенъ и къ началу 6-го столѣтiя, потому что римско-языческое изображенiе, служившее первообразомъ, въ послѣднiй разъ встрѣчается на монетахъ Юстина I († 527), на которыхъ онъ изображенъ въ началѣ своего царствованiя съ *копьемъ*, а потомъ съ *крестомъ*.

Ближе къ нашей цѣли, перейдемъ къ вѣку Владимiра и Ярослава, около котораго по всей вѣроятности были чеканены объ монеты Болеслава съ большимъ патриаршимъ крестомъ¹⁷⁹). Подъ № 36—38 въ Атласѣ Томсена

179) О патриаршемъ крестѣ (croix patriarcale) кое-что сообщилъ Лелевель (Numismatique du moyen-âge. Atlas. 1835) XXXII и XXXVI. Особый видъ малаго

изображены три брактеата, величиною съ полтинникъ, представляющіе два византійскіе портрета неодинаковой выдѣлки. Первый изъ нихъ серебряный, принадлежащій г. Томландеру въ Гельсингфорсѣ, представляетъ только эскизъ или очеркъ портретовъ и снабженъ рунической надписью въ видѣ вязи. На найденномъ въ Шоніи брактеатѣ изъ желтой мѣди (Messing, № 37) имѣется круговая надпись, заключающая въ себѣ латинскій алфавитъ отъ А до буквы I = c, — подобно тому какъ другой золотой брактеатъ (№ 99) содержитъ полный руническій алфавитъ, подходящій къ англо-саксонскому. На мѣдномъ брактеатѣ (№ 38), найденномъ на островѣ Эландѣ, видна круговая надпись, состоящая изъ 6 буквъ: ОНІ НОІ (= Ihs Xis?), которыя верхнимъ концемъ малаго патріаршаго креста очевидно раздѣлены на двѣ части или слова. Съ перваго взгляда нельзя не узнать, что оба портрета вмѣстѣ съ малымъ патріаршимъ крестомъ — подражаніе монетамъ византійскихъ царей Василія II и Константина XI (976 — 1025), родственниковъ болгарской княжны Анны, матери св. Бориса и Глѣба¹⁸⁰). Этотъ же самый типъ попадаетъ и на монетахъ. Такая монета найдена въ Финляндіи и изображена подъ № 248: на ней явственно видны лики обоихъ византійскихъ

якорнаго креста встрѣчается на фрескахъ кіево-софійскаго собора. См. у Фунду-клея (Обозрѣніе Кіева стр. 40).

Исторія изображенія крестовъ въ Россіи далеко еще не объяснена, какъ слѣдуетъ. См. на пр. статью: О видѣ креста, на основаніи рукописей Императорской Публичной Библіотеки 11—16 вѣка (въ Христіанскомъ Читаніи. 1855. Часть II, стр. 477—498) и статью Макарія: О формѣ крестовъ на главахъ храмовъ и колоколенъ (въ Извѣстіяхъ И. Археол. Общества. Томъ II, столб. 145—149).

180) Уже Татищевъ (II, 409) и Кастельнанъ (Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la nouvelle Russie, par le marquis Gabriel de Castelnan. Paris 1820, I, p. 116) принимали Анну, супругу Владиміра I, за двоюродную сестру или за племянницу царей Василія и Константина. См. О лѣтописи Якимовской, П. Лавровскаго (въ Уч. Зап. II Отдѣл. И. Акад. Наукъ. Книга II, вып. 1, стр. 155) и Исторію Русской Церкви, Макарія (Томъ I 1857, стр. 230 прим. 156). Прибавимъ къ тому, что имена: Борисъ и Глѣбъ, неизвѣстныя Грекамъ, были наследственными въ тюркской династіи дунайскихъ Болгарь.

императоровъ, но съ другаго подлинника; на лицевой сторонѣ этой монеты имѣется загадочная круговая надпись, а на оборотѣ кувфическо-арабская надпись въ полѣ и также съ загадочною круговою надписью. Тотъ же самый типъ съ малымъ патриаршимъ крестомъ обоихъ императоровъ виденъ также на одной монетѣ, найденной въ Померани, которая изображена ниже (Табл. D, 7) для того, чтобы обратить на нее вниманіе хранителей нашихъ минцъ-кабинетовъ и находчиковъ нумизматическихъ кладовъ¹⁸¹⁾.

Монеты двухъ братьевъ-царей Василя II и Константина XI, сыновей Романа II, нерѣдко попадаются и въ русскихъ кладахъ, и вѣроятно не очень часто въ Польшѣ и Богеміи¹⁸²⁾. Не удивительно, что чешскій князь Яромиръ, сынъ Болеслава II набожнаго, помѣстилъ на собственныхъ своихъ монетахъ портреты обоихъ византийскихъ императоровъ съ небольшимъ патриаршимъ крестомъ. Въ Богеміи случилось почти тоже самое, что и въ Дании¹⁸³⁾, т. е. баварско-латинская и англо-саксонско-латинская чеканка древнѣй-

181) Она принадлежитъ берлинскому нумизмату Давненбергу, который впервые ея описалъ. См. Mittheilungen der numismatischen Gesellschaft in Berlin. Drittes Heft. 1857, p. 218; Табл. X, 177.

182) Можетъ быть, видѣтъ съ варяжскими брактеатами или варяжско-куфическими монетами. См. у Томсена, № 40—45. Монеты царей-братьевъ изображены напр. у Sabatier, Pl. XVIII, 24 и 25. Малую монету этихъ царей можно видѣтъ у Sauley, Pl. XXIII, 6 и въ сочиненіи гр. С. Г. Строганова (Дмитріевскій Соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ. М. 1849. Табл. XXIII, 14). Та-же монета, но лучшему экземпляру, у Томсена (№ 36^a). Кроме того, у него подъ № 36^b изображена лицевая сторона большой монеты Василя II и Константина XI, при чемъ онъ увѣряетъ, что первая (подъ № 36^a) весьма часто встрѣчается въ скандинавскихъ кладахъ, прибавляя къ тому, что она служитъ, вѣроятно, первообразомъ для брактеатовъ подъ № 36^c, 37 и 38.

183) Издавая нѣсколько варяжско-византийскихъ монетъ съ изображеніемъ византийскихъ царей-братьевъ, Томсенъ (Blätter für Münzkunde, herausgeg. von Grote. Hannover 1836, стр. 333 и XV, № 195—200) такъ отзывается о влияніи Византіи на скандинавскую нумизматику:

«Hauptursache der Verbindung war immer, dass Haufen von Skandinavien nach

шихъ чешскихъ монетъ отчасти измѣнена вліяніемъ византійскаго типа. Причиною тому, по всей вѣроятности, была реакція противъ латинскаго гоненія на введенное св. Меѳодіемъ богослуженіе по греко-славянскому обряду. Вообще старинная чешская нумизматика отличается разными особенностями, которыя болѣе или менѣе повторяются и на польскихъ и отчасти на русско-татарскихъ монетахъ (см. выше стр. 133): Здѣсь замѣтимъ только, что на монетахъ Яромира (1004 — 1012), отчасти найденныхъ въ Россіи, видны лики обоихъ византійскихъ братьевъ-царей, и что на оборотѣ другихъ является также *византійскій* ликъ Христа съ Евангеліемъ въ рукѣ и съ надписью: Христосъ, то греческими, то латинскими буквами¹⁸⁴) На оборотѣ двухъ типовъ монетъ, на лицевой сторонѣ которыхъ изображены братья-императоры, (съ латинскою круговою надписью: Iaromir Dux), виденъ въ находящемся посреди поля

«Constantinopel zogen, um in der berühmten Abtheilung der kaiserlichen Leibwache, «welche aus Skandaviern und Engländern bestand, zu dienen; und so oft diese «Abtheilung durch neue Ankömmlinge rekrutirt wurde, gingen wieder andere zurück, «und führten dem Norden nicht nur Gold und Kostbarkeiten, sondern selbst den byzan- «tinischen Geschmack zu, welcher in mehreren Arbeiten nachgeahmt wurde. Die ersten «Münzen des Nordens waren getreue Nachahmungen englischer, und die ersten nordi- «schen Münzmeister scheinen, wie man aus ihren Namen schliessen darf, Engländer «gewesen zu sein. Allein nach dem Tode Knut's des Grossen († 1036) und seiner «Söhne ist hierin eine Reaction erfolgt; man verliess das Englische und nahm das «Vaterländische und Byzantinische auf; die Runen und völlig byzantinische Typen «kommen auf einmal zur Vorscheine, und erst unter den Söhnen Swen Estridsons nahm «man wieder die englischen Münzen zum Muster, doch behielt man während jener «ganzen Reactions-Zeit den englischen Gebrauch, dass die Namen des Münzmeisters «und der Münzstadt wenigstens gewöhnlich auf den Münzen angegeben wurden, bei...».

184) См. изображенія ихъ у Беккера (200 seltene Münzen. Dresden 1813. Табл. II, 56), Каппе (Mittheilungen der numism. Gesellsch. in Berlin. 1 Hest. 1846. стр. 48; 2. Hest, стр. 102) и Кёне (Mém. de la Soc. d'Archéologie, Vol. IV, 97, 98; Vol. III. Pl. XIII 5, 7; Зап. Археол. Общ. 1852. Томъ IV, 167, Табл. VI, 5, 7). Но объясненія византійскихъ типовъ, высказанныя этими авторами, теперь требуютъ измѣненія. Ср. рисунки у Гауки (Památky II, Tab. VIII и слѣд.).

кружкѣ ликъ св. Вячеслава впрямь (en face) съ сіяніемъ ¹⁸⁵). На другихъ же экземплярахъ, которые попадаются и въ русскихъ владахъ, главная сторона представляетъ въ кружкѣ ликъ св. Вячеслава съ круговою надписью: Iago-
miri dux, между тѣмъ какъ на оборотѣ стоитъ имя чешскаго Святаго въ видѣ
круговой надписи: Sc. Vezeslavs ¹⁸⁶).

Такимъ образомъ мы приобрѣли исходную точку для описанія и историческаго объясненія обѣихъ болеславовыхъ монетъ съ *большимъ* патриаршимъ крестомъ, который въ *этомъ* видѣ не можетъ быть заимствованъ съ западныхъ типовъ. Очевидно къ тому же самому разряду монетъ относятся отдѣльные экземпляры, изображенные у Стрончинскаго въ Приложеніи и отчасти объясненные, но только безъ строгаго различія чешскаго и польскаго типовъ ¹⁸⁷). Встрѣчается ли большой патриаршій крестъ на русскихъ памятникахъ, — рукописи въ этомъ отношеніи едва-ли что либо значать, — пусть рѣшатъ это другіе. Малый патриаршій крестъ, т. е. верхняя половина большаго, на западѣ Европы, со включеніемъ Даніи, въ средніе вѣка хотя и попадаетъ, но сравнительно не слишкомъ часто, тогда какъ онъ и понынѣ еще красуется на русскихъ церквахъ ¹⁸⁸). Также вопросъ о существованіи большаго патриаршаго креста на византийскихъ архитектурныхъ и металлическихъ памятникахъ, мы должны предоставить разысканіямъ другихъ изслѣдователей.

На византийскихъ монетахъ къ двумъ видамъ Болеслава сребра болѣе всего подходятъ разные патриаршіе кресты, которые мы, кромѣ вышеупомянутыхъ экземпляровъ двухъ братьевъ-императоровъ, встрѣчаемъ также на монетахъ ¹⁸⁹) Константина X и Романа II (948—959) и Іоанна I Цимисхія (969—976). Это переноситъ насъ въ вѣкъ чешскаго князя Болеслава II благочестиваго (967—999), племянника св. Вячеслава. Въ его

185) См. выше прим. 184 (у Ганки VIII, 5, 6; у Кёне VI, 5).

186) См. выше прим. 184 и ср. прим. 167.

187) См. Spis стр. 7 и 8.

188) См. напр. рисунки въ «Памятникахъ древняго художества въ Россіи Издавіе А. А. Мартынова. Тетрадь первая 1850».

189) Saulcy, Pl. XXI, 2; XXII, 3; ср. Sabatier XVII, 15, 29.

княженіе Чехія достигла высшей степени своего могущества и къ ней принадлежали Словакія, Моравія и польская Хорватія, начиная отъ самой Моравіи вмѣстѣ съ столицею Краковомъ, вѣроятно со времени распадена великаго моравскаго царства. По своей сестрѣ Дубравкѣ Болеславъ былъ шуринъ перваго христіанскаго польскаго короля въ Гнезенѣ, а со времени покоренія червонскихъ городовъ Владиміромъ В. въ 981 году, царство его вошло съ Русью еще въ большее соприкосновеніе. Не ему ли, какъ современнику Іоанна Цимискія, слѣдуетъ приписать обѣ монеты съ большимъ патріаршимъ крестомъ? Правда, многочисленныя латинскія монеты, приписываемыя этому князю Ганкою, не обнаруживаютъ на себѣ никакого византійскаго вліянія; но при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ нельзя не пожелать, чтобы чешскіе и польскіе нумизматы-ислѣдователи взяли на себя трудъ точно опредѣлить сходство, существующее между латинской Болеславовой монетой съ большимъ патріаршимъ крестомъ, и другими типами Болеславовыхъ монетъ, какъ чешскихъ такъ и польскихъ. Бывъ принуждены, по особымъ обстоятельствамъ, отказаться отъ этого сравненія, мы пока позволяемъ себѣ сдѣлать лишь нѣкоторыя замѣчанія.

О Болеславѣ I (935—967), убійцѣ св. Вячеслава, здѣсь нечего и говорить, потому что на его монетахъ еще не попадаются лики ни князей, ни священныхъ особъ. На монетахъ Болеслава III (999—1002) намъ, какъ кажется по историческимъ причинамъ, нечего искать, что бы напоминало о Византіи, хотя нельзя не упомянуть о томъ, что на его монетахъ лице князя въ первый разъ изображается *впрямь*. Изъ сличенія круговой надписи на лицевой сторонѣ нѣкоторыхъ несомнѣнно чешскихъ монетъ съ круговою надписью монеты на таблицѣ D, 5, оказывается какое-то сходство между ними. Обратная сторона монеты на таблицѣ D, 5 по свидѣтельству Волянскаго къ сожалѣнію стерлась. Надпись же на главной сторонѣ кирилловской монеты Болеслава размѣщеніемъ буквъ напоминаетъ отвѣсныя надписи на византійскихъ иконахъ, на Ярославлѣ сребрѣ и на венгерской коронѣ¹⁹⁰⁾. Святаго

190) На ней (ср. Saulcy, XXIX, 8) имя Михаила вырѣзано такъ:

X
MI и проч.

ли изображаетъ ликъ на лицевой сторонѣ или князя, это покамѣсть остается нерѣшеннымъ, особенно потому что изображеніе немного стерлось. Вспомнимъ напр. что на монетахъ Яромира на главной сторонѣ изображенъ св. Вячеславъ въ кружкѣ и вырѣзана круговая надпись *Iagomir dux*, тогда какъ на оборотѣ въ полѣ видна церковь и вмѣстѣ съ тѣмъ круговая надпись съ именемъ св. Вячеслава. Буква *С*, явственно замѣтная на оборотѣ присланнаго мнѣ оттиска, не есть ли остатокъ имени Вячеслава? А, можетъ быть, имя Болеслава встрѣчается на обѣихъ сторонахъ его сребра. Замѣтимъ еще, что на одной монетѣ князя Брячислава I (1037 — 1055), поборника славянскаго богослуженія, на лицевой сторонѣ встрѣчается въ кружкѣ особый видъ полного патріаршаго (византийско-англо-саксонскаго?) креста, тогда какъ на оборотѣ изображенъ св. Вячеславъ съ поднятыми для благословенія руками.

По словамъ Стрончинскаго кладъ былъ зарытъ не задолго до 1060 года; однако онъ самъ сознается, что не могъ опредѣлить всѣхъ отдѣльныхъ его экземпляровъ. Между тѣмъ онъ приводитъ въ числѣ ихъ также монеты Этельреда II (978—1016) и Стефана I, короля венгерскаго (997—1038). Если же обѣ монеты принадлежали чешскому Болеславу II, то спрашивается, когда онѣ были чеканены, въ первой или во второй половинѣ его царствованія? Во второй—онъ, какъ извѣстно, уже значительно склонялся на сторону богослуженія латинской церкви. Когда Папа Іоаннъ XIII въ 973 г. потребовалъ въ своей надменности, чтобы въ новомъ пражскомъ епископствѣ и въ новомъ монастырѣ близъ старой церкви св. Георгія совершаемо было богослуженіе «не по обрядамъ или сектѣ племени болгарскаго или Руси или словенскаго языка», Болеславъ изъявилъ на то свое согласіе, не заботясь о сопротивленіи отдѣльныхъ Чеховъ. Въ 983 г. посаженъ былъ тамъ вторымъ епископомъ урожденный Чехъ Адальбертъ-Войтъхъ, который въ 997 году претерпѣлъ мученическую смерть между языческими Пруссцами. Его-то обвиняетъ преданіе, и вѣроятно не безъ основанія, что онъ вездѣ въ предѣлахъ чешскаго царства, даже и въ Краковѣ, по мѣрѣ возможности искоренялъ славянское богослуженіе. Вытѣсненный изъ Чехіи онъ переселился, около 996 г., во владѣнія Болеслава Храбраго¹⁹¹⁾. Позже онъ былъ объявленъ

191) *Ejusque praedicationibus et institutionibus (Boleslaus) obedit. Martinus Gallus.*

самими Поляками Святымъ, но въ Чехіи почитаніе Вячеслава долго сохраняло перевѣсъ. По этому-то мнѣніе Лелевеля (см. стр. 382) о монетѣ съ кирилловскими буквами, пока сомнительно: онъ полагаетъ, что польскіе короли Болеславъ I или II чеканили монету съ кирилловскими письменами. Однакожъ окончательное рѣшеніе вопроса о происхожденіи двухъ видовъ Болеслава сребра зависитъ отъ сравнительнаго опредѣленія типовъ, встрѣчающихся на чешскихъ и польскихъ монетахъ съ надписью: Boleslav и Boleslaus dix. Если обѣ монеты дѣйствительно принадлежатъ Болеславу I Храброму, то все-таки должно полагать, что онѣ выбиты по какому либо чешскому первообразу.

Теперь понятно, что Ярославъ I могъ помѣстить на русско-византійской монетѣ изображеніе Святаго по примѣру какой либо монеты чешскихъ или польскихъ Славянъ, или что онъ, подобно чешскому князю Яроміру, не говоря уже о сицилійскихъ Норманахъ, по собственному побужденію поставилъ на «сребрѣ» ликъ своего заступника на мѣсто своего собственнаго. Принимая въ соображеніе все состояніе греко-славянскаго обряда въ Чехіи во время X и XI вѣка, мы не можемъ не полагать, что вмѣстѣ съ житіемъ св. Вячеслава перешли въ Россію и иконы этого Святаго съ церковно-славянскою надписью. Можетъ быть грубо изображенная на древнѣйшихъ чешско-польскихъ монетахъ птица имѣетъ такое же значеніе, какъ на русскомъ «сребрѣ», особенно потому что на мѣстѣ птицы на тождественныхъ экземплярахъ иногда стоятъ также кресты и церкви¹⁹²).

192) Ганка не безъ основанія видитъ въ этой птицѣ — павлина. Значеніе павлина въ средневѣковой символикѣ еще недостаточно объяснено. Мнѣ кажется, что птицу, находящуюся на чешско-польскихъ монетахъ, должно толковать не изъ *рыцарской*, а изъ *церковной* символики. См. сочиненія, приведенныя Менцелемъ (Christl. Symbolik: Pfau), Генебо (Dict. iconograph.), Фридрихомъ (Die Symbolik und Mythologie der Natur. Würzburg 1859, стр. 574 и 250) и др.

Сообщу еще выписку изъ сочиненія Ваагена (Kunstwerke und Künstler in England und Paris. 3. Theil. Berlin 1839, p. 273), описывающаго миниатюры на одной парижской рукописи 12 вѣка:

«Auf der letzten Seite die Verkündigung der Hirten und die Anbetung der

Такимъ образомъ и со стороны нумизматики представлено еще новое доказательство тому, что въ вѣкъ Ярослава I сношенія всей сѣверо-восточной Европы съ Византією были живѣе, чѣмъ когда либо прежде или послѣ. Нынѣ догадка Круга, что какъ въ другихъ странахъ, такъ и въ древней Руси чисто-византійскія монеты, подобно позднѣйшимъ голландскимъ червонцамъ, перечекаивались, по крайней мѣрѣ уже не покажется столько странною, какъ она казалась Шлѣцеру¹⁹³). Томсенъ все еще не можетъ отказаться отъ прежней своей мысли, что часть варяжско-византійскихъ брактеатовъ чеканена въ Руси или Польшѣ. Предоставляя опроверженіе этой догадки другимъ, замѣтимъ еще, что Томсенъ издалъ (подъ № 250) одну, найденную въ Финляндіи, замѣчательную монету, величиною съ рублевикъ, на лицевой сторонѣ которой онъ читаетъ надпись: Boguslaus (?) какими-то древними монетными письменами. Круговой надписи на оборотѣ этой монеты онъ не объясняетъ. Судя по нѣкоторымъ особенностямъ, эта монета вѣроятно состоитъ въ связи съ чешско-польскою нумизматикою и съ померанскою сфрагистикою.

«Könige, welche im Wesentlichen noch die phrygische Tracht haben, nur dass die «Mützen in Kappen verwandelt sind. Auf der Seite gegenüber *die Taube* (der heilige «Geist) mit einem *Pfauenschweif*, welche die grosse, bunte, sehr gut gedachte «Schlange (den Teufel) beisst».

193) Zur Münzkunde Russlands, стр. 51 (русск. перев. стр. 64).

Родъ чешскихъ Премысловичей до конца XI вѣка.

ц. = царствовалъ. с. = супруга. о. = около.

БОРИВОЙ I, о. 870 — о. 895; с. Людмила, †927.

Чехыня, одна изъ законныхъ
супругъ Владимира Святославича.

Вышеславъ.

Святиславъ I, ц. 895—912. Братиславъ I, о. 912—926; с. Драгомира.

Вячеславъ, ц. 926—935. Болеславъ I, жестокий ц. 935—967.

Дубравка, †977; с. Мѣчислава I. Болеславъ II, благочестивый, ц. 967—999.

Болеславъ храбрый, ц. 992—1025.

Болеславъ III, рыжий, Яромиръ,
ц. 999—1002. ц. 1004—1012. ц. 1012—1037.

Мѣчиславъ II, ц. 1025—1034. Дочь, с. Святополка Ярополковича.

Братиславъ I, ц. 1037—1055.

Казимиръ I, ц. 1039—1058; с. дочь или сестра Ярослава I
Владимировича.

Святиславъ II, ц. 1055—1061. Братиславъ II, ц. 1061—1092.

Болеславъ II, смѣлый, ц. 1058—1079.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Вопросъ, имѣла ли Русь до татарскаго періода чеканенныя монеты, занималъ меня уже съ давняго времени. Доказательствомъ тому можетъ служить между прочимъ записка, хранящаяся въ I Отдѣленіи Императорскаго Эрмитажа. Она была написана по поводу перевозки тматораканскаго камня (съ славяно-русскою надписью 1068 года), въ Эрмитажъ въ 1851 году. Вслѣдъ за тѣмъ я былъ приглашенъ высказать свое мнѣніе: имѣемъ ли мы на этомъ памятникѣ древнѣйшую русскую надпись съ достовѣрнымъ хронологическимъ числомъ? Сообщаю здѣсь слово въ слово записку тогда мною составленную, хотя она и не была предназначена для печати.

«Je dois Vous avertir qu'il existe plusieurs exemplaires de monnaies de «Vladimir et de Iaroslav-Géorgy que MM. Krug et Reichel attribuent aux «rois bulgares. Cependant j'ai toujours hésité à accepter l'opinion de ces Mes- «sieurs: car nous savons que le grand-duc Iaroslav Vladimirovitch portait réelle- «ment le surnom de Георгій et il se peut bien que des Bulgares aient frappé, «en Russie, des monnaies de ce genre. M. Sakharov est à-présent aussi de mon «avis. Si notre hypothèse était fondée, nous ne pourrions plus nommer l'inscrip- «tion de Taman la première *inscription* slave gravée en Russie».

Нѣсколько времени спустя былъ описанъ кладъ древне-русскихъ серебриковъ, найденныхъ близъ Нѣжина въ 1852 году. Съ того времени во-

прось о существованіи монетъ древне-русскаго чекана сталь для меня еще важнѣе, такъ что я этотъ предметъ болѣе не выпускалъ изъ виду. Это, въ случаѣ нужды, можно доказать документально. Когда я въ первый разъ былъ приглашенъ высказать свое мнѣніе на счетъ такъ называемой монеты Олега по рисунку г. Кёне (см. выше Предувѣдомл. стр. V), то узналъ въ ней новый типъ Ярославля сребра, но вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ убѣжденъ, что рисунокъ г. Кёне не можетъ быть вѣрнымъ. Поданная мною краткая записка Начальнику I Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа начиналась слѣдующими словами:

« Avant tout, il y a deux questions à résoudre:

- 1) L'exemplaire de Stockholm est-il authentique?
- 2) La copie en est-elle exacte?

Ces deux questions, sans doute, ne peuvent être définitivement résolues qu'après un examen soigneux de l'original même. Cependant il y a deux thèses à soutenir:

- 1) Si l'exemplaire de Stockholm est authentique, la copie n'en peut pas être exacte;
- 2) Si la copie présentée (т. е. рисунокъ г. Кёне) est exacte, l'authenticité de l'original n'est pas à l'abri de toute contestation.»

Вслѣдствіе моего отзыва Начальникъ I Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа обратился къ г. Гильдебранду (см. выше стр. 50). Полученный весною 1859 года изъ Стокгольма гальванопластическій снимокъ вполнѣ подтвердилъ мое предположеніе, что рисунокъ г. Кёне не точенъ. Въ то же время мнѣ, какъ хранителю Кабинета русскихъ монетъ, дано порученіе донести официально о т. н. Олеговой монетѣ. Я немедленно исполнилъ возложенное на меня порученіе, придерживаясь единственно гальванопластическаго снимка и даже не упоминая о имени г. Кёне. Донесеніе мое, отъ котораго я и теперь ни въ какомъ отношеніи не отказываюсь, хранится въ Архивѣ Императорскаго Эрмитажа и, въ случаѣ надобности, можетъ быть напечатано.

Узнавъ о результатѣ моего объясненія, г. Кёне въ юнѣ 1859 года доставилъ въ I Отдѣленіе Имп. Эрмитажа новое подробное объясненіе упомянутой монеты,—выразивъ при этомъ свое изумленіе, что я такъ самовольно толкую весьма ясныя латинскія письма посредствомъ греческаго и церковно-славянскаго языка. Наконецъ онъ прямо объявилъ (см. Предувѣд. стр. VII) всѣхъ хранителей нумизматическаго кабинета incompetentными судьями.

Хотя ни Начальникъ I Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, ни я, мы не имѣли намѣренія передавать все это дѣло на судъ ученой публики; однако послѣ такого обвиненія, весьма естественно, что Ф. А. Жиль счелъ себя вынужденнымъ поручить мнѣ, вступившему не задолго до того на службу при Минцъ-Кабинетѣ, составленіе для печати подробнаго сочиненія о Ярославлѣ сребрѣ*).

*) Мои товарищи, конечно, не нуждаются въ защитѣ, съ моей стороны, ихъ ученаго авторитета, но для читателей, не знакомыхъ съ специальными изслѣдованіями по разнымъ отраслямъ нумизматики, напомню что ими издавы слѣдующія сочиненія:

Monographie des monnaies arméniennes. Par M. Brosset. St.-Pét. 1839.

Rapport sur l'ouvrage intitulée: Нумизматическіе факты Грузинскаго царства; и Revue de numismatique Géorgienne. St.-Pét. 1847.

Какіе тонкіе вопросы восточной нумизматики составляютъ предметъ ученой переписки г. Броссе съ генераломъ Бартоломеемъ, можно видѣть изъ сочиненія подъ заглавіемъ:

Lettres numismatiques et archéologiques, relatives à la Transcaucasie, écrites par le général Bartholomaei. St.-Pét. 1859.

Der ausruhende Heracles. Ein Relief der Villa Albani erläutert von L. Stephani. St. Pet. 1854.

Nimbus und Strahlenkranz in den Werken der alten Kunst. Von L. Stephani. St. Pet. 1859.

Какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ г. Стефани, сообразно нынѣшнимъ требованіямъ классической археологіи, постоянно обрабатываетъ греко-римскія древности въ связи съ греко-римскими монетами.

Служебныя мои обязанности по Императорской Академіи Наукъ и Археографической Коммиссіи не позволили мнѣ тотчасъ приняться за основательную и всестороннюю обработку предмета, который въ теченіе времени сдѣлался столь запутаннымъ. Между тѣмъ г. Кёне напечаталъ въ Берлинѣ свою статью (см. выше Предувѣд. стр. VII). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1859 года онъ почтилъ меня своимъ вниманіемъ, доставивъ мнѣ оттискъ своего сочиненія, къ чему присовокупилъ свои угрозы въ случаѣ новаго противорѣчія съ моей стороны.

Какъ человѣкъ, могу я простить и — забыть этотъ и другіе поступки г. Кёне: они характеризуютъ особенно *его*. Какъ ученый, могъ бы я съ совершеннымъ спокойствіемъ души ждать, какое вліяніе произведетъ на современниковъ его объясненіе древнѣйшей русской монеты. Но я не могу отказать отъ исполненія порученія, возложеннаго на меня по службѣ.

Выше (стр. 65) я приглашалъ читателей произнести свое сужденіе о трудѣ г. Кёне. Здѣсь же я считаю своей обязанностию упомянуть объ одномъ обстоятельстве, которое нѣкоторымъ образомъ можетъ служить извиненіемъ г. Кёне, но не освобождаетъ его отъ упрека въ самовольномъ искаженіи фактовъ ни въ этомъ ни въ другихъ случаяхъ, о которыхъ здѣсь даже не было упомянуто. Въ теченіе почти 20 лѣтъ г. Кёне показывалъ особенную любовь къ нумизматикѣ и напечаталъ рядъ сочиненій и статей, которыя касаются средневѣковыхъ и новыхъ монетъ почти всѣхъ народовъ Европы; кромѣ того онъ занимался греческой и римской, византійской и трапезунтской нумизматикой, также и классической археологіей, и даже западно-европейской, литовской и русской геральдикой. Такая разнообразная дѣятельность, кажется, должна сдѣлать опытнымъ взоръ нумизмата-археолога и предохранять его отъ односторонности. Но съ другой стороны, упомянутыя нами области науки такъ обширны и требуютъ, для сколько-нибудь положительнаго изученія, столь напряженной дѣятельности, что для этого не хватаетъ жизни человѣка.

Но и въ отдѣльныхъ областяхъ нумизматики, если изслѣдованія такого рода должны быть плодотворны, успѣхъ преимущественно зависитъ *отъ методы*, примѣняемой къ обрабатываемому предмету. Отъ того успѣхи по части естественныхъ наукъ болѣе значительны, чѣмъ по историко-филологическимъ наукамъ, гдѣ до сихъ поръ менѣе соблюдается строгость методы.

Узнавъ о результатѣ моего объясненія, г. Кёне въ іюнь 1859 года доставилъ въ I Отдѣленіе Имп. Эрмитажа новое подробное объясненіе упомянутой монеты, — выразивъ при этомъ свое изумленіе, что я такъ самовольно толкую весьма ясныя латинскія письма посредствомъ греческаго и церковно-славянскаго языка. Наконецъ онъ прямо объявилъ (см. Предувѣд. стр. VII) всѣхъ хранителей нумизматическаго кабинета incompetentными судьями.

Хотя ни Начальникъ I Отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, ни я, мы не имѣли намѣренія передавать все это дѣло на судъ ученой публики; однако послѣ такого обвиненія, весьма естественно, что Ф. А. Жиль счелъ себя вынужденнымъ поручить мнѣ, вступившему не задолго до того на службу при Минцъ-Кабинетѣ, составленіе для печати подробнаго сочиненія о Ярославѣ сребрѣ*).

*) Мои товарищи, конечно, не нуждаются въ защитѣ, съ моей стороны, ихъ ученаго авторитета, но для читателей, не знакомыхъ съ спеціальными изслѣдованіями по разнымъ отраслямъ нумизматики, напомню что ими изданы слѣдующія сочиненія:

Monographie des monnaies arméniennes. Par M. Brosset. St.-Pét. 1839.

Rapport sur l'ouvrage intitulée: Нумизматическіе факты Грузинскаго царства; в *Revue de numismatique Géorgienne.* St.-Pét. 1847.

Какіе тонкіе вопросы восточной нумизматики составляютъ предметъ ученой переписки г. Броссе съ генераломъ Бартоломеемъ, можно видѣть изъ сочиненія подъ заглавіемъ:

Lettres numismatiques et archéologiques, relatives à la Transcaucasie, écrites par le général Bartholomaei. St.-Pét. 1859.

Der ausruhende Heracles. Ein Relief der Villa Albani erläutert von L. Stephani. St. Pet. 1854.

Nimbus und Strahlenkranz in den Werken der alten Kunst. Von L. Stephani. St. Pet. 1859.

Какъ въ этихъ, такъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ г. Стефани, сообразно вышшимъ требованіямъ классической археологій, постоянно обрабатываетъ греко-римскія древности въ связи съ греко-римскими монетами.

Служебныя мои обязанности по Императорской Академіи Наукъ и Археографической Коммиссіи не позволили мнѣ тотчасъ приняться за основательную и всестороннюю обработку предмета, который въ теченіе времени сдѣлался столь запутаннымъ. Между тѣмъ г. Кёне напечаталъ въ Берлинѣ свою статью (см. выше Предувѣд. стр. VII). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1859 года онъ почтилъ меня своимъ вниманіемъ, доставивъ мнѣ оттискъ своего сочиненія, къ чему присовокупилъ свои угрозы въ случаѣ новаго противорѣчія съ моей стороны.

Какъ человекъ, могу я простить и — забыть этотъ и другіе поступки г. Кёне: они характеризуютъ особенно *его*. Какъ ученый, могъ бы я съ совершеннымъ спокойствіемъ души ждать, какое вліяніе произведетъ на современниковъ его объясненіе древнѣйшей русской монеты. Но я не могу отказаться отъ исполненія порученія, возложеннаго на меня по службѣ.

Выше (стр. 65) я приглашалъ читателей произнести свое сужденіе о трудѣ г. Кёне. Здѣсь же я считаю своей обязанностію упомянуть объ одномъ обстоятельстве, которое нѣкоторымъ образомъ можетъ служить извиненіемъ г. Кёне, но не освобождаетъ его отъ упрека въ самовольномъ искаженіи фактовъ ни въ этомъ ни въ другихъ случаяхъ, о которыхъ здѣсь даже не было упомянуто. Въ теченіе почти 20 лѣтъ г. Кёне показывалъ особенную любовь къ нумизматикѣ и напечаталъ рядъ сочиненій и статей, которыя касаются средневѣковыхъ и новыхъ монетъ почти всѣхъ народовъ Европы; кромѣ того онъ занимался греческой и римской, византійской и трапезунтской нумизматикой, также и классической археологіей, и даже западно-европейской, литовской и русской геральдикой. Такая разнообразная дѣятельность, кажется, должна сдѣлать опытнымъ взоръ нумизмата-археолога и предохранять его отъ односторонности. Но съ другой стороны, упомянутыя нами области науки такъ обширны и требуютъ, для сколько-нибудь положительнаго изученія, столь напряженной дѣятельности, что для этого не хватитъ жизни человека.

Но и въ отдѣльныхъ областяхъ нумизматики, если изслѣдованія такого рода должны быть плодотворны, успѣхъ преимущественно зависитъ *отъ методы*, примѣняемой къ обрабатываемому предмету. Отъ того успѣхи по части естественныхъ наукъ болѣе значительны, чѣмъ по историко-филологическимъ наукамъ, гдѣ до сихъ поръ менѣе соблюдается строгость методы.

Ни сколько не отрицая огромныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ *нумизматами-описателями*, все-таки надобно допустить, что древняя, средне-вѣковая и восточная нумизматика можетъ быть сдѣлана плодотворною для археологіи и вообще для исторической науки лишь *нумизматами-ислѣдователями*. Г. Кёне, безъ сомнѣнія, старался, достигнуть репутаціи *нумизмата-ислѣдователя*. Спрашивается только, познакомился ли онъ достаточно съ приемами историко-филологическаго изслѣдованія. Объ этомъ пусть судятъ знатоки дѣла.

СПб. 22 марта. 1860.

ОБЪЯСНЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

ТАБЛИЦА А.

Фотографическій снимокъ съ рисунка г. Кёне.

Рисунокъ этотъ доставленъ былъ въ I Отдѣленіе Императорскаго Эрмитажа при донесеніи г. Кёне. Для сравненія его съ другими русско-византійскими монетами г. Начальникъ I Отдѣленія озаботился, еще до полученія гальванопластической копій (см. Табл. В. 1.), о снятіи съ него фотографическаго снимка. Изъ того, что сказано на стр. 52 и 83 объ отношеніи этого снимка къ гравюрѣ, напечатанной въ Берлиѣ, выходитъ, что рисунокъ переданный г. Кёне въ Императорскій Эрмитажъ почти вовсе не отличается отъ берлинской гравюры.

A.

Moneta Aerea, retinuerat.

In Florentino, mense 179 in 1822.

OLEO REX. RECEIPT OF PROCEEDS

*Requisito' Nrogo
Perburbi In Florentino.*

ТАБЛИЦА В.

1. Рисунокъ гальванопластической копии стокгольмскаго Ярославля серебра.
См. выше стр. 50, 72 и 81.
 2. Снимокъ съ рисунка дерптскаго Ярославля серебра.
См. выше стр. 43, 46 и 89 (прим. 86).
По случайнымъ обстоятельствамъ нельзя было, при гравированіи Таблицы В, воспользоваться оригиналомъ большаго Ярославля серебра.
 3. Изображеніе св. Георгія въ Веллабрѣ, въ Римѣ.
См. выше стр. 129 (прим. 136).
 4. Изображеніе св. Георгія на венгерской коронѣ.
См. выше стр. 125 (№ 14).
 5. Изображеніе св. Георгія на шлемѣ в. кн. Ярослава Всеволодовича, отца св. Александра Невскаго.
См. выше стр. 125 (№ 12).
 6. Византійская монета съ грудными изображеніями Мануила Комнина деспота (царя, 1143—1180) и св. Георгія.
См. выше стр. 126 (№ 16).
-

B.

ТАБЛИЦА С.

1. Лицевая сторона монеты византійскаго царя Іоанна съ изображеніемъ св. Георгія во весь ростъ.
См. выше стр. 123 (№ 4) и 126 (№ 17).
 2. Грудное изображеніе св. Георгія на оборотной сторонѣ монеты византійскаго царя Алексія.
См. выше стр. 125 (№ 15).
 3. Грудное изображеніе св. Георгія на оборотной сторонѣ монеты византійскаго царя Іоанна.
См. выше стр. 123 (№ 4) и 126 (№ 17).
 4. Грудное изображеніе св. Георгія на оборотной сторонѣ монеты византійскаго царя Мануила Комнина.
См. выше стр. 126 (№ 16).
 5. Грудное изображеніе св. Георгія на оборотной сторонѣ монеты византійскаго царя Мануила Комнина.
См. выше стр. 125 (№ 15).
 6. Владимірово серебро. Надпись: Владиміръ на † столѣ а се его серебро.
См. выше стр. 49, 116 (прим 101) и 140.
 7. Первый типъ Владимірова злата. Надпись: Владиміръ а се его зл(а)то † Иеусъ Христосъ.
См. выше стр. 137.
-

C.

6.

7.

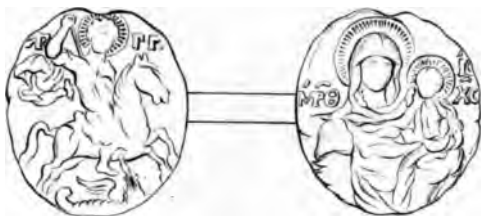

ТАБЛИЦА D.

1. Византійская печать съ изображеніями св. Георгія верхомъ (надпись: ΑΓΙΟΣ ΓΕΩΡΓΙΟΣ) и Богоматери съ младенцемъ (надпись: ΜΗΤΗΡ ΘΕΟΥ и ΙΗΣΟΥ ΧΡΙΣΤΟΥ).
См. выше стр. 126 (№ 19).
 2. Монета англо-саксонскаго короля Этельреда II (978—1016), съ изображеніемъ Агнца Божія (Спасителя) и голубя (св. Духа).
См. выше стр. 78 и 79 (прим. 76).
 3. Денга вел. кн. Василья Васильевича Темнаго (1425—1462), съ изображеніемъ князя на столѣ и голубя (святаго Духа).
См. выше стр. 77 и 78 (прим. 75).
 4. Серебrenикъ князя Болеслава съ кирилловскою надписью и большимъ патріаршимъ крестомъ.
См. выше стр. 148 и 159.
 5. Серебrenикъ князя Болеслава († Boleslavs dux), съ большимъ патріаршимъ крестомъ.
См. выше стр. 147 и 159.
 6. Варяжско-византійскій брактеатъ (въ видѣ золотой шейной гривны съ рунической надписью), выбитый въ Скандинавіи по образцу монетъ византійскихъ царей V или первой четверти VI вѣка.
См. выше стр. 152.
 7. Варяжско-византійская монета съ изображеніями византійскихъ царей Василья II и Константина XI (976—1025) и малымъ патріаршимъ крестомъ, выбитая вѣроятно въ Даніи въ вѣкъ Ярослава I Владиміровича.
См. выше стр. 154.
-

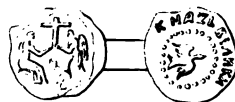
D.

1.

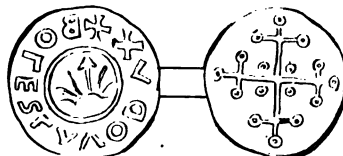
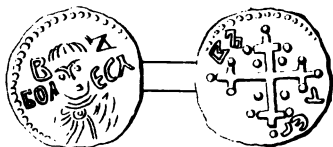
2.

3.

4.

5.

6.

7.

